ДЖОРДЖ ГРАЙДЕР,
ЭЛЛИС СИМС
БОЕВАЯ
РЫБКА
Воспоминания американского
военнопленного

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания боевого командира, офицера-подводника Джорджа Грайдера, записанные журналистом Лидлом Симсом, уникальное свидетельство участника Второй мировой войны. Ярко и образно описаны подготовка моряков, совершенствование ими навыков морской службы, боевые патрулирования и торпедные атаки. Грайдер был очевидцем нападения японцев на Пёрл-Харбор, поэтому его рассказ особенно ценен. В книге передана напряженная атмосфера постоянного риска нахождения на большой глубине в замкнутом пространстве американской подводной лодки.

- Грайдер Джордж
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Грайдер Джордж
Боевая рыбка

Глава 1
"Тихая" служба

По мере того как один за другим проходили дни 1941 года, всем нам становилось ясно, что приближается война. И осознание этого факта занимало умы даже тех из нас, кто отвергал такую возможность. Я думаю, что это как со смертью: все мы знаем, что когда-то умрем, но до тех пор, пока этот момент не наступит для нас, мы ее не приемлем.

Мы с группой сослуживцев играли в бридж в моем доме в Сан-Диего поздним вечером 6 декабря. Кто-то спросил меня, когда, по моему мнению, мы вступим в войну. "Завтра", — сказал я в шутку, мой партнер открыл карты без козырей, и вопрос был забыт.

На следующий день мы с Энн и нашим маленьким сыном Билли наслаждались спокойствием воскресного дня, когда к нам в дом ворвался сосед и сообщил нам, что бомбили Пёрл-Харбор. Прошла не одна неделя, прежде чем я отделался от ощущения, что в какой-то степени ответствен за свое легкомысленное предсказание.

А в тот день я тут же сел в машину, сказал жене и ребенку нежное «прощайте» и поехал в дивизион, к которому был приписан и в составе которого были четыре старые субмарины. Это были устаревшие подлодки, постройки после Первой мировой войны, но в тот памятный день никто из нас не сомневался, что мы на них незамедлительно вступим в бой.

Еще одно событие того памятного дня — это такой же, как я, морской офицер соседней подлодки. Когда я прибыл, он стоял на палубе, вернее, свешивался через бортик. Накануне он хорошо провел время на вечеринке и теперь чувствовал себя так скверно, как никто другой, кого я встречал в подобном состоянии. Второстепенные эпизоды, подобные этому, часто врезаются в память в минуты сильного волнения, но была другая причина, по которой я запомнил все так хорошо. Почти четыре года спустя, в день победы над Японией, я увидел того же самого офицера, к тому времени уже командира субмарины, свесившегося через ее бортик в Пёрл-Харборе и опять чувствовавшего себя хуже некуда. Это было выражением прекрасного, несколько драматичного постоянства, с которым я встречался на протяжении войны.

В подводники с самого начала, так же как и в военно-морские силы, я попал случайно. Поступил в морскую академию, потому что там учился мой брат, а он отправился туда вслед за Чарли

Бруксом, нашим другом еще по Мемфису, а Чарли сделал свой выбор, потому что видел фильм об Аннаполисе. Сыновьям убитых в Первую мировую войну офицеров ежегодно предоставлялась на эти должности определенная квота, которая никогда не заполнялась. Поэтому в то время, когда наши друзья умасливали и обхаживали политиков в надежде получить назначение, Джон и я просто воспользовались именем нашего отца Гэвока Грайдера и получили необходимые документы. В первый раз я провалился на экзаменах, но на следующий год пошел в подготовительную школу в Аннаполисе, проучился там несколько месяцев, снова сдавал экзамен и, выдержав его, в 1932 году поступил в академию, сразу же после того, как ее окончил мой брат.

Сначала я хотел быть летчиком, как мой отец. Так сильно этого хотел, что брал частные уроки летного дела, когда во время каникул в академии бывал дома в Мемфисе. Я все еще люблю возвращаться к вырезке из старой газетной статьи, в которой Уильям Фолкнер, который был другом моего отца, написал об учившемся летать сыне Гэвока Грайдера. Позднее, когда поступил на флот и служил на линкоре «Миссисипи» отряда военных кораблей США, я часто совершал тренировочные вылеты на старых гидропланах, которые были у нас на борту, и тратил свою небольшую зарплату на полеты частным образом.

Потом притягательность полетов исчезла, и я понял, что мое будущее не связано с авиацией. В последний раз самостоятельно я летал до того, как началась война, в один из дней 1938 года в Пёрл-Харборе, незадолго до того, как Энн приехала на наше второе бракосочетание.

Мы поженились тайно, как только я закончил учебу, в нарушение всех правил, а теперь, когда я отслужил положенные два года, мы собирались повторить церемонию как положено. Я потерял свои летные права и прошел через все бюрократические утряски и проволочки для получения дубликата. Получив его, пошел и взял напрокат на полчаса небольшой биплан, чтобы отметить прибытие моей жены. Едва я стартовал, как мой только что полученный дубликат прав вылетел из кармана, закружился в воздухе и приземлился внизу, в самой гуще громадного поля сахарного тростника. Вот тогда-то я и сказал себе: "С полетами покончено".

Я отслужил положенное время на «Миссисипи» и был переведен на эсминец «Рейдберн». Мы отлаживали на подлодках новое оборудование, с помощью которого ВМФ надеялся однажды запеленговать находящиеся в подводном положении лодки, определив расстояние до них при помощи отраженных сигналов — первый на военном флоте эксперимент с гидролокатором.

Работа была увлекательной, но более того завораживала меня жизнь подводников. Я выходил в море при любой возможности и вскоре решил, что эта служба по мне: маленькие суда, где царит удивительно высокий моральный настрой и боевой дух, да и платят подводникам прекрасно. Я направил соответствующее заявление и получил назначение в школу подводников, 23 мая 1939 года, в тот самый день, когда «Скволус» затонула во время испытательного погружения в море в районе Портсмута, Нью-Хэмпшир. У меня за плечами было уже шесть месяцев интенсивной подготовки в школе подводников в Нью-Лондоне, Коннектикут, и более года на субмарине «Скипджек», когда я пришел в гидролокационную школу ВМФ в Сан-Диего вести противолодочный курс для моряков с эсминцев. Тогда было вполне естественно, что, когда мы спешили на наши подлодки в день Пёрл-Харбора, мне слишком хорошо было известно, что мог сделать с ними вражеский миноносец.

Мы оставались в тот день на базе, слушая жуткие истории и слухи по радио, а на следующий день отправились на боевое патрулирование. По крайней мере, оно называлось боевым патрулированием и во многом было таковым. Причем опасность исходила не столько от противника, сколько от наших собственных нервозных действий. И если бы мы увидели чье-либо судно на плаву, будь то друг или враг, я уверен, мы бы сначала попытались его потопить, а потом уже распознать. Десять дней находились в дозоре на расстоянии от 50 до 100 миль от Сан-Диего, охраняя гавань и пытаясь поймать по радио последние новости о войне. И особенно были обескуражены сообщениями о том, что японцы потопили английские корабли «Рипалс» и "Принц Уэльский". До этого никто из нас не верил, что самолеты способны потопить такие могучие бронированные военные корабли.

Наконец мы обнаружили одно судно и попытались к нему приблизиться, но, к счастью, оно ушло от нас. Теперь я убежден, что это был американский танкер, команда которого и не подозревала, насколько близка была к гибели.

В последовавшие за тем годы войны, когда боевое патрулирование стало делом обычным и подводные лодки превратились в один из самых эффективных видов оружия в арсенале государства, я никогда не забывал кошмарную особенность того первого патрулирования. Мы, находясь вдалеке от главных событий войны, не имели представления о том, какая жизнь ждет нас впереди, не догадывались о той убийственной роли, которую сыграют наши подлодки в войне с Японией.

Но драма в Тихом океане уже разворачивалась. Во время

самой атаки на Пёрл-Харбор орудийные расчеты подлодок «Таутог» и «Нарвал» разделили с миноносцем славу за уничтожение одного из атакующих японских самолетов. Несколькими часами позднее обстрел Мидуэя японскими военными кораблями прекратился из-за появления в радиусе атаки противника «Аргонавта». И только через три дня после Пёрл-Харбора военный корабль противника недалеко от острова Уэйк был поврежден «Тритоном» в первой торпедной атаке подводной лодки Тихоокеанского флота. А «Суодфиш» потопила большое грузовое судно только через восемь дней после атаки на Пёрл-Харбор, и это первое подтвержденное потопление японского судна субмариной ВМФ США. Таким образом, прежде чем мы вернулись после задания по обороне порта Сан-Диего, наши подлодки на Тихом океане приступили к суровой миссии: торпедированию как торговых вражеских грузовых судов, так и кораблей военного флота, как только и когда только они попадутся.

По мере развертывания боевых действий результаты были все более впечатляющими. Намучившись на первых порах с несовершенными торпедами, с неподходящим оборудованием, наши подводники выработали собственные приемы нового для Америки вида боевых действий и вскоре стали управляться со своими субмаринами уверенно. Общее число потопленных вражеских грузовых судов постоянно росло в течение 1942-го и 1943 годов и достигло пика к концу 1944 года, а сократилось в последние месяцы войны из-за резко уменьшившегося числа бороздивших океан японских военных кораблей и торговых судов. Но потоплять их продолжали до самого конца. Японская подводная лодка «1-373», последняя из крупных субмарин, была потоплена лодкой «Спайкфиш» 13 августа 1945 года. А Левеллин, командир лодки «Торск», потопил два корабля береговой охраны 14 августа, всего за несколько часов до окончания войны.

Эта война дорого обошлась подводникам. Из всего личного состава подводного флота со средней численностью 14 750 офицеров и матросов погибли 374 офицера и 3131 матрос. Из строя были выведены 52 из 88 субмарин, 42 из них потоплены противником. Но нам было чем гордиться.

Между первым пуском ко дну, осуществленным лодкой «Суодфиш», и последним — лодкой «Торск», наши субмарины потопили более половины из всех японских торговых и военных кораблей, пущенных ко дну во Вторую мировую войну. Более четверти вражеских военных кораблей, потопленных силами всех флотов, действовавших на Тихом океане, стали жертвами наших торпед. В их числе линкор, 4 авианосца, 4 сопровождающих

авианосец корабля, 3 тяжелых крейсера, 9 легких крейсеров, 23 подводные лодки и 44 миноносца. Кроме того, наши подводники выполняли множество особых заданий: обеспечивали боевое охранение транспортных судов, вели артиллерийский огонь по береговым позициям японцев, проводили минно-заградительные действия, спасали летчиков со сбитых самолетов.

Мы прошли большой путь, начиная от подлодок типа «L» прошлого поколения, с малочисленной горсткой экипажа американских подводников, способных лишь обороняться в бою с германскими субмаринами серии «U» Первой мировой войны. Те наши лодки были малы и неустойчивы; они имели большой крен в бурном море; могли вести патрулирование в среднем только в течение восьми дней. В них был тяжелый воздух, а температура не превышала температуры воды за бортом, влага, постоянно конденсировавшаяся на внутренних стенках лодки, превращалась в водяные капли, которые дождем поливали экипаж.

Быстроходные субмарины — те, которые носят названия рыб, — дворцы по сравнению с первыми моделями. На них была система кондиционирования воздуха, кинопроекторы, холодильники для мороженого, полный домашний комфорт в пределах занимаемого нами помещения. Мы могли находиться в море в течение двух с половиной месяцев, проходить тысячи миль без дозаправки. Четыре дизельные силовые установки обеспечивали достаточную мощность для надводного хода и для подзарядки аккумуляторных батарей, обеспечивавших подводный ход.

Эффективность нашего оружия была не единственным фактором, о котором мы не имели представления, когда курсировали в море у Сан-Диего в последние дни 1941 года. Нам еще предстояло узнать о том, что характер службы подводника предполагает товарищеские отношения, несравнимые с теми, которые существовали в других подразделениях флота, и фактически забытые в условиях современной войны. В определенном смысле мы обрели некий ореол таинственности, привлекательность и свободу действий, какую имели авиаторы в Первую мировую войну. Наша команда была настолько мала, что все на борту субмарины знали друг друга поименно, настолько мала, как служба, которая доставляет на тот свет. Совместные увольнения на берег и тесная дружба сплотили нас. Мы были специалистами, занятыми в высшей степени секретной работой, фактически беспрецедентной в истории нашего флота. И при этой нашей взаимной зависимости мы были независимы до невероятной степени.

Дни славы одиночек давно ушли с большинства театров

военных действий. Все теперь решают действия групп и массовые операции. Одиночки, даже если это отдельные подразделения, все реже появляются в поле зрения. Мы же, выходя на патрулирование, были предоставлены сами себе. Не было никого вне нашего подразделения, кто отдавал бы приказы о том, как идти на сближение, как атаковать, как действовать дальше. Мы оставались с врагом один на один. Случалось, мы выходили группами, но в большинстве случаев действовали самостоятельно. Нам определяли район патрулирования и давали общие инструкции о том, что предпринимать в той или иной ситуации или чего ожидать, и в рамках этих распоряжений мы действовали в широком широтном диапазоне. Мы были корсарами в мире, почти забывшем это слово. При всей жестокости войны это был щекочущий нервы уникальный опыт.

В наших маленьких экипажах все 80 или 90 человек на борту волей-неволей зависели друг от друга, и матрос самой низшей статьи должен был столь же умело выполнять свои обязанности, как и капитан. В любом роде войск безопасность каждого воина зависит от действий его товарища по оружию, но на подводной лодке эта зависимость чрезвычайно тесная. При неукоснительном соблюдении старшинства по званию там обходятся без лишней формальности, и каждый ощущает свою принадлежность к одной команде. В наших отношениях полностью отсутствовали какая-либо зависть друг к другу, обиды матросов на офицеров или враждебность офицеров к матросам. Когда я служил на «Поллак», обладавший художественными способностями радист рисовал дружеские шаржи на офицеров в корабельной газете. На «Уаху» именно обычный матрос обеспечивал Машу Мортону проход в гавань Вевак.

Я помню ночь, когда стоял на мостике «Флэшер», рассекавшей гладь спокойного, залитого лунным светом моря, в компании с вахтенным всматриваясь в горизонт в поисках противника, когда мне вдруг пришла в голову почти мистическая убежденность в том, что каждый человек внизу — мой брат. Вспомнились слова Генри V из хроники У. Шекспира: "Ибо тот, кто сегодня проливает вместе со мной свою кровь, будет моим братом". Это чувство, я думаю, разделял тогда каждый из нас. До сих пор, когда я вижу человека с отличительными значками подводника, я останавливаю его, чтобы пожать руку.

Не знаю, кто придумал нам прозвище "тихая служба", но при всем своем соответствии оно неизбежно вводит в заблуждение. Операции подводных лодок были скрыты покровом секретности, за некоторыми исключениями, сделанными из моральных соображений, такими, как всеобщее одобрение действий Маша

Мортона, когда мы вернулись после патрулирования, в ходе которого «Уаху» провела свою знаменитую рекогносцировку гавани Вевак. А прозвище "тихая служба" несло в себе некоторую таинственность и некое очарование для широкой публики, которая фактически ничего не знала о подлодках. При этом оно способствовало созданию представления о подводниках как о суровых, молчаливых людях иной, чем прочие, породы, и это, конечно, было ошибкой.

Для меня служба подводника не была зловещей ни в каком смысле. Да, пришлось пережить ужасные моменты, пройти через ад, но все-таки создаваемый вышеупомянутым определением имидж вводит в заблуждение. Подводники молчаливы больше в силу необходимости, чем по своей природе. Но в каждый отдельный момент обстановка на борту субмарины столь же похожа на фарс, как и на трагедию. У подводников прекрасно развито чувство юмора — без этого им не обойтись. Я вообще считаю, что слишком мало сказано о чувстве юмора американцев, проявившемся во время войны. Это было своего рода нашим секретным оружием. Я помню, как читал перехваченное донесение японской патрульной субмарины в районе Пёрл-Харбора 7 декабря 1941 года. Ее офицеры решили, что попали в окружение вражеских подлодок. Они ударились о дно где-то в районе Гавайских островов, и у лодки стал такой ужасный угол крена на одну сторону, что ее гальюны перехлестнули через край и нечистоты залили каюты. В донесении говорилось, что японские моряки провозгласили славу императору, прежде чем предстанут, по их выражению, пред ликом смерти. Они были убеждены в том, что вот-вот будут уничтожены. На самом же деле на обозримом расстоянии не было никакого врага, когда они представали пред ликом смерти, поэтому они благополучно вернулись в свою империю.

Американский экипаж, попадая в критическую ситуацию и находясь по колено в дерьме, уж точно не славил Франклина Делано Рузвельта и не думал о лике смерти. Подводники шутили на этот счет, как это делал капитан Уорс Скэнлэнд, когда точно такой же случай произошел на борту «Хокбилл» в 1944 году.

Когда Булл Райт после своей первой успешной атаки в качестве командира «Стерджен» отправил свое известное донесение: «Стерджен» уже больше не девственница" — это был не просто каламбур. Когда Ред Коул, страдавший от недостатка туалетной бумаги на борту «Скипджек», направил возмущенное послание по радиотелеграфу, обрисовывая процесс возникновения чрезвычайной ситуации и детально передавая область применения необходимого материала, это было чем-то

большим, нежели просто веселое отстукивание слов по красной ленте. Такие случаи свидетельствовали о здоровом психическом состоянии, характерном для всех наших вооруженных сил, но особенно широко присущем подводникам.

Суровые военные истины не тот заряд энергии, который поддерживает моряков в их деле. Они не снимают напряжение; они его нагнетают. По мере того как ситуация ухудшается, замечаешь, что вся команда лодки до предела напряжена. И вдруг случится что-либо действительно смешное, и лица людей светлеют. Так произошло на «Поллак» однажды ночью, когда вахтенный нечаянно прищемил зад нашему капитану. Об этом инциденте будет упомянуто ниже.

А на «Уаху» зубной протез немолодого уже добровольца-подводника по имени Уэч помог справиться с особенно тяжелой ситуацией. Мой самый близкий друг среди офицеров этой первоклассной подлодки вспомнил о нем более чем десять лет спустя, когда мы предавались воспоминаниям. Уэч был по меркам подводников стариком, ему было около сорока, и он впервые участвовал в патрулировании. «Уаху» удачно завершила операцию в районе острова Хонсю, и лодка на большой глубине бесшумно удалялась от берега. Все знали, что японские подводные охотники рыскали неподалеку. Роджер в носовом торпедном отсеке разговаривал с Уэчем, когда с самолета была сброшена глубинная бомба одной из новейших моделей. Уэч тогда в первый раз познакомился с глубинной бомбой вообще, не говоря уже об этой новинке. Он опешил, прервав на полуслове речь и застыв с открытым ртом и выпученными глазами. Его верхний зубной протез соскочил и опустился на нижний. Роджер рассказывал, что вид этого ошеломленного подводника был настолько уморителен, что смотреть на него без смеха было невозможно. Не обращая внимания на разрывы глубинных бомб, все находившиеся в этом помещении подводники сложились пополам, покатываясь со смеху.

Я не знаю такого человека среди подводников, у которого за время войны не обострилось бы чувство юмора. Нам оно было необходимо для выживания. Во время второго патрулирования на «Уаху» мы на протяжении нескольких недель шли с торпедой, застрявшей в торпедном аппарате, и постепенно ожидали, что она в любой момент взорвется и разнесет нас на куски. Ставший привычным ритуал, состоявший в том, чтобы каждую ночь спускаться к торпедному аппарату, прикладывать к нему ухо и склоняться в молитвенном поклоне, был, конечно, глупым и все же делал ситуацию сносной.

Более того, я верю, что именно юмор помогал нам

поддерживать дисциплину, не формальную, а истинную. Ведь цель дисциплины в том, чтобы добиться организованности, чтобы подразделение действовало эффективно, как единое целое; тут нет другой обоснованной цели. А дисциплина, не разбавленная юмором, создает ужасное напряжение в команде, которое сводит на нет преследуемую ею цель. Вахтенный, нечаянно прищемивший офицера и получивший в ответ язвительное замечание вместо строгого выговора, будет особенно старательно отдавать честь капитану и, что более существенно, станет выполнять его приказы с большим рвением в критической ситуации.

Отчасти причина необыкновенно высокого морального духа в нашем коллективе, как я уже отмечал, заключалась в его малочисленности. Когда «Стингрэй» совершила один из самых выдающихся подвигов по спасению во время войны, вытащив американского летчика из-под обстрела вражеских пушек, когда тот ухватился за перископ уходившей под воду субмарины, для меня это означало нечто большее, потому что командиром «Стингрэй» был мой старый друг Сэм Лумис. О фантастических подвигах Дика О'Кейна на «Тэпнг» с восхищением говорил каждый, кто служил с ним на «Уаху». Когда я стал командиром «Флэшер», субмарины, которой выпадет слава потопить больше вражеских грузовых судов, чем кому-либо еще во время войны, я уже знал о выдающемся рекорде, поставленном лодкой под командованием моего хорошего друга Рубина Уитикера, и слышал историю о разговоре Рубина с Буллом Райтом в ночь, когда был атакован Пёрл-Харбор. Рубин служил тогда старшим помощником на «Стерджен», и, когда будоражащее донесение поступило на находившуюся на Филиппинах «Стерджен», он ворвался с ним в каюту Булла. Но капитан после затянувшейся допоздна вечеринки был в некотором роде "вне игры". Все, что смог сделать Рубин, так это растрясти его до полусонного состояния. Булл выслушал донесение.

— Ладно, Рубин, — сказал он, — возьми это на себя. — Затем он что-то сонливо пробормотал и повернулся на другой бок, удовлетворенный, по крайней мере, на данный момент тем, что его старпом сможет уладить такую мелочь, как война.

В дозоре мы читали доклады с других подлодок, а на берегу говорили об этом. Говард Гилмор, который отдал жизнь за «Гроулер», приказав ей идти на погружение, в то время как сам он, тяжело раненный, висел на капитанском мостике; Честер Смит с «Суодфиш», сопровождавшей корабль "Президент Кесон" у берегов Филиппин, Джо Инрайт с «Арчерфиш», потопившей крупнейший из когда-либо потопленных субмариной военный

корабль; Джин Флаки, который использовал свою «Барб» для артобстрела вражеского побережья, так же как и для потопления вражеских кораблей, — мы знали их всех или же знали кого-то, кто их знал.

Мой собственный опыт военного времени приобретен в несепии дозорной службы на «Уаху», "Поллак", «Хокбилл» и «Флэшер». У каждой лодки своя отличительная особенность и своя незабываемая команда, и никогда ни одно из девяти патрулирований, совершенных мной на этих четырех подлодках, не завершалось безрезультатно. Мне очень повезло, что на пике своей карьеры я познакомился с великолепным Дадли Мортоном, что на моих глазах Дик О'Кейн повысил боеспособность своей команды, за что был удостоен медали "За боевые заслуги", и плечом к плечу сражался со многими другими, столь же доблестными людьми. Становление некоторых из них произошло в мирный период до нападения военного флота Японии на США.

Как только мы заходили на большую военно-морскую базу, такую, как Пёрл-Харбор, слышали от представителей других родов войск разговоры о "вундеркиндах за 90 дней" и "мальчиках из училищ", в которых явственно слышались зависть и враждебность, иногда возникавшие между резервистами и кадровыми военными. Таких отношений никогда не было на подлодках, на которых я служил. Я теперь едва ли смогу вспомнить, кто из моих бывших товарищей по оружию был и кто не был выпускником военной академии. Я думаю, что на «Флэшер» из девяти офицеров помимо меня были два выпускника школы в Аннаполисе. Конечно, в качестве инструмента проверки способностей офицера уровень академии не был решающим фактором. Конечно, кадровые офицеры лучше знали служебные обязанности, но резервисты были более инициативны и способны воспринимать неортодоксальные идеи. И в самом деле многие нововведения, появлявшиеся в ходе боевых действий, зарождались у людей, воображение которых не было ограничено рамками традиционных концепций морского боя, преподаваемых в военно-морских высших учебных заведениях.

Был еще и некий моральный аспект, касающийся нашей подводной службы. Мы участвовали в такого рода войне, к которой наши собственные семьи еще с Первой мировой питали отвращение. Ведение подлодками войны без ограничений было синонимом бесчестья в дни самого пика развития германского подводного флота, и даже при том, что тотальная война охватывала нас со всех сторон в дни после Пёрл-Харбора, время от времени кто-нибудь ставил вопрос о совести.

Поскольку делалось различие между злом, которое несет

война, ведущаяся подлодками, и другими формами вооруженного конфликта, никто из нас не тревожился по поводу отведенной нам роли, хотя, может быть, был недоволен мнением друзей по этому поводу. Коль скоро вы начали политику тотальной войны, тот, кто открывает огонь по безоружному торговому судну из подводного положения, конечно же заслуживает не большего порицания, чем тот, кто сбрасывает на него бомбы сверху. И мы не играли роль монстров, безнаказанно наносящих удары по врагу; обычно всегда были корабли сопровождения, следовавшие сзади или бросавшиеся в гущу боя. Человеческие потери оказались достаточно велики для того, чтобы установить тот факт, что субмарины подвергались опасности большей, а не меньшей среднего уровня.

Во время самой войны совесть меня не беспокоила. Мы знали, что на борту всех торпедируемых нами кораблей находятся люди, но в силу некой метаморфозы, которая происходит во время боя, думали о них не как об отдельных личностях — думать так было бы просто невыносимо, — но как о «противнике». Неясная, неопределенная эмоциональная установка, которая не сводится к глядящей на вас паре глаз.

Для меня и, как я думаю, для любого проще руководствоваться разумом, чем эмоциями. Мне приходилось временами испытывать приступ боли, скорее сожаление, чем угрызение совести, за таких же моряков, которых потопили. Однажды ночью, когда мы подкрадывались к одиночному поврежденному грузовому судну после того, как на глазах его экипажа все остальные суда конвоя один за другим были пущены ко дну, я испытал нечто вроде жалости к капитану этого оставшегося корабля, человеку, который собрал все свое мужество и отвагу в тщетной попытке спастись от нас бегством, но мое чувство не было достаточно глубоким. Ведь если бы оно было таковым, я, безусловно, закончил бы войну в госпитале, обратившись за помощью к психиатру.

Но был один случай во время шестого выхода «Флэшер» на патрулирование, который я никогда не забуду. Мы заметили довольно большой сампан, открыли по нему артиллерийский огонь и подожгли в пределах видимости суши и, после того как, по-видимому, весь экипаж покинул судно, пошли к его борту, чтобы завершить дело, бросив ручную гранату. Том Маккэнтс поднялся на нос «Флэшер» с гранатой. Том бросил ее с таким расчетом, чтобы она попала в трюм и пробила днище.

Когда раздался взрыв, из-за кормы выпрыгнул человек. Он прятался за планширами. Окровавленный, в лохмотьях, прежде чем покинуть сампан, он посмотрел на меня, стоящего на

мостике. Он посмотрел мне прямо в глаза, и его пронзающий взгляд был полон укора. В тот миг война вдруг стала невыносимо личным делом. Я отмахнулся от этого ощущения, но оно запало в глубину моего сознания, и, хотя, чтобы пустить корни, ему потребовалось всего мгновение, оно стало разрастаться вовсю. Не одну ночь я думал об этом бедном человеке, который, вероятно, даже не был японцем и, пожалуй, вовсе не участвовал в войне, зато сампан, несомненно, был средством существования этого человека и его товарищей, которого мы их лишили. Обо всем этом сказал мне его сверкнувший взгляд и оставил в моей душе глубочайший след в память об этой войне.

Но, несмотря на это, я не чувствую своей вины, и, думаю, было бы ошибкой испытывать это чувство. Несомненно, случись все это снова, я поступил бы так же.

Когда дело касается войны, мы все грешны, и тот, кто стреляет, не более тех, кто платит налоги, или покупает облигации военных займов, или жертвует слоеный пирог для Объединенной службы организации досуга войск. Но все равно мне жаль, что пришлось стать машиной этого ужасного разрушения. Подобно многим другим ветеранам, глубокой ночью лежа в постели без сна, иногда думаю обо всех умерших, о своей роли в этом, и мне очень хочется, чтобы ничего такого не было.

Но даже на подводных лодках большую часть времени экипаж проводил не в боевых действиях. Случалось, мы сутками и более находились на военно-морской базе, прежде чем уйти в боевой поход, который мог длиться днями или неделями. Но эти периоды были несоизмеримо короче проведенных в несении дозорной службы. Благодаря этому мы, наверное, сумели остаться людьми. Со временем я полюбил те стороны жизни на подлодке, которые ничего общего не имели с потоплением кораблей.

Из всех моих обязанностей в военное время наиболее приятными и интересными были обязанности штурмана. Я любил управлять подлодкой. Было что-то почти сладостно приятное в том, с какой точностью и безошибочностью вы определяете свое местоположение в этих бескрайних просторах океана, определяя высоту звезд, используя красивый хронометр, чтобы получить точное местоположение корабля. Это так захватывающе — подняться на поверхность в дневное время, вычислить положение Венеры, посмотреть в том направлении на небо и увидеть тусклую маленькую светящуюся точку, по которой вы можете зафиксировать свое местоположение. После многих дней пути в открытом море опытный штурман может сказать: "Сегодня в шесть часов мы увидим такой-то и такой-то остров", и, мой бог, когда это время наступает — вот он тут как тут. Не часто

встречаются ситуации, когда затраченные усилия приносят в награду такой конкретный результат.

И было странное спокойствие, основанное, как ни парадоксально, на ощущении того, что задание по патрулированию выполнено, и выпадало это на дни, когда мы возвращались в порт. Обычно мы шли на базу с убеждением, что хотя и могли бы действовать лучше, но все же не потерпели неудачу и потрудились не напрасно. И по этой причине мы могли стоять на мостике, на какое-то время забыв о войне. Если мы на пару дней уходили из акватории противника, то оказывались в относительной безопасности; всегда существовала вероятность того, что нас прикончит вражеская подлодка, по она была далеко, а пока мы были настороже, опасность стать жертвой самолетов была ничтожна.

Если вы когда-нибудь наблюдали, когда подводная лодка появляется на поверхности и вода переливается через ее рубку, пока она становится на ровный киль, вас, может быть, посещало странное ощущение единения между подводником и водой, которая вокруг него. Подводная лодка очень близка к океану. Она скользит по нему спокойно и мощно и в большей степени сливается с водой, чем любой другой известный мне корабль. Когда стоишь на ее мостике в закатный час, смотришь, как солнце отступает за горизонт, и предвкушаешь маленькие удовольствия комфорта, безопасности, испытываешь удовлетворение от проделанной работы. Все это согревает душу и незаметно приводит в возбуждение.

Все это еще было у нас впереди, когда мы были приведены в замешательство в дни и ночи, проведенные нашей дивизией подводных лодок у берегов Сан-Диего. Мы даже еще по-настоящему не стали частью драмы, уже развернувшейся на Тихом океане. Но наше приключение служило определенной цели. Оно занимало нас, но не наносило вреда, и, возвратившись в порт, мы были готовы успокоиться.

Энн все еще оставалась в Сан-Диего, что было как бальзам на душу многим офицерам дивизии. Жены всех других подводников упаковали вещи и уехали, пока мы были на патрулировании. Я полагаю, что уехать им посоветовали мужья, и в Коронадо, расположенном от Сан-Диего с противоположной стороны залива, практически все дома были выставлены на продажу. На меня мои товарищи смотрели как на отвратительное доказательство того, что недальновидность иногда вознаграждается.

Мы возобновили нашу учебную программу, проходили месяцы, жены стали потихоньку возвращаться, и цены на недвижимость в Коронадо подскочили. И наконец, в марте 1942

года я был откомандирован на подводную лодку «Уаху», строившуюся тогда на верфи на Мэри-Айленд в Калифорнии. Энн на этот раз поехала домой — ее мать была в критическом состоянии, и я сказал дивизии подводных лодок «прощай» и убыл на «Уаху».

Глава 2
Подготовка

Единственным офицером, прибывшим раньше меня, был Роджер Пейн, тремя годами раньше выпущенный из Военно-морской академии. Это был спокойный темноволосый дружелюбный человек, которому предстояло стать артиллеристом и торпедистом. Мы оба перешли на «Уэйл», подлодку, прибывшую в соответствии с графиком раньше, чем наша, и познакомились с ее экипажем. Некоторые из его членов отсутствовали: они вышли в боевом патрулировании и только после этого вернулись на «Уэйл», и в последующие дни мы при каждой возможности старались послушать, что они рассказывали. Это были боги бригады подводных лодок на Мэри-Айленд — они встречались с противником.

Командовал лодкой капитан-лейтенант Марвин Кеннеди, высокий, худощавый человек с рыжими волосами, румяным лицом и с прекрасной репутацией способного руководителя, командовавшего хорошо отлаженным кораблем. Старшим помощником капитана был молодой человек, произведший на меня впечатление человека чрезмерно болтливого и неуравновешенного. Его звали Дик О'Кейн. Прежде он служил четвертым или пятым помощником на «Аргонавте», самой большой из когда-либо построенных довоенных подводных лодок. Дик был приятным в общении и трудолюбивым офицером, внимательным к мелочам, но не от мира сего. И все же мы с удовольствием слушали его рассказы об «Аргонавте». Это был минный заградитель, если он и не потопил никаких вражеских судов, то он их встречал, а для нас это кое-что значило. Дик сказал, что он предлагал командиру «Аргонавта» запросить добро на то, чтобы отправиться к берегам Японии для постановки мин у ее побережья, и тут же нетерпеливо добавил, что его советы были проигнорированы. Этот рассказ лишь укрепил наши сомнения относительно нового старпома. Теперь я думаю, что его предложение о постановке мин было дельным, но в то время для всех нас оно казалось явным признаком безрассудства. Сомневаюсь, что кто-нибудь из нас поверил бы тогда, что Дик в этой войне удостоится медали "За боевые заслуги" — рекорда почти недосягаемого в военное время на службе в подводном флоте.

Я был третьим после О'Кейна помощником командира «Уаху». Роджер Пейн четвертым, а вирджинец Хэнк Хендерсон —

следующим по очереди. Позднее к нам пришел Джек Григгс, ставший моим помощником, а самым младшим из прибывших офицеров был Джордж Миш.

Наша обязанность, до того как «Уаху» была спущена на воду, состояла в том, чтобы наблюдать за ходом ее строительства. Процесс строительства лодки сильно отличается от сборки автомобиля. Хотя чертежи составлены безупречно, каждая подлодка все равно имеет индивидуальность. Изменения на основании приобретенного в бою опыта вносятся постоянно. Кораблестроительный завод на Мэри-Айленд конечно же сооружение военно-морского флота, и лодка строилась ВМФ. Строители осознавали ответственность за лодку, но они не собирались на ней воевать. Воевать предстояло нам, и мы хотели убедиться в том, что субмарина построена так, как следует. Более того, нам хотелось знать, как она была построена, вплоть до последнего винтика, с тем чтобы в случае неполадок знать, что вышло из строя и в каком месте.

Моряк-подводник, будь то матрос или сам командир, знает свою лодку так же хорошо, как пехотинец свою винтовку. Подводники-добровольцы, каждый матрос и офицер, прежде чем они будут приняты на службу, проходили исключительно жесткое тестирование. Кандидата, например, спрашивали, как перекачать горючее из носовой дифферентной цистерны в уравнительную цистерну, как продуть воду из труб носовых торпедных аппаратов, и даже о том, как промыть гальюн дифферентным насосом. И если вы думаете, что такую пустячную вещь, как промывание гальюна, сделать ничего не стоит, позвольте мне процитировать инструкцию по его промыванию на подводной лодке «Уаху».

"Прежде чем пользоваться, убедитесь, что откидной клапан «A» закрыт, задвижка клапана «C» в отводной трубе по линии подачи открыта, клапан «D» по линии подачи воды открыт. Затем откройте следующий за бачком клапан «E», чтобы пустить необходимое количество воды. Закройте клапаны «D» и «E». После использования потяните за рычаг «A», отпустите рычаг «A». Откройте клапан «C» по линии подачи воздуха. Подайте задвижку воздушного клапана «F» к борту, чтобы загрузить мерительный сосуд до десяти фунтов выше давления на уровне моря. Откройте клапан «B» и подайте задвижку воздушного клапана от борта, чтобы выдуть все за борт. Закройте клапаны «B», "C" и «G».

Все эти подробности были важны. Придет время, в период моей службы на другой подводной лодке, когда трудности с клапаном в носовом торпедном отсеке станут причиной одного из самых потрясающих случаев проявления мужества. О лейтенанте

Рексе Мерфи будет подробно рассказано ниже.

* * *

Никогда еще в своей жизни я столько не работал, как во время строительства, ввода в строй и испытаний «Уаху». Мы проживали на втором этаже небольшого деревянного административного корпуса на кораблестроительном заводе ВМФ. Это строение постройки времен Первой мировой войны. В этом пропахшем дизельным горючим, маслом и потом усталых моряков помещении с несколькими столами, пишущей машинкой и телефоном размещался мозговой центр экипажа подводной лодки, откуда осуществлялся контроль за ее строительством.

По мере того как на борт прибывал экипаж, по нескольку человек одновременно, к нашей работе добавилась обязанность его подготовки. Помимо этого, конечно, нам приходилось приводить в порядок бумаги, коды и карты и проверять каждую деталь машинного оборудования. В этот период верная служба помощника корабельного врача по имени Линде оказалась как нельзя кстати. Официальное одобрение принесло ему одно из достоинств, которое на самом деле могло бы привести его на скамью подсудимых военного трибунала, если бы оказалось в фокусе внимания компетентных людей.

Линде, необыкновенно изобретательный человек, стал нашим неофициальным поставщиком дефицитных вещей. Если нам было что-нибудь нужно и мы не могли получить это по военно-морским каналам, все, что нам оставалось, — лишь предоставить Линде свободу действий и не задавать вопросов, когда он вернется. В данном конкретном случае позарез нужна была деталь для нашего радара. Теперь трудно представить, насколько сверхсекретной была такого рода деталь в том 1942 году, а потому страшно долго длилась процедура ее получения по официальным каналам. Одна из трубок, диаметром в половину футбольного мяча, разорвалась, и нужно было ее спешно заменить, потому что мы были почти готовы к отплытию из Мэри-Айленд. Потребовались бы недели для того, чтобы достать новую трубку в обычном порядке, поэтому мы вызвали Линде, посвятили его в наши нужды и отпустили на весь день.

К ночи он вернулся с трубкой.

Позднее мы в общих чертах узнали, как он это сделал, хотя полагаю, что детали никогда не станут известны. Он добрался до склада военно-морского снаряжения в Окленде, строго охраняемого объекта, куда обычному моряку дорога была

заказана, и проник на него. Он нашел нужный пакгауз и получил необходимую нам трубку. Тогда его единственной проблемой было выбраться с ней со склада.

Какому-нибудь иностранному агенту, наверное, понадобились бы месяцы, чтобы подготовить план выполнения этого опасного задания, и все равно он бы провалился. Линде просто завел дружбу с водителем грузовика, возившего безалкогольные напитки, спрятал свою драгоценную трубку среди десятков бутылок кока-колы и вывез ее через главные ворота.

Все же думаю, Линде надо было бы пойти в разведку. Не потому, что он не был отличным моряком, — он им был. Но служба медицинского работника не подходила ему по темпераменту. Из-за этого ему довелось пережить мучительные страдания в третий выход на боевом патрулировании на «Уаху». Однажды на палубе разорвался 20-миллиметровый снаряд и сильно покалечил ногу моряку. Линде позвали, чтобы произвести ампутацию стопы. Он уединился со своим пациентом, долго не выходил, потом вернулся.

— Я не могу этого сделать! — Его душили слезы. — Я не могу этого сделать!

В конце концов он, конечно, сделал операцию, использовав инструмент, похожий на клещи, но наш хирург испытал большую боль, едва ли не большую, чем пациент. Линде был прекрасным бойцом, но не мог выносить вида крови.

* * *

Наконец «Уаху» была готова к выходу в море.

Каждый из нас испытывал сильное напряжение. Мы были измотаны сверхурочной работой, неделями недосыпали и постоянно жили с мыслью о том, что впереди нас ожидает великое неведомое. Прошлой ночью, до того, как покинули кораблестроительный завод ВМФ, завершив приемные испытания, мы пришвартовались к причалу в Сан-Франциско, и напряжение оказалось слишком велико для нашего рулевого.

Может быть, мне следует сказать, что процедура снятия напряжения была достойна осуждения. По мере того как приближался день нашего отбытия, моряки вовсю использовали редкую возможность расслабиться — сходили на берег, чтобы накачаться спиртным. В тот вечер рулевой, огромный мускулистый матрос по имени Морган, по ошибке расслаблялся в то время, когда должен был нести вахту на палубе.

Я спал сном вымотавшегося человека, когда услышал, что

спустился посыльный и попытался разбудить Дика О'Кейна. Дик и я делили одну каюту, размером примерно с купе пульмановского спального вагона, в которой было три койки. Дик все не просыпался, а я не мог уснуть до тех пор, пока посыльный не угомонится, и сел на койке и спросил его, что случилось.

— Морган на палубе, сэр, — доложил он нервно, — и он стреляет по фонарям на причале из своего "сорок пятого".

Дик продолжал храпеть.

Усталый, злой и несколько встревоженный, я вылез и поднялся на палубу. Морган и в самом деле размахивал своим кольтом, как маленький мальчик водяным пистолетом. Я попытался к нему приблизиться.

— Морган, — сказал я, — отдай мне револьвер.

Он помахал оружием в моем направлении и зверски посмотрел на меня, прямо как киношный злодей.

Я попытался обойти его сбоку, полагая, что если он и в самом деле целится в меня, то смогу столкнуть его за борт и прыгнуть вслед за ним. В Аннаполисе я был в команде пловцов и в тот момент в воде чувствовал бы себя увереннее.

Но кризис, похоже, миновал. Морган примерно через минуту отдал свой револьвер, и я велел ему идти вниз, надеясь покончить с инцидентом.

Но это не удалось. Он направился прямо в столовую команды, которая на подлодке что-то вроде клуба, где в любое время за чашкой кофе сидит компания из двух-трех моряков. Он нашел слушателей и стал разглагольствовать о том, что «Уаху» — вшивая лодка, военно-морской флот — никудышный род войск, а все, кто там служит, — неудачники, и причислял к прочим себя самого. Я вернулся и велел ему уйти. Через несколько минут он вернулся, громко бранясь. Я позвал посыльного, который разбудил меня, и распорядился:

— Доставай наручники.

Мне не доводилось видеть, чтобы на подводников надевали наручники. Но до смерти надоело слышать голос Моргана. Я вывел его на палубу и приковал наручниками к радиомачте, которая высилась на юте, вскрыл пожарный шланг, прикрепил его к насосу и приставил посыльного к шлангу.

— Если только он откроет рот, — сказал я, — направь на него шланг.

Затем я спустился вниз, намереваясь поспать часок, после чего вернуться и отправить Моргана спать.

Проснулся я в семь утра.

Соскочил с койки и бросился на палубу. Морган кулем лежал на палубе перед радиомачтой, руки его распухли и стали вдвое

толще. Перед моими глазами пробежали строчки из устава военно-морских сил, особенно те, что требуют распоряжений командира и принятия различных других мер предосторожности, прежде чем надевать на кого-либо наручники. Обуреваемый ужасом, что моя карьера на флоте закончится, не успев толком начаться, я в считанные секунды освободил Моргана от наручников.

— Ну, — сказал я, пытаясь придать своему голосу властный тон, — думаю, ты получил урок, не так ли?

— Так точно, сэр! — У бедного парня было жуткое похмелье.

— Ладно, Морган, — миролюбиво произнес я. — Я ничего не скажу об этом командиру.

Я, конечно, надеялся на то, что и Морган об этом ничего не скажет, и, когда наши глаза встретились, мы нашли взаимопонимание и согласие, тем самым избежав многих неприятностей. Несколько месяцев спустя, во время нашего второго боевого патрулирования, когда он фактически спас лодку, проявив почти нечеловеческую силу, я оценил его необычайно крепкие мускулы в гораздо большей степени, чем в ту ночь на палубе.

* * *

Из Сан-Франциско «Уаху» пошла в Сан-Диего, на интенсивную боевую учебу. Мы пускали торпеды, учились приближаться к выбранным для атаки судам и в режиме, от которого бы не выдержало сердце и у Геркулеса, тренировали экипаж «Уаху». Кеннеди был взыскательным и безжалостным командиром. Он требовал, чтобы каждый на борту выкладывался полностью, и добивался этого, потому что мы понимали важность обучения. Мы уже говорили друг другу, что, когда выйдем в море, наша подводная лодка будет самой результативной в этой войне субмариной. Но это был изматывающий период для наших семей и для нас.

Возвратилась Энн. Она и Билли были со мной на Мэри-Айленд в последние несколько недель, а теперь они присоединились ко мне в Сан-Диего. Они опять остановились в Коронадо вместе со множеством других жен подводников, и все они беспокоились и пребывали в напряжении, видя, как мужья, которые вот-вот их покинут, с каждым днем становятся все более измученными и раздраженными. Должно быть, всем женам было трудно поддерживать спокойную обстановку, пока мы были на берегу. Помню, как однажды вечером пошли в ночной клуб и я

подрался с метрдотелем просто потому, что мне показалось, будто он ударил собаку. Мы были в крайней степени усталости от всего: учений, длившихся весь день напролет, и работы ночью, если это было необходимо для устранения дефектов, обнаруженных днем, так как мы знали, что если заранее не приведем все в безупречное состояние, то, когда отправимся в боевой поход, делать это будет слишком поздно.

Мы устали до такой степени, что это привело к затоплению артиллерийского погреба — казусу, который вполне мог стать уникальным в истории субмарин. Мы тогда были пришвартованы к причалу в Сан-Диего со всем боекомплектом на борту, а произошло это всего за день до нашего предполагаемого выхода в море.

Артиллерийский погреб был оборудован системой затопления на случай пожара для предотвращения взрыва. Кто-то по ошибке открыл не тот клапан.

Утром мы обратили внимание на то, что лодка сидит в воде примерно на шесть дюймов глубже, чем следовало бы. Понадобилось не слишком много времени, чтобы выяснить причину. Затем мы столкнулись с щекотливой проблемой, кому идти и сказать об этом Пинки. После того как был брошен своеобразный жребий, при котором, как я полагаю, не обошлось без жульничества, эта задача выпала мне.

Командир, столь же усталый, как и все мы, давно был известен совершенной нетерпимостью к проявлениям небрежности. Мы не знали, что он скажет, но были готовы принять на себя громы и молнии. Я посмотрел на коллег-офицеров с горьким укором, вышел вперед и отдал честь.

— Доброе утро, командир, — сказал я, думая, как бы мне перейти к сокрушительной новости.

— Доброе, Грайдер. — Он был раздражен и нетерпелив.

— Командир, — выпалил я, напрочь отбросив уловки, — разрешите доложить, что артиллерийский погреб затоплен.

Если бы речь шла о менее катастрофичной ситуации, Пипки, наверное, устроил бы разнос нам всем. Но затопленный погреб боеприпасов — такой из ряда вон выходящий случай, такая невероятная вещь, что вызвала обратный эффект.

— Ну хорошо, — сказал командир бесстрастным тоном человека, разговаривающего во сне. — Давайте будем откачивать воду.

Возможно, ему понравилось разнообразие в надоевшем перечне дел.

Мы приготовили пожарные насосы и откачали воду. Затем нам пришлось вытаскивать боекомплект каждого калибра —

каждый 50-, каждый 20-, каждый 4-дюймовый снаряд — и высушивать их, и высушивать патронные ящики, в которых находились тяжелые снаряды, а затем возвращать все это на место. Работа заняла примерно полтора дня, и мы проделали ее, ни на минуту не отрываясь от графика. Когда через пару дней мы отбыли из Сан-Диего, были сухими, хорошо вооруженными, хорошо подготовленными и ходили, едва не засыпая на ходу.

* * *

Никто не обсуждал этого в то время, но что в высшей степени занимало наш ум, что проявилось в последующих разговорах — это страх. Не столько боязнь противника, как боязнь того, что мы окажемся трусами. Я не понимаю, как человек может говорить о том, храбр он или нет, до тех пор, пока не попадет под обстрел, а в тот период вряд ли кто из нас под него попадал.

В тот последний период учебы я вновь и вновь спрашивал себя не о том, буду ли убит или ранен, а о том, не испугаюсь ли я. Я уже до смерти боялся того, что, когда полетят глубинные бомбы или возникнет какая-нибудь еще чрезвычайная ситуация, я запаникую и не смогу выполнять свои обязанности. А обязанностей у каждого моряка на подводной лодке множество. В моем случае, в качестве офицера погружения, я отвечал за дифферент лодки, за погружение, за поддержание ее нейтрального надводного положения за счет изменения количества воды в балластных цистернах. Эти задачи требуют живости ума и большого хладнокровия. Однажды у Сан-Диего, ослабевший от напряжения, к утру я был просто не способен вычислить утренний дифферент. Я был слишком вымотан для того, чтобы произвести самые элементарные подсчеты. Ну а что будет, подумал я, если к смертельной усталости добавятся все стрессы и эмоциональные нагрузки при атаке?

Нервным перенапряжением, как я полагаю, и объясняются проявления необузданного веселья — чуть ли не безумные выкрики и истерический смех после завершившегося победой столкновения с противником. Похоже, это такая форма поздравления самого себя: каждый испытывает облегчение и торжествует, что не оказался трусом.

В период нашей учебы, когда нам доводилось общаться с подводниками, ходившими в боевые походы, и слышать о случаях, когда они попадали под глубинные бомбы или пускали торпеды по врагу, сердца наши наполнялись завистью. Мы не подавали виду, что это произвело на нас впечатление, и

приходили в бешенство от снисходительности, с какой они говорили. Бог мой, я думал, что, если когда-нибудь окажусь на лодке, которая потопит вражеское судно, получу удовлетворение на всю жизнь. А они говорят об этом как о чем-то обыденном!

Ко всем этим поискам себя добавлялось естественное беспокойство за жен и семьи, обреченные на мучительное ожидание, и наша озабоченность относительно их будущего. В те первые месяцы мы испытывали гнетущее чувство, что никто не вернется назад. Сплошь и рядом оно находило яркое выражение. Помню одного моряка, который, отбывая, протянул жене запечатанный конверт с пометкой сугубо пессимистического характера: "Вскрыть после моей смерти".

Бедная женщина вскрыла его в тот же день, что вполне естественно, и нашла там подробные указания о том, как ей следует дальше жить, как растить оставшихся без отца детей, и наказ вспоминать о нем в годы вдовства. Сомневаюсь, что это пошло на пользу ее моральному состоянию. Ее муж, между прочим, вернулся с войны невредимым.

В дальнейшем чувство, что это будет армагеддон, исчезло. После того как я совершил первый и второй свои боевые походы, уже редко думал, что погибну. Не думали так и другие моряки, и полагаю, что так не думали и наши жены. От необоснованного пессимизма мы перешли к столь же необоснованному оптимизму. Но это пришло позднее; а когда мы покинули Сан-Диего и легли на боевой курс, мы были суровым и имевшим определенный психологический настрой экипажем. Мы сказали наше последнее прости. Мы были брошены в неизвестность.

Еще одна и более крупная неизвестность оставалась запертой внутри нас. Ключ находился где-то в южной части Тихого океана.

Глава 3
Атака

Все, что осталось от первого потопленного нами судна, — это легкая струйка дыма и темный силуэт на горизонте. Это было примерно через месяц после того, как началось наше первое патрулирование, и через две недели после того, как мы упустили нашу первую цель.

"Уаху" прибыла в Пёрл-Харбор в начале августа и оставалась там две недели на время интенсивной боевой учебы. Затем, до конца месяца, мы отбыли, получив приказ следовать к Каролинским островам, в частности островам Трук, по-видимому считавшимся тогда наиболее опасным бастионом японцев на Тихом океане и ключевым морским оборонительным рубежом на востоке.

Стоит ли говорить, что наше представление о том, что должна делать субмарина в боевом патрулировании, коренным образом изменилось после бомбардировки Пёрл-Харбора? Большая часть наших довоенных учений проводилась с тем расчетом, что подлодка будет выступать в роли разведчика, следующего впереди надводного линейного флота, — стереотип мышления, родившийся под влиянием Ютландского сражения[1] в Первую мировую войну. Считалось, что главная функция подводной лодки состоит в том, чтобы следовать впереди флота приблизительно на день пути, обнаружить противника, послать об этом донесение и атаковать во взаимодействии с нашими собственными силами. Однако после того, как наш Тихоокеанский флот был частично потоплен, частично выведен из строя в Пёрл-Харборе, стало очевидным, что такого рода стратегия не годится. У нас не было флота. К тому времени, как «Уаху» вышла на свое первое патрулирование, стратегией стала неограниченная свобода атаковать и топить любые вражеские плавсредства, будь то военные корабли или торговые суда. Собственно говоря, события показали, что это была, несомненно, самая важная функция из тех, которые могла выполнять подводная лодка.

Наша миссия в этом походе состояла в том, чтобы проследовать в назначенный район у островов Трук, нести там патрулирование и топить все попадающиеся японские плавучие средства. Мы знали, что острова Трук горячая точка, и считали, что нам оказали честь, послав туда; мы проводили учения на грани нервного срыва и были чрезвычайно взвинчены к тому

времени и отбыли из Пёрла на свою первую боевую операцию. Это время наступило. Вот оно. Враг был впереди.

Но в боевые действия мы вступили не так скоро, как полагали. В течение шести дней, пока мы приближались к месту назначения, ничего не происходило. На седьмой день наш радар засек самолет, и мы так резко пошли на погружение, что никто из нас даже не успел разволноваться. Еще дважды в последующие три дня мы погружались, чтобы уйти от самолетов; затем, на двенадцатый день, прибыли в намеченный район и начали поиск противника.

Многие дни бездействия начали сказываться на нашем настроении. Мы становились раздражительными, не уверенными в себе, чувствовали неловкость относительно нашего предназначения и способности выполнить его. Но такого рода настроения исчезли на четырнадцатый день. После двух недель ожидания мы увидели свою первую цель.

Это было небольшое грузовое судно типа "Хиого Мару", находившееся на расстоянии пятнадцати миль от островов Трук, державшее курс на Пиаапу-Пасс, который у наших ВМС был известен как Пьяно-Пасс. Был предрассветный час, и мы несли дозор в надводном положении, заряжая аккумуляторные батареи. Наконец у меня появилась возможность испытать себя в качестве офицера погружения в боевых условиях.

Представьте себе два маленьких помещения, одно на другом, и застекленную террасу поверх каждого из них, и вы получите представление о нервном центре подводной лодки во время боевого патрулирования. Эта застекленная терраса — мостик, на котором находятся вахтенный офицер и его вахтенные сигнальщики, когда подлодка в надводном положении. Прямо под ней боевая рубка, крохотная вспомогательная кабина, сооруженная над главной кабиной лодки, около шестнадцати футов длиной и восьми футов в поперечнике, из которой осуществляется контроль за всеми системами корабля, обеспечивающими управление им и его функционирование в подводном положении. А прямо под боевой рубкой находится чуть большее помещение центрального поста, из которого ведется управление подводной лодкой.

В момент боя фактически все офицеры, кроме офицера погружения, собираются в боевой рубке. Офицер погружения остается в центральном посту, в футе от трапа, ведущего в боевую рубку, и выполняет команды, которые дает командир.

Сигнал на первое боевое погружение «Уаху» поступил с мостика: два громких низких звука ревуна. Резкие "оога, оога!" достигли каждого уголка лодки. Этот звук, каждый раз, когда вы

его слышите, заставляет ваш позвоночник вибрировать, а на этот раз при этом звуке у меня пересохло во рту. Я оглядел заполненное маленькое помещение и подумал: "Догадываются ли моряки, которыми я командую, как я нервничаю?" В тот первый момент мне не приходило в голову, что они тоже должны были нервничать.

Место старшины трюмных машинистов было у гидравлического трубопровода, ведающего открытием и закрытием клапанов. Как только прозвучала тревога, он по приказу командира сразу же взялся открывать клапаны всех необходимых цистерн. Прямо перед ним, на уровне лица, была "рождественская елка", пульт с красными и зелеными огоньками, обозначающими каждое необходимое открытие заслонок балластных цистерн.

Все это заняло секунды, в отличие от двух-трех минут, которые требовались для этого в довоенные дни на «Скипджек». Весь процесс был доведен до совершенства. Пока главный открывал клапаны, двое вахтенных прибежали, скатившись по трапу, чтобы занять свои места рулевых горизонтальщиков, управляя большими лопастями на носу и корме, подобно рулям высоты на самолете. Они поворачивают их, чтобы варьировать глубину лодки и угол ее погружения. Как только рулевой на носу начал грузить носовые рули, я переключил внимание на "рождественскую елку".

Требуется воздух, чтобы запустить дизельные двигатели, приводящие в движение лодку на поверхности. В подводном режиме приходится использовать аккумуляторные батареи. При сигнале ревуна к срочному погружению двигатели останавливаются в машинном отделении; теперь трюмный машинист ждет, пока индикатор покажет, что они выключены, чтобы он мог закрыть основной впускной клапан.

На "рождественской елке" зеленый свет для основного впускного клапана…

Я подождал, пока свет с красного переключится на зеленый. Глухой звук говорил мне, что входной люк рубки задраен. И знал, что старшина-рулевой Морган задраил его ручным штурвалом. Через пятнадцать секунд после того, как прозвучала тревога, все было сделано.

— Пульт зеленый, — доложил главный.

Все необходимые люки и клапаны теперь задраены. Клапан главной балластной цистерны останется открытым до тех пор, пока мы под водой. Главный механик открыл клапан носовой цистерны надводного положения и уравнительную цистерну, лодка стала тяжелой, и мы пошли на глубину.

За моей спиной матрос стоял у воздухопровода высокого давления, состоящего из ряда клапанов, контролирующих подачу сжатого воздуха для продува цистерн. Я дал ему знак, и он под высоким давлением пустил воздух в лодку, в то время как я следил по барометру за нарастанием давления. Вскоре оболочка воздухопровода затвердела.

— Давление в лодке, командир.

— Очень хорошо. Глубина шестьдесят пять футов.

Мы опускались всего лишь до перископной глубины.

Стрелка ползла по циферблату глубиномера. Двадцать футов… тридцать… сорок пять…

— Продуть быструю цистерну… закрыть клапан высокого давления… быстро погрузиться… закрыть клапаны главной балластной цистерны…

Над нами в боевой рубке рулевой просигналил по семафору: двигаться на средней скорости, чтобы мы могли «почувствовать» лодку. Необходимо знать, тяжелая она или легкая, идет вниз носом или кормой, придется ли вам перекачивать воду с одного конца лодки на другой, чтобы удифферентовать ее, заполнять ли водой балластные цистерны, чтобы утяжелить лодку, или, наоборот, сделать ее более легкой.

Мне следует подчеркнуть, что сама эта операция не выглядит такой драматичной, как кажется. Каждый невозмутим. Команды и ответы передаются вполголоса. Некоторые из них никогда не произносятся: слаженному коллективу достаточно жеста. Но все мы волнуемся, потому что погружение лодки требует исключительной точности. Абсолютно в порядке вещей, если во время атаки капитан прикажет офицеру погружения: "Еще на шесть дюймов ниже!"

Мы были на глубине. Теперь ожидали команды из боевой рубки, где сближение отрабатывалось так, будто это математическая задача, и у меня было время для того, чтобы беспокоиться о том, что произойдет, когда мы выстрелим торпедами.

При стрельбе из носовых аппаратов нос лодки поднимается из воды. Если у цели есть эскорт, то это может иметь катастрофические последствия. Поэтому я беспокоился, смогу ли хорошо выполнить свою часть работы, и еще о том, что смогут сделать в отношении нас японцы. Моряки, в первый раз идущие в атаку, всегда наделяют противника сверхчеловеческими способностями. Пройдет много времени, прежде чем вы уверуете в то, что преимущество на вашей стороне. Потом-то, конечно, понимаешь, что противник — всего лишь беззащитный одинокий грузовой корабль и его экипаж — вероятно, был до смерти

напуган, но во время нашей первой атаки в 1942 году нам так не казалось.

Мы выпустили по грузовому судну три торпеды с расстояния в 1430 ярдов, через пару минут повернули к цели, опустились глубже, прошли под ней и продолжили движение. Он развернулся к нам сразу же после нашей стрельбы, и мы, естественно, подумали, что он не задет, несмотря на то что слышали звук взрыва, который могла вызвать неисправная торпеда или глубинная бомба, сброшенная с корабля. Но мы видели в перископ корабли эскорта как раз перед тем, как открыли огонь, поэтому, не рискуя, убрались восвояси.

И на этом все было кончено. После изматывающих месяцев муштры, после беспокойства о том, как каждый из нас проявит себя в момент опасности и волнений атаки, бегство под водой от первой же цели действовало деморализующе. Слабая надежда на то, что цель все-таки была поражена, хотя мы никогда об этом не узнаем, лишь усугубила горечь и разочарование.

Еще одно судно мы увидели через восемь дней. Это было грузовое судно, но оно находилось от нас на расстоянии шесть миль, и мы не смогли к нему приблизиться. 20 сентября, после того как мы уже семнадцать дней оставались на месте и видели всего лишь два маленьких суденышка, мы решили сменить позицию. До сих пор мы патрулировали около Пьяно-Пасс; теперь же решили идти на юг.

Я был палубным офицером в ту самую ночь, когда "вахтенный сигнальщик" Китер заметил на горизонте дымок.

Мы шли в надводном положении, подзаряжая аккумуляторные батареи, со мной на мостике были трое сигнальщиков, и каждый обозревал свой сектор горизонта. Китер, позади меня, просматривал горизонт после третьего сигнальщика.

Приятель трюмного машиниста Д. К. Китер был хорошим сигнальщиком, одним из самых бдительных вахтенных, каких я когда-либо встречал. Он имел привычку то и дело мерзнуть наверху. Подобно хорошему пойнтеру, выслеживающему стаю куропаток, он изучал каждую точку, появляющуюся на горизонте. Поначалу это отвлекало до того, что он забывал осматривать горизонт, в ожидании, когда Китер высмотрит что-нибудь по румбу. Но это был прекрасный пример сосредоточенности на работе, и в ту ночь его усилия были вознаграждены. Китер застыл, указал на горизонт и прокричал:

— Дым на горизонте! По пеленгу сто двадцать право по борту!

Мы повернулись и посмотрели в этом направлении. Я

довольно долго всматривался, прежде чем различил при лунном свете смутные очертания силуэта судна, и тогда попросил подняться на мостик командира и с его разрешения побежал вниз, в машинный отсек. Это было первое вражеское судно, которое я увидел воочию.

Как оказалось, это было грузовое судно типа "Кэйо Мару", водоизмещением 6500 тонн, и мы преследовали его полчаса в надводном положении, а потом погрузились для атаки на перископной глубине. Похоже, судно следовало курсом на юго-восток, делая примерно 12 узлов, но то и дело останавливалось и ложилось в дрейф. Через некоторое время мы догадались, в чем дело: оно поджидало эскорт. Через пять минут после полуночи, когда наши пути почти пересеклись, мы начали разворачиваться влево для залпа из кормовых торпедных аппаратов.

Все это время я, конечно, находился внизу, в машинном отсеке. Единственное указание относительно того, что происходило, мы могли получить, слушая слова командира, которые он передавал по переговорному телефону у него в боевой рубке. Но совершенно очевидно, что для всей команды управления огнем картина была туманной. Приближение к цели на перископной глубине даже ночью при лунном свете — дело трудное и опасное. Все, что видно в перископ, — это смутное, и цель легко потерять или неправильно определить угол атаки.

Вдруг, когда мы разворачивались, послышались резкие звуки, накладывающиеся на звук громкоговорителя акустика.

Кто-то вел гидроакустическое наблюдение под водой. У грузовых судов нет гидролокационного оборудования. Значит, наверху в лунном свете гидролокационные сигналы посылал корабль эскорта. Если бы эхо отразилось от корпуса нашего корабля достаточно громко, для того чтобы они могли его уловить, то они бы его засекли.

Не хочу употреблять слово «клаустрофобия», потому что я никогда ею не страдал и не знал никого из членов экипажа подводной лодки, кто боялся бы замкнутого пространства, но, когда стали слышны эти зловещие звуки, у нас появилось ощущение, будто мы идем на ощупь, чувство одиночества, беспомощности, как будто мы ослепли, потому что не видели, как где-то там наверху миноносец, корабль, созданный для того, чтобы топить подлодки, ищет нас.

— Приготовиться к атаке.

Слова в боевой рубке звучали негромко, но в тишине центрального поста они были слышны каждому, и каждый вздохнул с облегчением. То, на что решился командир, было хорошим замыслом — открыть передние крышки торпедных

аппаратов. Длительному ожиданию пришел конец.

— Приготовиться к установке окончательного пеленга…

И вновь эта неожиданная сухость во рту.

— Обозначить пеленг… товсь!.. Первый аппарат — пли!

Лодка вздрогнула, когда вышла первая торпеда, затем по команде за ней последовали вторая и третья.

Мы вели огонь по кормовой части правого борта судна, по точке, находящейся в трех четвертях расстояния от его носа. Но судно повернуло влево как раз в момент, когда мы открыли огонь, — вероятно, по чистой случайности, потому что тогда ни на судне, ни на кораблях охранения не знали о нашем присутствии. Тот факт, что мы слышали звуки гидролокатора, означал лишь, что он сканировал район и пока нас не обнаружил. Однако он мог сделать это в любую секунду, а мы даже не знали, где он находился.

Торпеды прошли мимо, все три.

Но маневр, спасший от них цель, также оказался для нее роковым. Судно все разворачивалось до тех пор, пока мы не оказались в отдалении от его левого траверза.

— Четвертый, пли!

Вновь вздрогнула лодка, а мы опять ждали. Ход торпеды должен был продлиться одну минуту и двадцать секунд. Короткое время, но, когда вы ждете, оно как вечность.

Теперь перископ убрали. Все действия прекращены. В молчании, замерев в воде, мы ждали…

Бу-ум!

Сначала раздался громкий взрыв. За ним последовали раздельные удары малые взрывы следовали один за другим. Нам представилось, как выгибаются переборки, вода потоком устремляется в огромные пробоины в корпусе. Первый взрыв мы слышали через корпус самой подлодки; более мелкие зафиксировала акустическая аппаратура в боевой рубке, но они были достаточно громкими.

Этот один удар оказался чувствительным. Мы подвсплыли, подняли перископ, поймали грузовое судно для того, чтобы увидеть, как оно тяжело кренится на левый борт. Прежде чем мы покинули это место, судно затонуло.

Теперь наступала расплата. Корабль сопровождения, небольшой миноносец, обнаружил бурун от нашего перископа. Оставляя за собой пенный след, устремился прямо к нам.

— Убрать перископ! Заполнить цистерну быстрого погружения!

Мы начали погружение, стараясь уйти на глубине подальше от этого места. В этот момент мы не пытались быть

хладнокровными, как это было в напряженные мгновения приближения и атаки. Все, чего мы хотели теперь, — это убраться куда-нибудь подальше и побыстрее. Осмотреться в отсеках и отключить производящий шум механизм.

Снова настало время затаиться. Каждая деталь механизмов, производящая шум, все, без чего мы могли обходиться, было отключено. Система кондиционирования воздуха, установленная для защиты электрического оборудования, прекратила подачу охлажденного воздуха. Жар стал расползаться по лодке. Рулевые горизонтальных и вертикальных рулей, управлявшие электромоторами, перешли на ручное управление; теперь они обливались потом от напряжения, когда поворачивали и направляли гигантские лопасти и рули силой своих мышц. Створки в переборках и системе вентиляции были задраены, с тем чтобы в случае затопления какого-нибудь отсека он мог быть изолирован что, как нам всем было известно, не очень помогает, потому любой затопленный отсек потопит лодку.

И тогда, когда мы быстро погружались, первая глубинная бомба была сброшена противником.

Это было хуже всего, потому что сторожевик приблизительно знал, где мы находимся. На этот раз мы слышали через корпус лодки шум гребных винтов корабля, проходившего над нами. И вдруг на звукоприемнике мы услышали всплеск. Первая глубинная бомба ударилась о воду.

Взрывающаяся глубинная бомба издает три вида звука: щелчок, затем резкий металлический звук разрыва, будто по корпусу ударяет миллион кувалд, и, наконец, шипение, как будто вода сильным потоком врывается в пробоину, проделанную бомбой. Чем ближе падает бомба, тем меньший промежуток между этими звуками. Когда бомба совсем близко, вы слышите один ужасный звон.

Первая проявила себя как раз таким образом. Пробка и краска отслоились от переборок. Электрическая лампочка разлетелась возле моей головы. Лодку тряхнуло. Я испытал головокружение, чувство отрешенности, будто попал в автомобильную катастрофу или получил жесткий удар в челюсть. А еще было чувство, будто все происходит с вами, но вы как бы над всем, глядите на свое тело как на объект, подвергшийся наказанию.

Миноносец сбросил с дюжину бомб, прежде чем мы стали удаляться от него. Если сможем уйти на пару миль, думали мы, то скроемся от него в темноте, безопасно всплывем и ускользнем.

Уходили все дальше и дальше от глубинных бомб и всплыли примерно в миле от сторожевика. Минуту спустя он двинулся к

нам.

На горизонте был шквал с дождем, и мы направились туда на полной скорости. Шквалы с дождем очень благоприятны в подобных ситуациях, особенно ночью. Поскольку мы шли в надводном положении и удирали от него, его акустические приборы были практически бесполезны в качестве средства обнаружения нашего местонахождения, к тому же мы могли развивать гораздо большую скорость, чем в подводном положении, устремляясь к нашему прикрытию. Конечно, когда мы быстро двигались, лодка оставляла за собой кильватерный след — в некоторых районах Тихого океана вы можете стоять на кормовой части мостика и читать газету в полночь при свете от кильватерного следа, оставляемого лодкой, но шквал с дождем спрячет нас и наш кильватер на достаточно долгое время, чтобы скрыться.

По крайней мере, таков был план, и он сработал. Миноносец догонял нас, когда мы вошли в область шквала, он потерял подлодку, а мы изменили курс и вышли с другой стороны шквала. Через некоторое время он тоже вышел из этого района, но к тому времени мы обошли его кругом и были готовы войти туда с другой стороны. На этот раз, когда мы оттуда вышли, мы его потеряли. Зловещая игра в прятки завершилась; призом за победу были наши жизни.

Позднее, когда мы вспоминали о той первой атаке и глубинном бомбометании, они казались нам почти смехотворно скучными. Но в то время мы были пьяны от восторга и гордости.

Мы наконец-то потопили судно, после всех этих недель неудач и трудов, ожиданий и наблюдений, борьбы со скукой и страхом, наконец. Это судно не было большим, но оно было «нашим». На нас сбрасывали глубинные бомбы, и мы это вынесли, поставив на карту не просто свои жизни, но и свою честь. Все хлопали друг друга по спине, у всех был немного безумный взгляд и переполняло торжествующее осознание того, что никто из нас не сломался, что мы, наконец, заглянули в тайны своей души и нашли там то, что надеялись найти.

Глава 4
Спад

До сих пор, и, как я полагаю, это происходит со всеми моряками, переживающими свое первое боевое крещение, мы были поглощены собой, своей лодкой и нашим океанским походом. Мы знали о более значительных событиях, происходивших вокруг нас на огромных просторах Тихого океана; наши инструктажи в Пёрл-Харборе убеждали в этом, и ежедневные передачи последних известий и кодированные послания, которые мы получали по радио на «Уаху», держали нас в курсе событий. Но "огромная сцена" оставалась лишь фразой до тех пор, пока с боевыми выстрелами торпед, с потоплением вражеских транспортов и с выживанием после атак противника мы сами не стали ее частью.

Теперь неисчислимые океанские мили, которые до этого только усиливали нашу изоляцию и наш самоанализ, сопутствовали нам в другом сражении. Мы наконец сориентировались. Место, где пошло ко дну наше грузовое судно, было как бы одной из двух точек, между которыми проведена прямая линия. Другая точка, на которую мы теперь смотрели по-новому, называлась остров Гуадалканал.

Шел конец сентября 1942 года. Гуадалканал стал кровавым символом всех наших надежд на то, что захватнические амбиции японцев могут быть пресечены и они даже могут быть отброшены назад. В прошлую весну мы удерживались на плаву благодаря доставшимся дорогой ценой победам в Коралловом море и у острова Мидуэй. Обе они имели огромное стратегическое значение, но операция на острове Гуадалканал — это было нечто иное. Впервые с начала войны готовилось там контрнаступление. Морские пехотинцы высадились 7 августа, сражения на суше, на море и в воздухе продолжались с неослабевающей ожесточенностью.

И именно из-за Гуадалканала нам пришлось блуждать на морских коммуникациях противника близ островов Трук, за многие мили от главных событий конфликта. Потому что из своего бастиона на островах Трук японцы доставляли провиант и военную технику на место сражения у Соломоновых островов, и каждая тонна потопленных нами грузовых судов была ударом по завоеванию Гуадалканала. Как участники этого сражения, мы стремились находить и топить новые цели врага.

Но вместо этого чуть было сами себя не потопили одной из

своих собственных торпед.

Даже в боевых патрулированиях требовалось выполнить проверку торпед, находящихся в торпедных аппаратах, чтобы быть уверенным, что они всегда в состоянии готовности. На вторую ночь после нашей атаки что-то разладилось в одной из торпед.

Торпеда выбрасывается из торпедного аппарата давлением воздуха. У каждого конца аппарата — массивная крышка; чтобы выстрелить торпедой, вы открываете крышку с внешней стороны борта, нагнетаете воздух в баллон для создания высокого воздушного давления и затем выбрасываете торпеду из аппарата. Во время проверок торпеды следует иная процедура, известная как стрельба воздухом. Поскольку вы просто проверяете оборудование, оставляете наружную крышку закрытой, открываете внутреннюю крышку, отключаете сложную систему защитных взаимосвязанных устройств и стреляете из аппарата. Торпеда остается на месте, а воздушный столб врывается назад в лодку.

Так должно было произойти, когда Роджер Пейн проводил ночью тренировку очередной торпедной команды, но этого не произошло. Торпедист второго класса Майерс случайно изменил процесс. У него внутренняя крышка аппарата номер 4 была открыта и готова для проверочного выстрела, когда он совершил ошибку поднял вертушку ограничителя на шестом, а не на четвертом аппарате и толкнул рычаг управления стрельбой.

Шестой аппарат был одним из приготовленных к пуску торпеды по поверхности, аппаратом, готовым к моментальному использованию. Крышки торпедного аппарата были закрыты (внутренние и наружные).

Это произошло, когда бедный Роджер шел из кормового в носовой торпедный отсек. Как раз когда он входил в носовой отсек, произошел сильный удар, будто лодка ударилась о бревно, а Майерс поспешил Роджеру навстречу.

— Я думаю, что только что произвел выстрел торпедой в аппарате шесть, сказал он.

Роджер, как он нам потом рассказывал, был в шоке. Он выбежал вперед и отдраил внутренний клапан на шестом аппарате, впуская немного воздуха, а затем воды. Через смотровое стекло внутренней крышки было видно, что аппарат заполнен водой. Было ясно, что торпеда все еще находилась в аппарате.

В то время как все это происходило в носовом торпедном отсеке, Хэнк Хендерсон и я стояли на палубе в качестве вахтенных офицеров, ничего не подозревая. «Уаху» лежала в

дрейфе на освещенной лунным светом воде. Приглушенный стук ее дизелей, подзаряжавших аккумуляторы батареи, лишь подчеркивал мирную тишину, окружавшую нас. Я почувствовал странный глухой звук под ногами и, будучи этим озадачен, направился на корму и спросил Хэнка, чей пост находился всего в десяти футах от моего, не заметил ли он этого звука. Мы поговорили об этом одну-две минуты с полным равнодушием, я повернулся и пошел на нос.

А там в воде прямо у носа виднелись два странных силуэта. Они двигались, покачиваясь на волнах, как причудливые морские животные. Я вызвал командира на мостик.

Командир быстро поднялся по трапу и стал пристально глядеть вперед. Было заметно, что он испытывает огромное напряжение, но не выказывал удивления по поводу таинственных силуэтов. Для меня это было уже слишком.

— Командир, — рискнул я спросить, — те два силуэта в воде… Думаю, что это тюлени.

— Нет, — отрывисто проговорил он, — это не тюлени. Это Пейн и Смит.

В те несколько секунд, пока я был на корме, Роджер обратился к командиру, получил разрешение вылезти за борт и посмотреть, что произошло. Он прихватил с собой в помощь рулевого Дональда Смита. Они прошли по борту вперед на нос и бросились в воду, в то время как я разговаривал с Хэнком.

Быстрота, с которой действовал Роджер, была вызвана тем, что он знал о капризном характере торпед в целом, и его почти полной уверенностью в том, что эта торпеда частично вылезла наружу из аппарата номер 6. Иногда у торпеды, когда ее выстреливают, бывает повреждено хвостовое оперение руля. Если это происходит, она может повернуть назад и нанести удар по своему же кораблю. Чтобы свести к минимуму возможность такой катастрофы, у каждой торпеды внизу ее боеголовки есть вертушка для приведения торпеды из рабочего состояния в боевое. Пока она не отсчитает четыреста ярдов хода, торпеда не взорвется. Но после этого соприкосновение со стальным корпусом или даже просто его близость приведет к взрыву. Если усилием торпеды внешняя крышка откроется, Роджер знал, боеголовка будет высовываться из аппарата наружу в море, чтобы дать судьбоносной маленькой вертушке повернуться, когда мы двигаемся впереди. И взрыватель будет приведен в боевое положение. Если взрыватель не приведем в боевое положение, то сможет ли торпеда пройти через погнутую внешнюю крышку или будет отброшена обратно в аппарат?

Ответы на эти вопросы искал Роджер, пока они со Смитом

ныряли и осматривали наружную крышку торпедного аппарата в черной воде. И ответы на эти вопросы, похоже, были плохими.

Крышка открылась на несколько дюймов под сильным нажимом боеголовки торпеды. Не было надежды на то, что торпеда войдет внутрь или выйдет наружу. Она застряла и останется там до тех пор, пока мы не вернемся в Пёрл-Харбор или пока она не выстрелит. Что до фактора безопасности, Роджер вывернул взрыватель.

Надежда на то, что торпеда будет оставаться застрявшей в трубе, не причиняя вреда, была лучшим из того, что он мог доложить командиру. Он и Смит наконец вылезли из воды, мы все в нервном напряжении стояли на мостике, обсуждая эту ситуацию, и наконец капитан приказал двигаться вперед малым ходом. Первые четыреста ярдов мы шли, затаив дыхание, в ожидании взрыва, который так и не произошел. В конце концов, когда ждать надоело, все, кто не был на вахте, решили спуститься вниз.

Мы тогда еще не знали, что жизнь с торпедой, застрявшей в шестом аппарате, только начиналась. Мы не могли вытащить ее из аппарата и не могли задвинуть ее на место в лодку. Мы даже открыли внутреннюю крышку, применили блок и зацепили торпеду, попытавшись втащить ее внутрь, но она не пошевелилась.

Поначалу напряжение было невыносимым. Мы ели, спали и грезили с ощущением постоянной опасности того, что торпеда будет приведена в боевое состояние. В тихие ночи мы небольшими группами ходили к носовому торпедному отсеку и собирались вокруг неисправного аппарата. Кто-то прикладывал ухо к бронзовому стволу и докладывал: "Она жужжит!" Остальные нервно фыркали: "Черта с два! Это храпит торпедист". Были придуманы магические обряды, которые исполнялись, чтобы задобрить богов торпедного аппарата.

Однако постепенно мы закалились под влиянием продолжающегося столь долго постоянного страха смерти. Мало-помалу мы примирились с угрозой и порой даже находили в этом утешение. Если что-нибудь не ладилось, мы всегда могли сказать: "Ну, это не так уж и важно. Эта торпеда в конце концов, того и гляди, взорвется".

* * *

Еще одна трудность помогала нам отвлечься от ожиданий смерти. Заклинило в закрытом положении клапан носовой

балластной цистерны.

Носовая цистерна плавучести находится наверху на самом носу корабля. Если вы находитесь в подводном положении и готовы к всплытию, то нагнетаете в нее воздух для того, чтобы спешно подняться на поверхность с хорошим углом подъема. И наоборот, вы открываете клапан, когда погружаетесь, а если клапан не открывается, то на погружение идти невозможно.

Мы уже несколько дней замечали, что открывать клапан все труднее и труднее. В ночь на 25 сентября его заклинило, и он перестал открываться совсем.

Это означало, что мы не могли пойти на глубину до тех пор, пока он не будет исправлен. Несчастный Роджер Пейн, я вместе с Эндрю Ленноксом, помощником старшины трюмных машинистов, и пара матросов были включены в рабочую группу по ликвидации неисправности, чтобы пойти на погружение, и чем быстрее, тем лучше, так как скоро наступало светлое время суток. Это была игра на нервах. Нам предстояло снять крышку и подобраться к цистерне через маленький люк. Внутри цистерна была скользкой, черной и покрыта слоем антикоррозийной смазки. Тусклого света батарейных фонариков нам хватало лишь на то, чтобы осветить напряженные лица друг друга. Все мы знали, что в акватории противника любая неожиданная встреча будет означать необходимость срочного погружения «Уаху», независимо от того, в цистерне мы или нет. Я напомнил другим, что, согласно правилам морской этики, старший офицер всегда последним покидает отсек, но Роджер остановил меня, сказав, что, если я окажусь сзади в этом узком проходе, мы никогда не выберемся из цистерны.

С этим клапаном носовой балластной цистерны, а также с застрявшей торпедой нам приходилось согласиться на нелегкий компромисс. Механизм привода безнадежно заклинило. Все, что мы могли сделать, — это оставить крышку входного отверстия цистерны снятой. В этом случае всегда могли заполнить цистерну, но не могли использовать ее для быстрого подъема на поверхность или следить за тем, чтобы угол погружения не был слишком большим. Было бы трудно всплывать без носовой балластной цистерны, но вовсе невозможно погружаться при закрытом клапане. Мы предпочли погружение и всплытие с трудностями.

* * *

Таким образом, оставшееся время этого похода, который

завершился 17 октября, мы действовали с заклиненным клапаном носовой балластной цистерны и с торпедой, которая могла взорваться в любую минуту. Эти две механические неполадки, похоже, создали своеобразную атмосферу этого патрулирования, так как в течение одной только недели нам пришлось встретиться с плавучей базой гидросамолетов, с авиатранспортом и с двумя эсминцами, проследовав возле них и не открывая огня.

Плавучая база «Дзиеда» появилась средь бела дня, в то время как мы находились под водой. Она была на расстоянии примерно в двенадцать тысяч ярдов и следовала в Пьяно-Пасс. Сначала мы подумали, что она у нас в руках, но, когда попытались сократить дистанцию, она сделала три зигзагообразных маневра и, прежде чем мы успели выйти на позицию, исчезла в направлении Трука.

Нам не повезло. Оставалось только облизываться. Иначе было с авиатранспортом. Он, мы чувствовали, был наш.

В те первые дни войны на Тихом океане авиатранспорт считался почти невероятной удачей для подводной лодки. Лучшими достижениями для наших подлодок было потопление поврежденного японского авианосца «Сорю» подводной лодки «Наутилус» у острова Мидуэй и тяжелого авианосца старой, доблестной «S-44» в день после ужасной битвы при острове Саво, вслед за высадкой морской пехоты на Гуадалканале. Теперь мы вдруг увидели в перископ авианосец «Рюдзе». Если бы мы торпедировали его, это был бы первый полностью боеспособный и укомплектованный авианосец, потопленный одной из наших подлодок. Когда разнеслась весть о том, что обнаружено большое судно, наши моряки были вне себя от возбуждения.

Было раннее утро 5 октября. Мы находились в южной части нашего сектора патрулирования, на некотором расстоянии к юго-западу от островов Трук, когда авианосец и два эсминца, двигавшееся со скоростью четырнадцать узлов, были обнаружены в перископ на расстоянии примерно пять с половиной миль. Авианосец был по отношению к нам под углом в 60 градусов справа по борту, и это означало, что хотя мы не лежали на курсах резкого сближения, но могли превратить эту позицию в боевую.

Но мы этого не сделали. Мы сократили дистанцию примерно до семи тысяч ярдов, а затем наблюдали, как он скрылся невредимым. После того как он прошел мимо, мы всплыли на поверхность среди бела дня. Это был куш, достойный того, чтобы рискнуть ради него, и мы стали преследовать в надводном положении, по шквал с дождем заставил нас закончить преследование.

Десятки факторов, человеческих или технических, могли привести к тому, что мы упустили свою удачу; теперь это не

важно. То, что ничего не стоило, я полагаю, так это такое чувство, как разочарование, которое могло охватить участников этих событий. Конечно, то, что мы упустили «Рюдзе», было одним из самых важных, хотя и негативных моментов, которые мы пережили за все время патрулирования. Он внес смятение в нашу уверенность в себе, веру в нашу лодку и нашу боевитость в целом. Нам приходилось жить с памятью об этом всю войну. Для некоторых из нас, я думаю, это событие стало не более чем память о былом, но другие почти наверняка в последующие месяцы под его влиянием впадали в крайности, либо проявляя нерешительность, либо — безрассудную храбрость. Во время войны, как и в мирное время, неслучившееся событие зачастую более важно, чем многие события, которые произошли.

Два дня спустя, понурые и обескураженные, мы покинули назначенный район и направились домой. И теперь, как будто давая нам надежду на новый шанс показать себя, судьба вмешалась, спасая наши жизни.

Мы были в районе Маршалловых островов, вне опасной акватории и шли в надводном положении. Роджер Пейн и я несли утреннюю вахту, командир был на мостике, и обстановка казалась безмятежной и мирной. Наш радар периодически сканировал небо в поисках самолетов, по крайней мере мы надеялись на то, что он это делал, наши сигнальщики были настороже, и мы чувствовали себя в безопасности, веря в то, что враг остался далеко позади. Первым сигналом опасности для меня стал неожиданный сигнал ревуна к экстренному погружению. С мостика в кормовой части я перешел на носовую часть, чтобы последовать за другими вниз к люку, и вдруг увидел причину тревоги.

Впереди нас низко над водой и на дистанции всего в полмили летел японский "Мицубиси-97"[2]. Как он смог подобраться так близко, прежде чем был замечен? Нам, похоже, был конец. Самолет шел прямо на нас с открытым бомбовым отсеком. Он будет над нами, прежде чем я успею закрыть люк. Если когда-либо и была предрешена участь подлодки, то относительно «Уаху» это был тот самый случай.

Мы ушли под воду. Это был пустой номер, даже ошибка при том условии, что самолет находился уже настолько близко, но мы действовали рефлекторно и погружались. А когда ускользнули под воду, как были уверены, в последний раз, то ожидали взрыва.

Невероятно, но взрыва не последовало. Напряжение все нарастало, и молчание уже становилось невыносимо. Затем постепенно и с опаской мы начали на что-то надеяться.

Мы удалились на много миль, прежде чем по-настоящему

поверили в нашу удачу. По какой-то совершенно необъяснимой причине японец не сбросил бомбу. Заклинило ли ее? Закоченела ли у летчика рука на рычагах управления в последний момент? Какова бы ни была причина, он упустил возможность, которая бывает у пилота бомбардировщика раз в жизни. Вспоминая о «Рюдзе», мы почти сочувствовали ему.

Итак, мы вернулись в Пёрл-Харбор, несколько стыдясь теперь за свое единственное маленькое грузовое судно, но неожиданно счастливые, что вообще вернулись. «Уаху» встала в сухой док, где наружную крышку торпедного аппарата номер 6 отрезали и было установлено, что роковая вертушка сделала несколько поворотов, но недостаточно для того, чтобы привести в боевое состояние застрявшую торпеду. И когда эта и другие неполадки на «Уаху» были устранены, ее офицеры отправились на две недели на Гавайи для отдыха и восстановления сил.

Уже стало традицией, что, когда вы возвращаетесь после патрулирования, сменный экипаж идет на борт, чтобы произвести ремонт и привести лодку в боевую готовность, в то время как ее основной экипаж сходит на берег и на две недели забывает о подводных лодках, войне и, собственно говоря, обо всем. Тот, кто установил эту традицию, знал, что делает. Требовалось около двух недель для того, чтобы избавиться от напряжения.

Я был вдвойне рад возвращению, потому что корабль моего брата Джона крейсер «Миннеаполис» был в Гонолулу, когда мы прибыли. Брат служил штурманом на «Миннеаполисе», который входил в боевой контакт с противником у Гуадалканала, и торпеда, выпущенная из японского миноносца, разнесла его носовую часть. У них был длительный, трудный и опасный переход назад в Пёрл-Харбор. Джон был на дежурстве в день, когда мы прибыли, но на следующий вечер он приехал на Гавайи, и мы чудесно провели время, разрешая все мировые проблемы, выигрывая войну и решая наше собственное будущее.

Я писал длинные письма Энн и Билли, рассказывая им о том, что мы надеялись лучше проявить себя в следующем походе, и уверяя их в том, что, по всей вероятности, я приеду в отпуск домой не позднее следующего лета.

И я часто ходил плавать в бассейне базы подводных лодок.

Однажды в бассейне я случайно встретил другого пловца, и, прежде чем сами осознали, мы уже соревновались, подобно двум мальчишкам из разных концов города, которым довелось встретиться в водоеме. Я вообразил себя пловцом (я был капитаном команды пловцов в Военно-морской академии и входил в команду Всеамериканского клуба ватерполистов), что едва ли было большой заслугой, если учесть, как мало команд по

водному поло в Соединенных Штатах.

Но этот парень, массивный, большерукий, примерно моего возраста, умел плавать лучше меня. После того как он это убедительно доказал, мы вылезли из воды и познакомились. Его имя, которое для меня в то время ничего не значило, было Маш Мортон. «Маш» было сокращением от Машмаус, прозвищем, которому в академии он был обязан своему кентуккскому выговору.

Я встретил его снова, когда наши две недели прошли и «Уаху» была готова к своему второму патрулированию. Капитан-лейтенант Дадли У. Мортон, старше меня на пять лет, был назначен на «Уаху» как будущий ее командир в качестве дублера командира. Его обязанностью было просто быть вместе с нами в патрулировании и следить за всем подряд, так чтобы получить навыки командования. Конечно, согласно установленному порядку требовалось, чтобы командовали старшие офицеры, но иногда у них не было боевого опыта их подчиненных. Поэтому корабли часто выходили в море с офицерами на борту, выступавшими в качестве дублеров, прежде чем принять командование над людьми более опытными, чем они сами, в ведении войны в целом или в какой-то специальной области.

Мы знали, что у Маша был боевой опыт. Он уже командовал судном-ловушкой в Атлантике. Дело было в том, что он подвергся некоторой критике, потому что не смог на своем "старом корыте" приблизиться на расстояние выстрела к замеченной германской подводной лодке. Казалось логичным, что человеку, упустившему возможность потопить подлодку, следует постажироваться на субмарине, не сумевшей потопить авианосец.

На этот раз мы пошли прямо к Соломоновым островам, где все еще продолжалось ожесточенное сражение за Гуадалканал. И опять нас ждало полное разочарование. Наши первые две цели ушли и не были торпедированы. Затем 10 декабря мы потопили наше второе грузовое судно.

Это был конвой, состоящий из миноносца и тяжело груженных трех судов, направляющихся в район Шортлендских островов к югу от Бугенвиля. Капитан прежде всего сосредоточил внимание на эсминце, но тот прошел мимо нас, так резко маневрируя, что мы не смогли взять его на прицел для точного попадания, поэтому переключились на более крупное грузовое судно, водоизмещением порядка 8500 тонн, и дали залп из четырех торпед. Три из них попали в цель, и, пока миноносец разворачивался для атаки, мы ушли на глубину, чтобы избежать возмездия.

Он сбросил первую серию глубинных бомб со стороны нашей

кормы, когда мы были на глубине сто двадцать футов, погружаясь еще глубже. Это было хуже, чем при первой бомбежке нашей лодки глубинными бомбами, но нам было легче, потому что однажды уже пришлось ее испытать. В общей сложности он сбросил на нас около сорока глубинных бомб. Один из впускных клапанов был поврежден, антенная шахта и переговорная труба мостика были затоплены, некоторые лампочки погасли. Единственная серьезная неприятность была, когда повредило сальник внутреннего клапана уравнительной цистерны, клапан перестал сдерживать поток и мы стали погружаться за пределы безопасной глубины. Перекрыв вручную этот злополучный клапан, мы вышли из положения и подвсплыли на безопасную глубину.

К заходу солнца мы вернулись на перископную глубину и убедились, что торпедированная цель потоплена. Одно из двух других грузовых судов стояло у побережья, а другое подбирало уцелевших. Миноносец все еще энергично вел поиск в этом районе, и мы ушли без надежды попытаться поразить другие грузовые суда.

Мы гордились тем, что пустили ко дну еще одну цель, но восторг от первого боевого опыта уже улетучивался, и, конечно, мы не преминули проявить меньше возбуждения, чем чувствовали. В конце концов, мы теперь уже были ветеранами.

Мы находились на оживленной водной магистрали. Через день-другой мы встретили еще одно вражеское судно, но не смогли приблизиться на расстояние залпа. Два дня спустя мы увидели японское госпитальное судно, направлявшееся на Шортлендские острова, и соблюли одно из лукаво милосердных требований войны, позволив ему уйти. И лишь через несколько часов потопили другое грузовое судно и получили урок, после которого во мне поселилась тревога на все оставшееся время войны.

Мы все еще находились к югу от побережья острова Бугенвиль, близ Шортлендских островов, и вели наблюдение в перископ. Если не считать госпитального судна, день выдался спокойным и без происшествий, и я делал обычный десятиминутный просмотр горизонта в перископ, совсем не ожидая, что что-нибудь произойдет. Я всегда обещал себе, что, когда наступит решающий день, когда я впервые в перископ обнаружу противника, сделаю очень толковый доклад для командира, но то, что я увидел теперь, сделало меня беззащитным. Это была другая субмарина, идущая в надводном положении очень близко. Подлодки должны быть близко, чтобы их можно было увидеть в перископ, потому что они медленно

двигаются в водной среде. Эта была примерно в трех тысячах ярдов. Я недоверчиво присвистнул и вызвал срочно командира.

Если бы это была всего лишь утка на воде, но это была не утка. Вот она перед нами, одинокая субмарина, совершенно не подозревающая о нашем присутствии, в подводном положении, конечно, идущая на малой скорости. Мы подходили к ней, заметив большой японский флаг и обозначение «I-2» на боевой рубке, и дали залп из трех торпед. Первая прошла примерно на двадцать футов впереди боевой рубки, и менее через минуту подлодка пошла под воду, при этом несколько членов ее экипажа оставались на мостике.

Одно дело — потопить старое надводное судно, и другое — корабль, подобный вашему собственному, даже если он управляется врагом. Прежде то, что мы видели или воображали в моменты нашего триумфа, было просто угловатым силуэтом, погружающимся в воду, таким же безликим, как камень, погружающийся в пруд. Теперь мы вообразили себе моряков, запертых внутри лодки.

Примерно через две с половиной минуты неожиданно наступила кульминация. Через корпус мы отчетливо расслышали треск и скрежет ломающегося металла. Было легко представить себе происходящее на глубине. Некоторые бедняги оказались замурованными в отсеках в первые секунды после того, как лодка была торпедирована, и прожили на ничтожно малый отрезок времени дольше, пока субмарина не затонула и давлением воды не раздавило отсек.

На «Уаху» были самые бдительные сигнальщики во всем военно-морском флоте. Они умели замечать и замечали плавающие кокосовые орехи на горизонте. Каждый из нас на жутком примере воочию убедился в том факте, что подводная лодка на плаву подвержена постоянной опасности быть обнаруженной субмариной противника, находящейся в подводном положении, и почти так же беспомощна, как рыба без воды.

С того дня я никогда полностью не расслаблялся, если лодка была на поверхности. Есть что-то вдвойне ужасное в том, чтобы быть уничтоженным таким же, как ты, подводником.

* * *

У нас еще оставалось в памяти потопление японской субмарины, когда возникли проблемы с собственной лодкой, проблемы, которые могли бы иметь серьезные последствия, если

бы не мощные мускулы Моргана — рулевого, который размахивал передо мной кольтом в ту далекую ночь до того, как мы покинули Штаты.

Как и у всех подводных лодок, участвовавших в боевых действиях, у «Уаху» было два перископа. «Вешалка» — высокая узкая оптическая труба с маленькой головкой — обычно использовалась в боевой рубке в процессе сближения с противником. Ночная оптическая труба с более крупной головкой для того, чтобы в нее поступало больше света, предназначалась для использования только в центральном посту, под боевой рубкой и для более малых перископных глубин, чем «вешалка». В самом начале этого патрулирования командир из-за невозможности хорошо различать цель во время грозы, когда то и дело ослепляют вспышки молнии, был вынужден выдвинуть ночной перископ вверх в боевую рубку, для того чтобы обеспечить лучшую видимость в таких условиях. Для того чтобы это сделать, необходимо было снять металлическую пластину на рельсе перископа между боевой рубкой и центральным постом, снять тяжелую стальную перемычку и закрепить ее в радиорубке над головой на месте пластины.

Эта работа производилась в то время, когда мы были на глубине. Пластина была снята, и в «Уаху» образовалась опасная течь. Следовало сразу же снять пластину и прикрутить на место, но теснота усложняла проблему. Пластина была чрезвычайно тяжелой, а поднять ее в такой тесноте должны были всего два человека. Даже при самых благоприятных условиях они вряд ли смогли бы с этим справиться.

Два матроса шатались и задыхались, а вода все прибывала, когда Морган, стоявший поблизости, крякнул и оттеснил их в сторону. Затем он в одиночку поднял пластину, установил ее на место и держал до тех пор, пока ее крепко не привинтили. Полусогнутый, со вздувшимися мышцами и покрытым потом полуголым телом, он выглядел как Атлант, держащий земной шар, и для нас был таковым. Я ранее говорил, что благодаря этому подвигу фактически была спасена лодка. Возможно, это преувеличение. Мы могли бы остановить течь, но нам пришлось бы прекратить патрулирование и возвратиться для починки перископа, а при сложившихся обстоятельствах это было бы в высшей степени опасным. Во всяком случае, в тот момент никто не колеблясь доверил Моргану спасение корабля. Я был рад видеть, что он в конце концов пришел к выводу, что ему нравится на флоте.

Мы вошли в Брисбен 26 декабря, имея на боевом счету две пораженные цели, но более обескураженные, чем были в конце

первого похода. «Уаху», лодка, с которой мы были с самых первых дней ее постройки и в отношении которой мы поклялись, что она станет самым великим боевым кораблем, не установила больших рекордов, и мы об этом знали. У нас были оправдания: существовали технические неполадки, и у нас еще недоставало опыта, и мы патрулировали не в том месте и не в то время, подобно неудачливым рыболовам; но, зная все это и даже допуская тот факт, что наш дух был снижен из-за того, что Рождество пришлось отмечать на субмарине, мы все-таки совсем сникли. Нам не нужны были хорошие оправдания, а нужны были хорошие результаты.

Наше первое впечатление от Австралии не улучшило настроения. Позднее мы полюбили это место и здешних людей, по, когда пришвартовались у борта плавучей базы подлодок «Сперри» в гавани Брисбена и сошли на берег, чтобы расположиться на отдых, обнаружили, что предложенные удобства сильно отличались от тех, что были на Гавайях в Гонолулу.

Всем офицерам, кроме командира и старшего помощника, предоставили комнаты в обшарпанной гостинице, по сравнению с которой кают-компания на «Уаху» казалась роскошью. Мы пробыли там пару дней, а потом узнали, что на берегу можно было снять коттедж на Парадайз-Бич, курорте, расположенном примерно в пятнадцати милях от Брисбена. Мы втиснулись в маленький поезд на паровозной тяге, курсирующий до берега и обратно с большими интервалами, осмотрели коттедж и сняли его. Большинство из нас провели там остаток выделенного на отдых времени.

Мы готовили себе сами на газовой плите, имевшей обыкновение взрываться при попытке зажечь ее, но берег, предоставленный в наше полное распоряжение, был восхитителен. Из-за сильного подводного течения лишь самые отчаянные из австралийских пловцов плавали там, а большинство из них сейчас были на войне. Но если научиться там плавать, то можно получить удовольствие. Подводное течение направлено параллельно берегу, и, войдя в него, вы могли унестись с ним на несколько миль. Мы проводили там большую часть своего времени за неимением лучшего занятия. Я думаю, что это был период самого здорового образа жизни для нас за всю войну.

У нас было с собой бренди. После глубинных бомб или других тяжелых испытаний подводникам по возвращении из похода, каждому члену экипажа, время от времени выдавали по двухунциевой бутылке бренди. Вспоминая, каким изумительным оно было на вкус после глубинных бомб, мы заключили, что при

первом же удобном случае мы не преминем «принять» на берегу и по-настоящему кутнуть.

Мы это и сделали, когда сошли с «Уаху» на берег. Откупорили бренди при первой возможности и израсходовали весь запас по назначению. Вкус этого зелья был ужасным; бренди чуть не сожгло наши глотки.

Глава 5
Маш Великолепный

Год подошел к концу, когда на «Уаху» был назначен новый командир. Марвин Кеннеди, рыжеволосый педант, который контролировал постройку корабля, усердно и хорошо тренировал нас и водил на два патрулирования, получил другое назначение, а наш стажер, большой веселый капитан-лейтенант Дадли У. Мортон из Кентукки стал командиром. И спокойными январскими днями в Брисбене, прежде чем снова вышли в море, мы попытались определить, что несет с собой это изменение.

Все любили Маша. Он старательно знакомился с «Уаху» и ее экипажем во время второго патрулирования. Он все время сновал по узкой лодке, проверяя оборудование, от его широко поставленных глаз не укрывалось ничего. Крохотная кают-компания всегда оживала, когда Маш протискивал свои массивные плечи в один из двух узких проходов и усаживался. Он был сложен как медведь и по-юношески весел. Однажды мы с ним затеяли импровизированную борьбу после кофе, и он применил ко мне прием «полунельсон» и слегка пригнул. После этого что-то хрустнуло у меня сзади в шее, и голова в течение нескольких недель кренилась после этого влево. Случается это и теперь, и я при этом всегда вспоминаю Маша.

Экипаж его любил. Подводный флот, пожалуй, самый демократичный из всех видов вооруженных сил, потому что в тесных помещениях подлодок просто нет места для чинопочитания. Даже при этом условии для многих офицеров переход от отношений товарищества к власти над людьми внезапен и труден, так что их подчиненные никогда не чувствуют себя вполне непринужденно. С Машем так не было. Авторитет был ему присущ внутренне и никогда не опирался на неожиданное повышение тона или изменение отношения. Находясь в центральном посту, рассказывая небылицы главному механику Рау, слушая его россказни или бродя беспокойно в нижнем белье в торпедном и дизельном отсеках, он был так же раскован, как ребенок. Люди были не просто готовы последовать за ним, они сделали бы это с радостью.

Но во время второго похода случалось, что в его невзначай высказанном мнении отсутствовала всякая мера осторожности. Одно дело — быть агрессивным, и другое — безрассудно храбрым, и было бы ошибкой полагать, что простой моряк на субмарине — огнедышащий пират, который навсегда забыл о

собственной безопасности. У большинства из нас при оценке риска возникает мысль о том, что мы нужнее для военно-морских сил живыми, чем мертвыми, так же как и для наших жен и детей. Но когда Маш выражал свое мнение о тактике, единственный риск, который он признавал, был риск не потопить вражеский транспорт. Мы с Роджером обсуждали это в Парадайз-Бич с некоторой озабоченностью.

А еще нас беспокоило, что старший помощник Дик О'Кейн безоговорочно поддерживал Маша. Они во всем соглашались друг с другом, а мы все еще были не слишком уверены в Дике. Во время второго выхода в море с Диком стало еще труднее: сейчас он дружелюбен, а через минуту дает более младшим офицерам понять, что выше по званию. Сегодня он — придирчивый начальник, а завтра демонстрирует излишнюю снисходительность, беспечное отношение, отнюдь не вселяющее в людей уверенность. Как-то себя покажет «Уаху» с Машем и Диком в одном седле?

Тем не менее мы смотрели в будущее почти с предвкушением блестящей перспективы. Как хорошо известно политикам, когда моральный дух падает, любое изменение во благо. И наши сомнения в отношении Маша носили теоретический характер; причины же любить его были явными. Я помню, как в радужных красках писал Энн о переменах.

Я также писал об одной из тех счастливых встреч, которые иногда происходят в войну. Эд Блейкли, наш добрый друг, неожиданно появился в Брисбене незадолго до того, как мы должны были отправляться в море, и я смог передать от него хорошие новости Энн: он и его жена Джинджер в будущем месяце ждали ребенка. Я обещал взять ее адрес и передать его Энн. Правда, я в последний раз видел Эда. Он пропал без вести во время следующего выхода в море.

* * *

"Уаху" была готова выйти в море 16 января 1943 года, но еще до этого мы отчалили из гавани в Брисбене, чувствовалось влияние нашего нового командира. Прием пищи в кают-компании приобрел характер вечеринок; вместо того чтобы, уставясь в свои тарелки, думать о возложенных на нас обязанностях, как привыкли это делать, мы попали под влияние капитана, который постоянно шутил, смеялся или говорил о планах совершения дерзких операций против врага.

В мгновение ока, как нам показалось, фотографии японских

судов, расклеенные по всей «Уаху», даже в носовой части, были сорваны, не по приказу, но по молчаливому согласию Маша, и на их месте оказались самые лучшие во всем Военно-морском флоте США фотографии красоток. Распознавание силуэтов судов — дело полезное, но некоторые силуэты оказались более полезными.

Согласно полученным инструкциям, мы должны были проследовать в районе Каролинских островов. До сих пор я точно не помню место, в которое мы должны были прибыть, потому что мы туда так и не попали. Но в нашем предписании было одно почти несущественное указание, которому суждено было сыграть огромную роль. По пути мы должны были рекогносцировать гавань Вевак.

Для того чтобы достичь Каролинских островов, мы из Брисбена взяли курс на север, вдоль северо-восточного побережья Новой Гвинеи и выше, мимо пункта Буна, где войска генерала Мак-Артура уже тогда потеснили японцев, и далее вдоль берега, занятого неприятелем. И где-то там, как указывалось в донесениях, был порт под названием Вевак, который мог принимать вражеские суда. Нам предстояло узнать, чем там можно поживиться.

Если мы поспешим, решил Маш, то сможем провести там больше времени, чем положено по нашим оперативным указаниям. Поэтому, когда мы шли вдоль побережья Новой Гвинеи, оставались в надводном положении, чтобы развивать большую скорость. Возникало странное и необычное ощущение при виде вражеского побережья, зловеще черневшего со стороны порта, самолетов противника, почти рядом с нами, и все же это вызывало боевой задор. В противоположность всем традициям на «Уаху», мы держались в надводном положении в дневные часы в течение шести дней, совершая лишь одно быстрое погружение для дифферентовки каждое утро, но никогда не удалялись за пределы видимости берега.

Подход к боевому патрулированию на «Уаху» изменился и в других отношениях. Теперь, вместо двух офицеров, четырех сигнальщиков и рулевого на мостике, когда мы были в надводном положении, мы шли лишь с двумя офицерами и тремя сигнальщиками, но почему-то нам казалось, что мы еще никогда не были под такой надежной охраной. И Маш убрал койку, установленную для командира в боевой рубке. Когда ему хотелось спать, он спускался в свою каюту и спал как младенец, ничуть не сомневаясь, что офицер на мостике вполне самостоятелен, что ему можно доверять и что он на все сто выполняет свои функции вахтенного офицера до тех пор, пока не понадобится помощь командира.

Лишь изредка Маш вмешивался. Однажды он поднялся перекинуться парой слов, когда я был на мостике, и неожиданно мы увидели самолет на расстоянии около восьми миль. Примерно в то же самое время его засек радар и подтвердил дистанцию. Раньше при виде самолета мы всегда погружались, и я повернулся к люку. Большая рука Маша схватила меня за воротник в момент, когда я достиг трапа рубки.

— Давай подождем, пока он будет от нас в шести милях, — сказал он мягко.

Я вернулся на свое место. Великий боже, подумал я, нами командует сумасшедший.

Мы стояли и смотрели, как самолет покрывал это расстояние. На расстоянии шести с половиной миль, следуя по своему курсу, он отвернул от нас и через несколько минут пропал из вида. Идя на риск в надежде, что самолет нас не видит, Маш сберег нам часы подводного хода, но, хоть это в данном случае удалось, я, пожалуй, не причислил бы себя к сторонникам таких действий.

Между тем по мере того, как мы приближались к району, где должен быть Вевак, стала острой проблема карты. В наших инструкциях не было и намека на расположение этого пункта, и ни на одной из наших карт побережья Новой Гвинеи его название не было обозначено; он мог быть любым из дюжины безымянных пунктов. Как же мы могли проводить рекогносцировку гавани, местоположение которой нам неизвестно?

Поначалу большинство из нас рассматривали эту проблему как второстепенную. Если мы не знали, где находился Вевак, что тут поделаешь? Мы могли обратиться к более заманчивым пунктам, доложить об этом и проследовать туда. Однажды вечером в кают-компании эта проблема предстала перед нами в другом свете. Маш, Дик, Роджер, Хэнк Хендерсон и я рассматривали карты, высказывая предположения, в какой крохотной бухте побережья может быть Вевак, когда Маш невинно спросил, что мы понимаем под словом «рекогносцировать».

— Ну как же, — сказал я, — это означает, что мы осторожно осматриваем район, издалека, со стороны моря, через перископ, в подводном положении.

Маш усмехнулся:

— Нет, парень. Единственный способ, которым можно рекогносцировать гавань, — это войти в нее и посмотреть, что там находится.

Роджер, Хэнк и я в ужасе переглянулись. Теперь было ясно, что наш капитан переходил от опрометчивости к безрассудству. Потому что субмарина, как в то время знал каждый, была глубоководным кораблем, которому для того, чтобы эффективно

действовать, требовались океанские просторы и большая водная масса под килем. А гавани в лучшем случае ненадежны, даже если вы заходите в них на надводном судне, управляемом опытным лоцманом, имеющим в своем распоряжении новейшие карты. Было бы безумием для «Уаху» погрузиться и войти в неприятельскую гавань, само местонахождение которой на карте нам было неизвестно.

В дальнейшем подводные лодки проникали в гавани, но чтобы какая-нибудь делала это в то время, никому из нас известно не было, и это противоречило всяким сложившимся на «Уаху» традициям. Наш командир, ухмыляющийся нам из-под своего вздрагивающего носа так, будто он только что рассказал нам смешную историю, уверял нас, что мы сделаем это и нам чертовски необходимо выяснить, какая из гаваней Вевак, или же он выберет ту, которая, вероятнее всего, окажется искомой, и войдет в нее.

После того как разнеслась весть о позиции, занятой Машем в этом вопросе, поиски карты, где могла бы быть гавань Вевак, явно активизировались. И наконец, именно «ищейка» Китер, помощник трюмного машиниста, увидевший первую жертву «Уаху», пришел на помощь. Однажды поздно вечером я проходил по машинному отсеку, когда увидел Китера, уткнувшегося в какую-то книгу. Он посмотрел на меня, схватил за руку и, перекрывая рев моторов, крикнул:

— Э, мистер Грайдер, это что, Вевак, к которому мы идем?

Я выхватил у него книгу. Это был австралийский учебник по географии для высшей школы, который он купил, когда мы были на отдыхе. Он открыл ее на странице с картой Новой Гвинеи. И в самом деле, там, на северо-восточном побережье, был крохотный пункт с названием Вевак.

Всего пару месяцев назад идея войти во вражескую гавань при помощи учебника географии для вузов показалась бы мне слишком абсурдной даже для того, чтобы быть забавной. Теперь я чуть ли не в объятиях сжал книгу и бросился с ней в кают-компанию так, будто в ней был ключ к уничтожению всего японского военного флота.

Маш бросил на нее взгляд и достал наши карты. В кают-компании закипела бурная деятельность.

На одной из наших карт было место, которое как будто соответствовало широте и долготе Вевака, обозначенного в книге, но даже это нам не особенно помогло. На нашей большой карте район Вевака занимал пространство размером с визитную карточку, едва ли она могла служить достаточно подробным путеводителем для захода в гавань. Однако то, что теперь мы

напали на след, при решимости Маша во что бы то ни стало войти в Вевак казалось нам намного лучшим вариантом, чем совсем ничего.

Дик О'Кейн и рулевой по фамилии Крауз взяли инициативу в свои руки. Сначала Крауз скопировал район с нашей карты на куске туалетной бумаги. Затем мы взяли мой старый фотоаппарат «Графлекс» и использовали его в качестве увеличителя, а корабельную сигнальную лампу — в качестве проектора. Мы закрепили это устройство на столе кают-компании и спроецировали увеличенное изображение на большой лист бумаги, развернутый на полу. Затем, погасив весь лишний свет, Дик и Крауз перенесли спроецированные линии на новый лист, и у нас получилась карта. Возможно, она заставила бы ужаснуться картографа, но это было значительным преимуществом по сравнению с полным отсутствием карты.

То, что предстало нашему взору, было грубым чертежом не гавани, а рейда с островками со всех четырех сторон, и один из островов имел название Машу. При всеобщем торжестве это было расценено как добрый знак удачной охоты. И когда я вновь собирал свой «графлекс», у меня невольно мелькнула мысль о том, что он тоже был предзнаменованием. Этим фотоаппаратом пользовались в Первую мировую войну мой отец и его друг и напарник — летчик Эллиот Спрингс. Мой отец был убит в бою, а Эллиот сохранил фотоаппарат и передал его мне на память. Я всегда хранил его как сокровище и называл себя корабельным фотографом для того, чтобы взять его с собой на «Уаху». Когда я подумал, что карта, нарисованная с помощью старой фотокамеры, которой пользовался мой отец более четверти века назад на другом конце света в другой войне, приведет нас в гавань Вевак, я тоже начал верить, что за третьим выходом «Уаху» в боевой поход стоит какая-то воля рока.

Так что в остающийся отрезок времени мы планировали, обсуждали и готовились. Каждая обрывочная информация, которую нам удавалось получить о Веваке, переносилась на нашу карту. В конце концов все выглядело так, что проникновение в гавань могло быть осуществимым. Там было достаточно много места; в большинстве мест гавань была около двух миль шириной, и мы полагали, что глубина в большинстве участков составляла порядка двухсот футов. Маш был в восторге. Он игнорировал неопределенности и сосредоточивался на том факте, что глубина будет достаточной, если мы правильно выберем место, и на безошибочных ориентирах, если мы сможем вовремя определить их, чтобы использовать.

В том полушарии стояло лето, и солнце поднялось рано. Мы

выбрали такую скорость движения, чтобы прибыть в Вевак как раз до рассвета 24 января. В три тридцать утра, как только засеребрился восточный горизонт, мы погрузились за две с половиной мили от входа в гавань и проследовали в подводном положении в Вевак.

Фактически туда вело несколько входов, по мы были уверены только в одном. Гавань простиралась на девять миль вглубь от этой точки. Мы приблизились, обогнув западную оконечность одного из островов, чтобы обследовать залив с внешней стороны, но, прежде чем Дик смог увидеть что-либо еще, он обнаружил в перископ два торпедных катера, следовавших в нашем направлении. Не время было показываться маленьким катерам, и мы погрузились, выждали немного и вновь попытались обследовать залив.

На этот раз торпедные катера ушли. Поодаль находился маленький буксир с баржей у борта, но больше никаких судов не наблюдалось. Мы стали искать в другом месте, в проливе между двумя островами, и Дик увидел нечто похожее на радиомачту на дальней стороне третьего острова. Маш предложил нам сделать круг, чтобы получше все осмотреть, но на этот раз на нашем пути появился риф, мешая ходу лодки.

Мы потратили все утро, пытаясь выяснить, что и как в этой гавани и где безопасные воды. Когда Дик заметил светлые пятна воды, мы отметили их на нашей карте как мелководье. Время от времени мы отмечали карандашом ориентиры. Один из них назвали "пункт берегового наблюдения".

Сильное течение в южном направлении создавало нам проблемы с того момента, как мы вошли в гавань, и именно этому течению обязано своим существованием название "пост берегового наблюдения". Оно пригнало нас близко к посту, на котором мы из боевой рубки, поочередно вставая к перископу, видели японского наблюдателя в белой рубашке, сидящего под кокосовой пальмой. Мы и в самом деле видели его так ясно, что я уверен, мог бы узнать его, встретив на следующий день на улице.

Кроме этого редкого случая для всех членов экипажа посмотреть в перископ, все наблюдения вел Дик О'Кейн. У Маша была уникальная теория: он полагал, что старший помощник, а не командир должен управляться с перископом во время сближения и атаки. Это, как он объяснял, ставило командира в более выгодное положение для того, чтобы правильно учитывать все возникающие факторы, лучше выполнять свои обязанности в боевой рубке и более хладнокровно принимать решения. Нет сомнения, что это была превосходная теория, и она прекрасно его устраивала, но мало найдется таких командиров, как Маш,

которые столь безоговорочно доверяли подчиненному, что оставляли за перископом в кризисные моменты.

Теперь же Маш был в своей стихии. Опасность, пыл преследования противника — разве это не счастье? При всем нашем внутреннем напряжении нам удавалось отражать его настрой. Атмосфера в боевой рубке была скорее под стать энтузиастам поискового отряда, чем условиям смертельно опасной рекогносцировки. Маш продолжал шутить даже в тот момент, когда мы едва не сели на мель.

Произошло это из-за двойственного характера перископа. Это очень точный инструмент с двумя уровнями увеличения: нижний уровень, увеличивающий объекты в полтора раза, чтобы обеспечить вам почти такое же зрительное восприятие, как то, которое вы получаете, глядя невооруженным глазом, а также шестикратное увеличение, чтобы значительно приблизить предметы. Поэтому все были озабочены, когда, взглянув в очередной раз в перископ, Дик воскликнул:

— Командир, полагаю, мы слишком близко подходим к суше! У меня перископ на высшем уровне увеличения, и все, что я вижу, — это одна кокосовая пальма.

Если одна кокосовая пальма, даже увеличенная в шесть раз, заняла весь окуляр, то мы были в опасной близости к берегу.

— Дик, — сказал командир с легким укором, — ваш перископ на низком уровне.

В наэлектризованном молчании, которое за этим последовало, Дик переключил ручку на высокий уровень и недоверчиво посмотрел в перископ.

— Убрать перископ! — выкрикнул он. — Всем срочно по местам! Боже мой, все, что я вижу, — это один кокос!

Мы в рекордно короткое время разбежались по своим местам.

Сразу после полудня Маш начал терять чувство юмора. Мы полдня провели высматривая достойную выстрела цель и не нашли ни одной. Но мы уже составили себе представление о гавани и теперь углублялись туда, откуда могли бы взглянуть на бухту, и там Дик увидел то, что выглядело как надпалубные сооружения. Он доложил, что на первый взгляд это стоящее на якоре грузовое судно или плавучая база.

— Ну, капитан, — сказал кто-то в боевой рубке, — теперь мы уже рекогносцировали гавань Вевак. Давай сматываться отсюда, доложим, что там находится судно.

Мы все знали, что это шутка, однако смотаться были не прочь.

— Ну уж нет, — подал голос Маш. — Мы пойдем в атаку и торпедируем судно.

Дик попросил его подойти и помочь распознать потенциальную цель, и оба они стояли там, как пара школьников, всматриваясь в перископ каждый раз, когда он поднимался, и пытаясь решить, что за корабль перед ними. Наконец они пришли к согласию, и Маш объявил:

— Это эсминец.

Много написано об изменениях, которые происходят с великими военачальниками во время битвы. Говорили, что, когда генерал Натан Бедфорд Форест, прославленный командующий кавалерией конфедератов, вступал в битву, голос менялся, делаясь резким и пронзительным, его лицо становилось багровым с красноватыми пятнами и нем появлялось выражение неописуемой жестокости. Маш Мортон тоже менялся, но совершенно по-иному. Радость распирала его. Голос оставался прежним, но глаза загорались восторгом, который по-своему был так же страшен, как, вероятно, и выражение лица Фореста. Теперь, прежде чем завершится третье патрулирование на «Уаху», нам пришлось убедиться, что перед нами человек, для кого безудержная радость в том, чтобы находить и уничтожать врага. Она наделяла его такой ужасающей привлекательностью в качестве командира подводной лодки, чтобы сделать легендой в течение одного года и в конце концов привести к гибели.

Теперь, когда все остальные беспокоились о глубине, на которой мы находились, о неизвестных нам течениях, о возможных рифах между нами и целью, Маш вновь улыбнулся нам.

— Для него это будет полной неожиданностью, — уверял он нас. — Он и не предполагал, что здесь может появиться субмарина противника.

В этом Маш был прав. Никто, пребывая в здравом рассудке, не мог ожидать нашего появления в этом месте.

* * *

Мы выходили на позицию атаки. В боевой рубке, и без того переполненной, стало совсем тесно. Роджер Пейн занял свое место у вычислительного устройства расчетов торпедной атаки — механического «мозга», установленного в кормовой части. Джек Джексон, офицер связи, координировал работу двух гидроакустиков. Как помощник офицера, осуществляющего сближение, я передал свои обязанности по погружению Хэнку Хендерсону и склонился у верха трапа центрального поста, манипулируя небольшим устройством, так называемым "есть —

был", — своего рода рычагом выведения на атаку в процессе расчета дистанции и направления. Там также находились двое рулевых, управляющий огнем, еще человека два — и все это в крошечном помещении.

Дик тщательно провел визирование, поднимая перископ вверх лишь до уровня, достаточного для того, чтобы увидеть верхушки мачт эсминца. Мы двигались со скоростью всего в три узла. Поверхность спокойного моря над нами была гладкой, как стекло, что позволяло легко заметить перископ. Все вспомогательные, ненужные в данный момент механизмы, включая систему регенерации воздуха, были выключены; мы были готовы к бесшумному бегству. Голоса были понижены до шепота, и пот начал выступать на наших лицах, поскольку температура поднялась до отметки в 100 градусов (по Фаренгейту). Нашим преимуществом был фактор внезапности, и ничто больше. Мы уже углубились на шесть миль в незнакомую гавань, с трех сторон окруженную сушей, и примерно через минуту всем тут станет известно о нашем присутствии.

Передние крышки на наших шести носовых торпедных аппаратах были бесшумно открыты. Мы приближались к установленной Машем дистанции в три тысячи ярдов. Это было немного далековато, но позволяло нам держаться на наиболее глубоком месте.

— Первому приготовиться к выстрелу.

Дик О'Кейн, согнувшись, обошел шахту перископа, поднял два больших пальца, показывая, что хочет поднять перископ в последний раз. Длинный цилиндр пополз вверх. Дик двинул рукоятки, прильнув к окуляру, как только перископ выглянул из-за бортовой линии палубы. Он дал перископу выдвинуться из воды примерно на два дюйма и быстро осмотрелся вокруг.

— Опустить перископ! — прошептал он так, что было понятно — это нужно сделать срочно, и напряжение достигло предела. — Командир, он двинулся, направляется к выходу из гавани. Курсовой угол десять, левый борт.

Теперь наш план застигнуть эту «утку» на месте в мгновение ока провалился. Корабль не только был на ходу, но и шел почти прямо на нас. Единственно разумным решением было отказаться от нашей затеи. Может быть, позднее нам удастся атаковать его на глубокой воде. Но у Маша не было настроения прислушиваться к голосу разума.

— Право на борт!

Ни мгновения не сомневаясь, он перешел к новому плану атаки. Теперь нам нужно было проследовать под правым углом к курсу следования миноносца и выстрелить по нему из кормовых

аппаратов, когда он пойдет в обратном направлении.

Перископ пошел вниз… Роджер вращал рукоятки на вычислительном устройстве расчетов торпедной атаки. Маш пробрался в центр боевой рубки, тяжело дыша, вращая диски на "есть — был", приказы теперь выкрикивались, а не произносились шепотом. О скорости эсминца, возраставшей по мере его движения, можно было только догадываться. Роджер вносил данные в вычислительное устройство, которое автоматически устанавливало нужный угол на гироскопе. Корабль резко взял вправо. Через минуту мы были готовы открыть огонь.

— Поднять перископ… Пеленг!.. Цель пошла зигзагом… Курсовой сорок, правый борт.

Теперь эсминец шел перпендикулярно носу нашей лодки. Еще интенсивнее стали вращаться ручки, еще одна быстрая прикидка скорости цели — на этот раз пятнадцать узлов.

— Приготовиться… Аппараты, товсь!.. Первый, пли!.. Второй, пли! Третий, пли!

Лодка вздрогнула, когда три торпеды вырвались из торпедных аппаратов.

— Полный вперед!

Нос лодки начал подниматься вверх из-за потери веса в носовой части.

Газопаровые торпеды оставляют за собой след шириной с двустороннее шоссе, но гораздо белее. Теперь не было никакого смысла опускать перископ, потому что на этой дистанции противник мог смотреть на след, указываемый место лодки. Дик выдвинул перископ на всю длину и наблюдал. Прошла вечность, прежде чем он заговорил:

— Они идут на него.

Торпеды шли со скоростью около пятидесяти узлов, но промежуток между выстрелом и ударом казался вечностью.

— Первая прошла мимо за кораблем… Вторая прошла мимо за кораблем… Третья прошла мимо за кораблем.

Стоны разочарования раздались в боевой рубке. Мы посчитали его скорость меньшей, чем она была на самом деле.

— Произвести еще один расчет к атаке! — В голосе Маша слышалась жесткая настойчивость. — Возьмите двадцать узлов!

— Готово.

— Пятый, пли!

Лодка вновь вздрогнула, и глаза Дика оставались как приклеенные к перископу. И опять новости, которые поступали к нам через длинные паузы, были плохими.

— Цель отворачивает.

— Проклятье!

— Четвертая прошла мимо… Он разворачивается. Теперь он идет прямо на нас.

Ситуация резко изменилась. Потревоженный следом от трех первых торпед, эсминец начал быстрый уверенный отворот от нас, развернулся на 270 градусов и теперь направлялся к нам, готовый к возмездию. Миноносец, иначе говоря противолодочный корабль, предназначен для уничтожения подводных лодок, и этот теперь шел к нам с палубой, полной глубинных бомб. Мы выпустили четыре из наших шести носовых торпед. У нас было еще четыре в кормовых аппаратах, но потребовалось бы слишком много времени для того, чтобы развернуться и выстрелить ими, и еще больше для того, чтобы перезарядить наши носовые аппараты.

— Ладно, — сказал Маш. — Приготовиться к выстрелу прямой наводкой.

Мы говорили о выстреле прямой наводкой на встречных курсах в кают-компании, но сомневаюсь, что кто-нибудь из нас когда-либо всерьез предполагал, что ему придется произвести такой выстрел. Само это название подразумевает выстрел по цели, которая надвигается прямо на вас. Никто не знал наверняка, насколько эффективным он будет, потому что, насколько мне известно, тогда не было ни одного документально засвидетельствованного случая в практике действий подлодок, когда кто-нибудь пытался его применить. Но у него было одно очевидное достоинство и два ошеломляющих недостатка. С одной стороны, вам не нужно знать скорость цели при нулевом угле; с другой стороны, цель будет на минимальном расстоянии, и, если вы промахнетесь, не останется времени предпринять что-то еще. В данном случае нам предстояло выстрелить двухтонной торпедой по кораблю не более двадцати футов шириной, идущему на нас со скоростью порядка тридцати узлов.

За несколько минут до этого я, как идиот, думал, какую прекрасную историю расскажу Энн и Билли во время своего отпуска. Теперь же я с облегчением вспомнил, что перед началом нашего похода оставил на берегу завещание.

— Готово, — сообщил Роджер от вычислительного устройства.

— Приготовиться к выстрелу.

— Дистанция тысяча восемьсот.

— Пятый, пли!

— Перископ под водой.

— Подними выше.

Под влиянием выстрела Хэнк сразу же потерял контроль[3], и мы опустились ниже перископной глубины, а миноносец несся на

нас, вспенивая воду бурунами.

— Подними ее выше, Хэнк. Парень, подними ее выше! — крикнул в люк командир.

Томительное ожидание, затем Дик припал к перископу:

— Капитан, мы не попали в него. Он все еще идет к нам. Все ближе.

Странно, как в таких ситуациях часть вашего сознания может быть занята холодным, беспристрастным анализом факторов, не связанных непосредственно с вашей безопасностью. Я обнаружил, что изумлен изменением, происшедшим с Диком О'Кейном с момента начала атаки. Было так, будто во время всех болтливых, хвастливых месяцев до этого он был потерян, искал свое истинное «я» и теперь оно было найдено. Он был спокоен, немногословен и весьма хладнокровен. Мое мнение о нем все время претерпевало изменения. Я не в первый раз обращал внимание на то, что поведение людей под огнем невозможно точно предугадать по их ежедневным поступкам, но это был наиболее разительный из когда-либо наблюдавшихся мной примеров того, как человек превращается в первоклассную боевую машину.

— Приготовить к выстрелу шестой аппарат.

— Шестая, пли! — отдал команду Дик. Эхом отозвался Маш:

— Быстрое погружение!

Мы заполнили балластную цистерну и пошли вниз. Я спустился и принял управление у Хэнка. Я не мог погрузил лодку по-настоящему глубоко, потому что мы понятия не имели, какая там была глубина. Но я погружал ее так глубоко, как только мог, — до девяноста футов. Мы уходили от атаки возмездия глубинными бомбами.

Мы уже больше не были агрессором. Теперь наше время кончилось, так же как кончились и торпеды, и мы были беспомощны и не могли контратаковать. Все, что мы могли сделать, — это зацепиться за что-нибудь и быть готовыми к последней встрече с глубинными бомбами военного корабля. Наше время пришло, и мы ожидали конца почти спокойно.

Первый взрыв был громким и близким. Пара лампочек разбилась вдребезги, как это всегда бывает при близком взрыве, и я помню, что начал тупо смотреть на то, как мелкими кусками стал отслаиваться пробковый материал внутренней обшивки «Уаху».

Мы ожидали второго взрыва, каждый был внутренне сломлен и смотрел больше на окружающие предметы, чем на товарищей, ни один не смотрел в глаза другому, как это бывает в последние моменты жизни.

Десять, двадцать, тридцать секунд… Я поднял глаза и увидел

на лицах окружающих меня людей выражение удивления. Шум из помпового отсека прервал оцепенение.

— Черт побери! Может быть, мы его подбили?

Было что-то нелепое, даже почти веселое в этом звуке. Наверху, в боевой рубке, Маш услышал его и засмеялся.

— Ну, ей-богу, подбили, — откликнулся он, теперь его голос громыхал. Возвращаемся на перископную глубину, Джордж.

Почти как безумные мы вытаскивали лодку наверх.

И вновь Маш предоставил Дику перископ. Тот долго смотрел.

— Вон он. Раскололся надвое.

Что творилось на «Уаху»!

Я махнул Хэнку, чтобы он занял место в центральном посту, схватил свой «графлекс» и поднялся по трапу в рубку. Маш прозвал меня корабельным фотографом, и я хотел во что бы то ни стало сделать снимок нашей цели.

Это было не просто. Даже Маш захотел взглянуть на нее, и каждый в переполненной боевой рубке пробивался в свою очередь посмотреть после того, как командир отошел от перископа в сторону. Наконец наступил и мой черед.

Миноносец пылал, разломившись надвое, как спичка, его нос уже осел. Наверное, у его командира сдали нервы, когда он увидел нашу последнюю торпеду, идущую на него, и он слишком резко положил руль, пытаясь отвернуть от нее, и, повернувшись к ней бортом, подписал эсминцу смертный приговор. Теперь, когда корабль начал тонуть, экипаж облепил его, сотни человек висели на оснастке, на надпалубных сооружениях, оставались на палубах. Пока мы боролись за место у перископа, некоторые моряки эсминца вернулись на свои места у орудия на носовой части палубы и открыли огонь по нашему перископу. Они продолжали вести его до тех пор, пока корабль не затонул, скрывшись в волнах.

Мне удалось сделать несколько снимков, после чего я посторонился. И теперь Маш, который становился тираном в чрезвычайных ситуациях, вернулся к духу демократии, которую всегда проявлял, когда случалось что-нибудь хорошее.

— Давайте поднимайтесь все и взгляните, — позвал он.

Члены экипажа поочередно поднимались, заполняя каждый дюйм центрального поста и боевой рубки. Каждый проталкивался к перископу и надолго замирал, поглощенный невероятным зрелищем, прежде чем оторваться от окуляров со словами, представляющими экстремальную лексику его словарного запаса. Я слышал в тот день впечатляющие выражения.

Мы все еще торжествовали, когда глубинная бомба разорвалась близко от корпуса лодки, напомнив нам, что

предстоял длинный путь, прежде чем мы выберемся из этой трущобы. Мы ушли вновь на глубину до девяноста футов, обнаружив, что в воздухе появился самолет, высматривающий нас. Поэтому мы начали пробираться к выходу из залива.

Через считанные минуты мы услышали шум винтов катеров, шнырявших вокруг над нами, подобно водным насекомым. Они разыскивали нас, и мы поняли, что единственный способ выбраться невредимыми из гавани Вевак — идти с опущенным перископом. В дополнение к незнакомым течениям и глубинам нам теперь нужно было уходить в полной тишине, а значит, даже гирокомпас должен быть выключен. Пользоваться можно было магнитным компасом, на который никогда нельзя особенно полагаться внутри лодки, где все из стали. Нам нужно было одолеть четыре мили, сделать поворот направо и пройти около двух миль, прежде чем мы достигнем открытого моря, и если мы повернем слишком рано, то можем врезаться в тот остров, на котором видели берегового наблюдателя, сидящего под кокосовой пальмой. Если же мы повернем слишком поздно, то можем удариться о риф, что впереди нас.

До начала атаки я заметил молодого матроса у звукоприемной аппаратуры, слушающего с огромным вниманием, хотя он в то время не особенно был нужен. Теперь он говорил с Машем.

— Командир, — сказал он, — когда мы входили, я слышал на берегу звуки острова Машу. Думаю, что могу определить по ним, когда он на траверзе.

Ни один из присутствовавших в боевой рубке точно не знал, какими были береговые звуки. Я читал о том, что даже креветки издают звуки в океане, а креветки многочисленны на мелководье в том районе. Как бы там ни было, если человек, работавший на акустическом устройстве, думал, что может помочь, мы были готовы слушать.

Итак, полагаясь на него, мы, в свою очередь, готовились действовать. Ждали, когда он доложит, что звуки позади траверза.

Мы всплыли после наступления сумерек примерно в двух милях за гаванью и огляделись.

Японцы развели костры почти на каждом пункте на берегу и на островах, вдоль всего рейда. Они, видимо, были уверены, что мы все еще в бухте, и ждали, когда появимся на поверхности. Я до сих пор благодарен креветкам, поселившимся вдоль острова Машу, и "посту берегового наблюдения" за то, что благополучно вывели нас после рекогносцировки гавани Вевак.

Глава 6
Стрижка под ноль

Два маленьких острова лежали на порядочном отдалении от Вевака, образуя естественный проход для прибывающих и отбывающих судов. Маш приказал всю ночь проводить перекрестное патрулирование этого района в надежде сесть на хвост какому-нибудь конвою из Палау и спустился вниз составлять радиодонесение о боевой операции в Веваке.

Нет более приятной обязанности для командира подводной лодки в военное время, как составление доклада об успешно проведенной операции. Донесение должно раскрывать суть дела, но быть сжатым, хотя и приправленным красочностью описаний и вызывающей бравадой, потому что его будут читать другие, а не только командование, которому оно адресовано. Моряки на других подлодках в пределах радиоприема быстро расшифруют радиограмму, и она разойдется по кают-компаниям, где каждое слово будет разобрано как с точки зрения грамматики, так и военной тактики. И в этом прекрасном упоении победой должны быть приняты во внимание газеты и книги по истории и давняя традиция кратких, метких эпиграмм, украшающих документацию в государственных военно-морских архивах. Только занудный и лишенный воображения капитан не потратит массу творческих усилий на послание, за напускным безразличием и скромным намеком на героизм которого очевидны надежность лодки и экипажа.

Маш начал составлять свой доклад, ночью обошлось без контакта с противником, и рано утром мы, пройдя между двух островов, стали двигаться вперед со скоростью, которую позволяли развивать два двигателя, и взяли курс на Палау. И теперь, прежде чем возобновилась наша разрушительная миссия, нам была предоставлена возможность вспомнить о гуманизме.

Я начал отращивать усы вскоре после того, как мы покинули Брисбен, увлеченный оригинальной теорией, которую вскоре предстояло проверить. Я стоял вахту с четырех до восьми и приглаживал пальцем свои усы, когда что-то показалось на горизонте. Мы были в то утро необычайно бдительны на мостике, несмотря на неизбежное расслабление после боя, не столько из-за обостренного чувства опасности, сколько из-за растущего духа состязательности. Молодой рулевой Альфред Симонетти нес вахту вместе со мной. Этот вежливый, мечтательный парнишка

гордился своим талантом сигнальщика, и своего рода соревнование развернулось между нами в отношении того, кто первым заметит на поверхности воды какой-либо объект. Поэтому, увидев мачту маленького рыбацкого бота, я прокричал об этом с такой гордостью, точно это был авианосец. Артрасчеты встали к палубным орудиям малого калибра, и подводная лодка осторожно приблизилась к боту. Дали пулеметную очередь по его носовой части, когда подошли на расстояние выстрела, чтобы предупредить их о серьезности наших намерений. Но, когда подошли поближе, наша подозрительность переросла в сочувствие. Это было одномачтовое рыбацкое судно типа шхуны, длиной всего двадцать футов, и находилось оно довольно далеко от берега, а шестеро членов его экипажа были слабы, испуганы и, вероятно, умирали от голода.

Ни один из них не говорил по-английски, и мы послали за нашим каютным юнгой филиппинцем Хуаном Оро Джейсоном. Он задействовал все свои языковые возможности, взяв вежливый тон, но ничего не вышло. Затем мы попробовали обратиться к помощи нашего каютного юнги. Иисус Чаргулаф Маналисэй был с нами только с того времени, как мы отбыли из Брисбена, но уже прослыл неисправимым лентяем, но никто не сомневался в его знании родного языка. У него тоже ничего не получилось, мы стали объясняться знаками.

В конце концов мы поняли, что они малайцы, их двигатель забарахлил, был глубокий штиль и они долго дрейфовали без воды и питья. Первоначально они были вдевятером, но трое уже умерли, один из выживших был слеп, и у двоих других имелись все признаки цинги. Так войне пришлось подождать, пока мы доставали все, что у нас было из запасов, — хлеб, воду, консервы, сигареты и передавали их нашим маленьким смуглым братьям в рыбацком боте. Мы оставили их с запасом на две-три недели. Когда мы отчаливали, один из них с трудом поднялся, изобразив жест, который, как я всегда думал, родился на американском профессиональном боксерском ринге, — рукопожатие над головой. Каким-то образом оно подчеркивало, что мир тесен.

Во второй половине дня мы пересекли экватор, и тут мои усы меня подвели.

Мы пересекали линию экватора во время нашего второго патрулирования, но без соответствующей церемонии, к большому разочарованию некоторых из наших бывалых моряков и среди них старшины группы торпедистов Рассела Рау. Рау, который, как главный торпедист, занимал более высокое положение, чем любой старший сержант, служил на военном флоте более двадцати лет и получал большее удовлетворение от посвящения в

«тритоны» офицеров, наравне с рядовыми матросами, в мистериях бога моря Нептуна. Он руководил в таких случаях, как мне довелось узнать, с такой большой важностью, что его огромный живот выпирал еще больше.

Может быть, в моей памяти отложилось преувеличенное представление о размере его живота. Он был обильно смазан жиром и сажей, и, прежде чем кончился день, мне пришлось его поцеловать.

Еще в Брисбене Маш обещал по всем правилам провести церемонию пересечения линии экватора, если позволят условия. В предвкушении этого события я разрабатывал небольшую стратегию. Я знал, что церемония будет грубоватой, особенно по отношению к офицерам, а в то время я наивно полагал, что по окончании похода поеду домой в отпуск, и не хотел, чтобы произошло что-то, что обезобразит мою внешность. Короче говоря, я боялся, что мне обреют голову, поэтому-то и отрастил усы, дабы принести их в жертву по данному поводу.

Мы погрузились по случаю праздника Нептуна, и все «тритоны» сгрудились у носовой батареи. Как «тритон» высокого ранга (Маш и Дик О'Кейн уже испытали это ранее), я был избран первой жертвой. Мне завязали глаза и подвергли обычным унизительным испытаниям, связанным с такого рода церемониями. Они состояли в том, что испытуемый должен был есть какую-нибудь отвратительную смесь, подвергаться электрическому удару, целовать смазанный жиром живот Рау. А меня посадили в кресло, и я услышал стрекотание парикмахерских ножниц. Это был момент, к которому я так хитроумно готовился. Я отпраздновал пересечение экватора с потрясающим впечатлением.

— Срезайте мои волосы, если хотите, — умолял я, — но не трогайте мои усы. Пожалуйста, не трогайте усы!

Злобность некоторых людей так велика, что почти невероятна. Они сделали как раз то, о чем я просил.

Самый великий для «Уаху» день начался с теплого и ясного утра. Симонетти и я стояли на вахте, подставив легкому бризу лицо. Обсуждая прошедший праздник Нептуна, мы были согласны с тем, что ночь посвящения в «тритоны» была тяжелым испытанием, но что у нас будет масса времени для того, чтобы расслабиться по пути на базу. Вахта почти закончилась. Я размышлял над тем, что у нас будет на завтрак, когда, осматривая в бинокль горизонт, заметил над горизонтом дымок.

Дым — это то, к чему подводники с симпатией относились во время войны. Большой слабостью японского торгового флота было то, что его суда всегда дымили. Почти каждый раз мы

обнаруживали их по столбу дыма над ними — это давало нам громадное преимущество, потому что означало, что совершенно невидное на горизонте судно, причем идущее курсом не на сближение с нами, могло быть засечено, преследуемо и потоплено.

Маш поднялся наверх, и мы начали следить в надводном положении. Пока что мы понятия не имели, какую затеваем игру, но никто из нас не сомневался в том, что достигнем успеха. Вевак был залогом этого для нас.

Скорость и курс были заданы таким образом, чтобы опередить цель, и мы принялись рассуждать о том, оставляет дым одно судно или их два. Наконец мы решили, что их два. И в самом деле, спустя сорок пять минут, когда мы вышли на позицию, порядочно опередив противника по курсу его следования, мачты двух судов появились на горизонте. Мы открыли клапаны балластной цистерны, ушли под воду и оставались там в ожидании добычи.

Было что-то необычное в этой ситуации. Они шли курсом, который никуда не вел, и делали десять узлов, даже не совершая зигзагообразных движений. Это были крупнотоннажные грузовые суда; они шли безо всякого сопровождения. А ближайшая суша была на расстоянии пары сотен миль. Обсудив все это, мы решили, что они поджидают потопленный нами в Веваке эсминец, который сопровождал бы их до Новой Гвинеи.

Если это было так, то дерзкая операция Маша, проведенная два дня назад, теперь оправдалась, потому что суда оказались совершенно не готовы к тому, что могут быть атакованы в этих водах. Полные зловещей радости, мы пошли на сближение.

Наш план состоял в том, чтобы занять позицию на дистанции в тысячу ярдов в стороне от пути движения судов и подождать, пока пройдет первое из них. Притом что оно окажется у нас по курсу с правого борта, а второе судно — с левого борта по курсу. Мы могли выпустить первые три торпеды, руководствуясь датчиком правого угла гироскопа, быстро перевести последние три торпеды на датчик левого угла гироскопа и поразить обе цели. Но этот способ сближения требует абсолютно точного расчета по времени, а мы переоценили скорость цели, когда выходили на позицию, использовав самый быстрый из способов наблюдения в перископ. Вдруг мы поняли, что подходим слишком близко; расстояния не хватит для того, чтобы нашим торпедам встать на боевой взвод, прежде чем они поразят цели. Нам нужно было отойти подальше и поскорее. И в последнюю минуту, как часто случается, тщательно составленные планы были заменены наспех подготовленными: мы должны были развернуться, отойти

от них и выстрелить из наших кормовых аппаратов. А поскольку на корме были только четыре аппарата, это означало, что шансов поразить цель было в два раза меньше.

Для того чтобы реализовать новый план, потребовалось одиннадцать минут. Затем при хладнокровной и невероятно быстрой работе Дика на перископе мы выстрелили двумя торпедами по первому судну, за семнадцать секунд сделали новые расчеты и выпустили две другие торпеды по второму судну, разворачиваясь в тот момент, когда ушла четвертая торпеда таким образом, чтобы навести оба носовых аппарата по пеленгу.

Это было сделано слишком поспешно для того, чтобы можно было говорить о высокой точности. Тех нескольких секунд, в которые происходила смена целей, просто не хватило бы для того, чтобы использовать гироскопический датчик и регулятор угловых скоростей, производя расчет на новый торпедный выстрел при помощи вычислительного устройства. Поэтому, в то время как первые две торпеды поразили цель в нос и корму, третья прошла перед второй целью. Но четвертая поразила ее.

Три из четырех торпед попали в цель! В боевой рубке все бурно выражали восторг, в то время как мы опустили перископ в завершение операции. Она продолжалась в течение четырех минут; затем Дик вновь прильнул к перископу, выдвинул его и доложил обстановку:

— Первое судно… Оно кренится на правый борт, и корма уходит под воду… Даю обстановку, еще одно судно — оно идет на нас, но медленно. Даю обстановку… Судно, курсовой угол девяносто по правому борту, дистанция тысяча восемьсот.

Помню чувство раздражения от слов Дика, раздражения им, а не перспективой иметь дело еще с одной целью. Потому что, в то время как он четко доложил о трех судах, все мы знали, что там наверху их было только два.

Однако их все-таки оказалось три. Мы попадали в переделку такого рода, когда Маш был абсолютно в своей стихии, — то есть оказались в суровой и обескураживающей ситуации. Было подбитое судно, двигающееся прямо на нас, видимо с намерением протаранить, в то время как за ним, по-прежнему следуя первоначальным курсом, шло еще одно крупное судно, и Дик добавил, что это мог быть транспорт.

— Пусть оно будет нашей следующей мишенью, — сказал Маш.

Так что, в то время как второе судно неумолимо приближалось к нам, мы, оставаясь на перископной глубине, быстро провели расчет на третью цель и выпустили три торпеды

из носовых аппаратов. Дик не обращал перископ на контратакующий корабль до тех пор, пока не убедился, что две из трех торпед попали в цель.

А тот все приближался, немного виляя, но был уже довольно близко.

— Прямой наводкой?

— Прямой наводкой!

"Какой смысл овладевать новой техникой, — наверное, думал Маш, — если ее не практиковать".

Мы сделали по судну два выстрела из носовых аппаратов. Один из них поразил цель, но корабль неотвратимо приближался. Еще до конца дня мне пришлось отдать должное капитану грузового судна, давая ему более высокую оценку, чем любому другому командиру неприятельского корабля, которому когда-либо приходилось противостоять.

Он едва не снес нашу боевую рубку. Мы ушли под воду как раз вовремя, прошли футов сто, резко повернули влево, избежав столкновения с ним.

А теперь, когда мы стали слепы, в окружающей нас акватории творилось что-то невообразимое. Взрывы гремели со всех сторон. Были ли это взрывы глубинных бомб или же разорвавшихся паровых котлов, мы так и не узнали. Как бы то ни было, «Уаху» ничего не оставалось делать, кроме как оставаться на глубине, кренясь и вздрагивая до тех пор, пока не были перезаряжены ее торпедные аппараты, но один из них пустовал. У нас теперь оставалось только девять торпед.

Еще через восемь минут Маш вернул нас на перископную глубину. Первое подбитое нами судно затонуло. Второе, которое едва нас не протаранило, все еще двигалось, но очень медленно, с очевидными неполадками рулевого управления. Третье, а это был транспорт с войсками, как и предполагал Дик, остановилось, но все еще оставалось на плаву.

— Давай прикончим его. — Какое-то жестокое веселье слышалось в команде, отданной Машем. Оно испугало бы любого из нас, будь мы сторонними наблюдателями, а не участниками.

Теперь наступил момент выполнения одной из самых деликатных, мучительных и безжалостных из всех обязанностей подводника, которую он призван исполнять: маневрирование для нанесения убийственного удара по раненому противнику. Несмотря на взрывы, которые будоражили воды всего несколько минут назад, теперь море снова было спокойным. Наш перископ блеснул окуляром в полуденном солнце, и через его глазок Дик О'Кейн смотрел на наши жертвы, которые, в свою очередь, смотрели на нас.

Они не сидели без дела. Большой транспорт с войсками, с борта которого вели отчаянный огонь по перископу из всего, что было у них под рукой, — из ружей, пулеметов, палубных пушек, надеясь в крайнем случае спастись от «циклопа» бегством. Но им это не удалось.

Мы подошли на дистанцию в тысячу ярдов, тщательно прицелились и выстрелили. Дик прильнул к перископу так, будто собирался взобраться по нему.

— Вот она идет… Она направляется прямо на судно… Они пытаются стрелять по ней… Она идет прямо на него… Она идет под…

Длинная пауза воцарилась в боевой рубке.

— О, черт!

Это было все, что ему оставалось сказать. Торпеда не взорвалась.

— Приготовиться к новому выстрелу! — Маш моментально пришел в бешенство.

— Расчеты прежние!

— Пли!

Пока Дик продолжал производить подробнейший расчет, почти идентичный последнему, мы все услышали характерный щелчок, предшествующий взрыву боеголовки. Затем раздался грохот и возвысившийся над всем торжествующий голос Дика:

— Она попала! Прямое попадание!

Торпеда попала под дымовую трубу, взрывом высоко в воздух подбросило среднюю часть судна, и раздался грандиозный ужасающий грохот, когда я протискивался мимо тех, кто был в центральном посту, чтобы сделать фотографии через перископ. Солдат раскидало в стороны, они прыгали, катились, падали и скользили. Затем, всего в считанные секунды после взрыва, корма взметнулась вверх, нос уткнулся вниз и судно затонуло.

Маш позволил лишь минутную паузу, пока Роджер, Хэнк и другие столпились, чтобы посмотреть. Затем он неумолимо направил «Уаху» курсом на одно остающееся на плаву судно, то самое, что было подбито и пыталось нас таранить.

Оно, подбитое теперь дважды и способное делать не более шести узлов, ковыляло курсом на восток, не останавливаясь ни на минуту. Не оставалось сомнений, что у него упорный капитан, готовый спасти его любым способом. Во всяком случае, в данный момент он это делал. Наши аккумуляторные батареи разрядились до опасного уровня — мы находились под водой с восьми часов, большую часть времени развивая высокую скорость, а сейчас было уже немногим более одиннадцати тридцати, — и дюйм за дюймом, так медленно, что поначалу Маш даже отказывался

верить в происходящее, японский капитан отвел свое израненное грузовое судно на недосягаемое для нас расстояние.

Мы все еще следили за ним, когда Дик выкрикнул последнюю новость. Мачты четвертого корабля появились на горизонте, справа от покалеченного судна.

— Похоже на легкий крейсер, командир.

Настроение Маша опять было на подъеме.

Вероятно, корабль шел на подмогу сокрушенному транспорту. Таким образом, на нашем боевом счету этого дня уже были потопленные грузовое судно, транспорт с войсками, и еще одно грузовое судно было повреждено. Разве не здорово добавить к этому списку еще и крейсер? Злорадная улыбка Маша передалась всем в боевой рубке, когда незнакомец увеличился в размерах и стал четко виден в нашем перископе. Затем (нам до него оставалось уже около пяти миль) он внезапно повернул за подбитым судном.

— Теперь вижу его лучше, командир, — подал голос Дик. — Это не крейсер, это танкер.

Оба судна со сводящей с ума медлительностью исчезли за горизонтом. Маш с философским видом выругался, развернул «Уаху» и поднял на поверхность, чтобы возобновить преследование в надводном положении с большей скоростью, в то время как мы заряжаем наши аккумуляторные батареи.

Мы все еще были близ того места, где затонул транспорт, и всплыли в море, заполненном японцами. Они цеплялись к каждому из плавающих обломков, каждой сломанной мачте, сидели в спасательных лодках и, когда мы курсировали среди них, смотрели на нас с выражением, которое невозможно передать словами. На плаву было около двадцати лодок всевозможных типов — от яликов до маленьких гребных лодок. В воде находилось так много неприятельских солдат, что было просто невозможно крейсировать между ними без того, чтобы не отбрасывать их в сторону, как бревна лесосплава. Это были войска, которые, как мы знали, направлялись в Новую Гвинею для того, чтобы сражаться там, убивая наших солдат, и Маш, чью безграничную врожденную ненависть к врагам мы только начинали ощущать, смотрел на них с ликованием в предвкушении кровавой битвы.

Бой меняет людей с ужасающей быстротой. Должны были пройти месяцы, прежде чем я или другие на «Уаху» подумали бы противопоставить эту сцену той, которая разыгралась предыдущим утром, когда мы раздавали наши продовольственные запасы и проявили добрую волю в отношении горстки несчастных людей в попавшей в штиль рыбацкой лодке.

В эти кошмарные минуты Линде, наш великий снабженец в дни, когда «Уаху» еще строилась на Мэри-Айленд, подвергся величайшему, суровому испытанию в качестве помощника корабельного врача.

У 20-миллиметрового расположенного впереди мостика орудия были люди, когда мы шли в надводном положении, и расчет принимал боеприпасы, которые подавались снизу, когда вдруг произошел взрыв и раздался резкий крик боли. Молодой матрос по имени Уипп уронил снаряд, и он взорвался в нескольких дюймах от его ноги, почти оторвав средний палец. Раненого отнесли к Линде, который был мастером выходить из любых сложных ситуаций, но не из той, к которой его готовили. Я видел их обоих примерно через час после того, как Линде наконец заставил себя провести ампутацию. Он был бледен, а когда пытался рассказать мне, как проходила операция, слезы наворачивались у него на глаза. Позади него ковылял молодой Уипп, тоже немного бледный, но стоически улыбающийся и, по-видимому, чувствовавший себя очень и очень виноватым перед бедным Линде.

Мы наконец повернули на восток, двигаясь на самом полном ходу, который обеспечивали четыре дизеля, и выдвинули перископ на всю длину, пытаясь определить местонахождение спасшихся от нас бегством грузового судна и танкера. Близился полдень, и мы были вымотаны, чувствовали голод и эмоциональное опустошение. Перед тем как начать новую акцию, мы легли в дрейф, с тем чтобы взять тайм-аут, немного подкрепиться и выпить кофе.

К трем тридцати мы заметили характерный дымок слева по курсу и пошли на перехват. Мы следовали классическому маневру подводных лодок, известному как круговой. В момент, когда мы начинаем видеть кончики их мачт, определяя их курс и воспользовавшись нашим преимуществом в скорости при ходе в надводном положении, обгоняем их настолько, чтобы, в конечном счете, повернуть на них контркурсом, уйти под воду и ждать.

Это не такая простая процедура, как кажется. Она требует вычисления относительных курсов, относительных скоростей и много времени, потому что разница в скоростях не велика. Но примерно к пяти тридцати, за полчаса до заката, мы были готовы к новому погружению. Мы оказывались прямо перед танкером и покалеченным грузовым судном, а они об этом не подозревали.

Однако при всем их пренебрежении к тому, где мы находились, у них не оставалось никаких шансов. В отчаянии они двигались зигзагами. Это были две цели, которые не хотели позволить субмарине спокойно ждать, пока они окажутся в

радиусе ее действия. Нам приходилось маневрировать с большей скоростью, чем та, которую «Уаху» когда-либо раньше развивала под водой, для того чтобы прийти в точку залпа.

Маш выбрал танкер, как неповрежденную цель. В шесть тридцать, когда было уже слишком темно для того, чтобы видеть что-либо в перископ, кроме капель воды, мы выпустили по нему три торпеды из носовых аппаратов с расстояния в одну милю.

Одна из них попала, и Маш сразу начал разворачиваться, чтобы направить кормовые аппараты на грузовое судно. Теперь у нас оставалось только три торпеды, все в кормовой части. Наши носовые аппараты уже никому не могли причинить вреда.

Капитан поврежденного грузового судна был все еще, как всегда, наготове. Прежде чем мы успели выйти на боевую позицию, он резко отвернул. На такой скорости мы никогда бы не сблизились с ним в темноте в подводном положении, поэтому Маш дал команду всплывать.

Танкер, к нашему удивлению, все еще двигался, притом за кормовой частью грузового судна. Если бы обе цели двинулись противоположными курсами, одной удалось бы скрыться, потому что ночь была темной, а луна должна была появиться только часа через три. Но, к великой радости Маша, они, словно приклеенные, следовали друг за другом.

Наша проблема теперь состояла в том, чтобы выбрать цель, подвсплыть, повернуться к ней кормой и выстрелить. Едва нас заметив, с грузового судна открыли огонь из палубных орудий, несмотря на то что им не было достаточно хорошо видно, нанесены ли нам какие-либо повреждения или нет.

Так что мы переключили внимание на танкер, чьи орудия молчали.

Проблема нанесения удара по зигзагообразно двигающемуся судну в лучшем случае трудна, но, если вам приходится стрелять из кормовых аппаратов, она становится почти абсурдной. В течение полутора часов мы разыграли все как по нотам, даже заход ему в тыл, маневр, который не удался, потому что, когда мы попытались на большой скорости двигаться в обратном направлении, руль был положен слишком резко и мы пошли по кругу. Маш не был обескуражен. Сосредоточенно всматриваясь в темноту, он решил, что уловил систему зигзага танкера.

Теперь танкер делал зигзаг по правому углу, и Маш держался прямо по его курсу. Танкер повернул на 90 градусов. Было очевидно, что в следующие несколько минут он пойдет назад зигзагом под углом 90 градусов влево, а мы пойдем параллельно и на расстоянии в милю. Мы немного снизили скорость лодки, взяли лево на борт и выстрелили в него из двух кормовых

аппаратов с дистанции 1850 ярдов.

Вторая торпеда попала ему прямо в середину кормы и расколола надвое. Танкер затонул почти мгновенно.

Теперь уже три судна были пущены на дно и одно оставалось на плаву подбитое грузовое судно, которое удирало от нас с раннего утра. Мы теперь уже двенадцать часов были в работе, а разрушение — очень тяжелая работа, и у нас оставались только две торпеды. Но еще до того, как танкер был подбит, Маш приказал изменить курс и двигаться за грузовым судном.

Изменение курса дало нам возможность оценить размеры большого танкера, пока он тонул. Он был громадным — длиной пятьсот футов.

Мы могли это точно определить по сфере, которую корпус танкера заполнил в окулярах бинокля, когда мы проходили на расстоянии в 1250 ярдов, как раз перед тем, как он ушел под воду.

В то время как Маш, стоя на мостике, безжалостно преследовал свою добычу, команда управления огнем в боевой рубке получала все больше и больше информации. Мы слишком долго находились на боевых позициях, чтобы поступать иначе. В спокойные минуты мы погружаемся, чтобы выпить кофе. Пока с мостика вниз выкрикивали пеленги, Роджер вносил небольшие коррективы в данные вычислительного устройства, но мы занимались немножко другим. Расчеты возлагались на механический мозг, встроенный в вычислительное устройство. Кормовые торпеды были готовы к залпу уже так давно, что никто в команде управления огнем не был уверен, находится ли кто-нибудь в кормовом торпедном отсеке. Нужные рубильники были включены, и в целом мы знали, что расстояние до поврежденного судна достаточно большое. Помимо этого, мы не хотели вмешиваться в дуэль, Маша с капитаном судна.

У нашего командира был достойный противник, побывавший во многих сражениях. Уходя от преследования, он вел огонь, и то, что снаряды ложились теперь рядом с нами в условиях темноты, не оставляло сомнений — действовал блестящий орудийный расчет. Маш с мостика изрыгал проклятия в темноту ночи, пока падали снаряды. Наконец один из них поразил нашу лодку.

Это сбивало с толку. У них был беспламенный порох, превосходивший тот, который в то время был у нас; первым признаком того, что они пристрелялись, было попадание снаряда почти по мостику. Мы услышали, как он срикошетил от боевой рубки и пролетел над головой Маша. Командир нырнул в люк в восхищении действиями команды грузового судна, и мы погрузились. То, что подбитое судно смогло устроить охоту на

подводную лодку, притом подлодку Маша, да еще среди безлунной ночи, стало еще одним свидетельством того, до какой степени отважным оно было.

В вооруженном столкновении нет места сантиментам. Геройски вел себя противник или нет, но он был врагом, и наша задача состояла в том, чтобы его потопить. В последующие годы мы, может быть, вспомнили бы этого капитана и пожелали, почти беспристрастно, чтобы ему удалось спастись. Но в эту ночь нашей задачей было выследить его и выждать, пока он совершит роковую ошибку. И наконец он ее совершил.

Это произошло из-за того, что неожиданное обещание подмоги сбило его с толку. Все это время он в отчаянии шел зигзагами по слишком переменчивой схеме для того, чтобы мы могли ее понять, когда вдруг луч прожектора пронзил темноту неба. Он пришел издалека, от самого горизонта, но даже с такого расстояния был мощным и ярким и осветил водное пространство с уверенностью верховного владыки. Эсминец, в этом не было никакого сомнения, шел на помощь. И при виде этого светлого луча надежды в небе капитан грузового корабля совершил первую за весь этот длинный день, но смертельную ошибку. Он прекратил зигзагообразные маневрирования и двинулся прямо навстречу прожектору.

Как бы быстро он ни поворачивал, Маш оказался проворнее. Увидев свет, он мгновенно направил «Уаху» прямо на него, надеясь на опрометчивость покалеченного судна. И в результате этих двух решений, принятых быстро и бесповоротно двумя людьми, не видевшими друг друга в темноте океана, гибель одного из них была предрешена.

"Уаху" выиграла гонку, оказавшись между светом прожектора и целью, затем отвернув от курса, направляя свои кормовые аппараты прямо на трассу, на которую должен выйти грузовой корабль. Через три минуты после того, как мы остановились, Маш дал команду выстрелить нашими последними торпедами.

Финал застал команду управления огнем врасплох. Боевая рубка была пуста, если не считать меня и Роджера, когда Маш выкрикнул команду: "Пли!" Мы удивленно переглянулись. Роджер вскочил, ударил по кнопке выстрела, произвел манипуляции рубильниками, выждал и вновь ударил по кнопке. К некоторому нашему удивлению, мы почувствовали, что лодка вздрогнула, и поняли, что вышли две торпеды.

Это был момент, которого я никогда не забуду. Мы слишком устали для того, чтобы обращать внимание на то, что произошло, дистанция была велика, и расчеты не слишком точны. Кроме того, нам и так все время везло в этот день. Пока мы ждали, я достал

пачку сигарет и предложил Роджеру. Он взял одну. Секунды шли одна за другой, и никакого звука не было слышно снаружи на воде. Я взял сигарету, достал спичку и зажег сигарету Роджера и свою. Затем я выпустил дым и заговорил с формальной серьезностью.

— Лейтенант Пейн, — сказал я, — если хотя бы одна из этих торпед попадет в цель, я поцелую вам руку.

Бу-ум!

Бу-ум!

На мостике, возбужденный своей окончательной победой над врагом, в которого нужно было попасть четыре раза, три раза выходя в атаку, Маш пропустил самую необычную церемонию, когда-либо разыгрывавшуюся в боевой рубке могучей «Уаху».

Глава 7
Здравствуй и прощай

Эскорт, чье опоздание повлекло за собой уничтожение покалеченного судна, шел к нам, вспенивая волны за горизонтом. Если бы даже одна торпеда оставалась на борту «Уаху», Маш, несомненно, "передернул бы затвор" и стал маневрировать для выстрела. Но теперь мы фактически были безвредны, без вооружения, если не считать палубных пушек и стрелкового оружия, и даже наш задира капитан был удовлетворен — по крайней мере, в то время нам так казалось. Мы оставались на месте достаточно долго для того, чтобы наблюдать, как прожектор эсминца обшаривает чистый горизонт, а потом Маш произнес магические слова:

— Давайте двигать на базу, парни.

У подводной лодки несколько скоростей. Есть ход вперед в одну треть полной скорости, ход вперед в две трети полной скорости, ход вперед со средней скоростью, ход вперед с полной скоростью и самый полный вперед. Но самой высокой из всех скоростей была все-таки еще одна — полная скорость, с которой идут в Пёрл-Харбор, — такую скорость мы взяли теперь. У нас было много топлива, но ни одной торпеды и некуда было идти, кроме как домой. Мы потопили миноносец, два грузовых судна, войсковой транспорт и танкер, даже не достигнув еще своей военной базы. Среди общего оживления, Маш направился в кают-компанию сочинять донесение, достойное такого случая.

Оно было шедевром.

"В течение десятичасового боя с применением орудий и торпед уничтожен целый конвой из трех грузовых судов, одного транспорта и одного танкера, израсходованы все торпеды".

Маш пустил его по кругу, и мы все были согласны, что выражение "бой с применением орудий и торпед" звучало особенно красиво. Он направил донесение вице-адмиралу К. А. Локвуду, главнокомандующему силами Тихоокеанского подводного флота, и адмирал Локвуд ответил памятным посланием. Как мне помнится, оно звучало так:

"Давай домой, Маш. Твои фотографии на фортепьяно".

В течение нескольких часов, которые были у меня до начала вахты в четыре утра, я спал сном ребенка после того, как безуспешно пытался бодрствовать достаточно долго для того, чтобы сочинить несколько собственных фраз с героическим пафосом для письма, которое напишу Энн.

А на следующее утро история повторилась. Опять Симонетти и я несли ходовую вахту на мостике, перекидываясь шутками относительно нашей способности сигнальщиков, и вновь заря наступила как гром среди ясного неба, и вновь клуб черного дыма появился на горизонте.

— На этот раз мы ничего не сможем с ним сделать, — сказал я Симонетти, — но я позову командира. Не помешает сообщить ему о том, что происходит.

Маш поднялся на мостик, и мы стали следить за дымом, меняющим направление, с тем чтобы, установив контакт с другими подлодками, находящимися в этом районе, передать им полезные сведения. На этот раз мачты трех кораблей появились из-за горизонта, прежде чем мы погрузились.

Мы поочередно смотрели в перископ, наблюдая, как суда прошествовали мимо. Это особое ощущение — видеть проходящий мимо конвой, особенно если он идет без охранения, и не иметь возможности ничего с этим поделать. Для всех остальных членов команды, в головах которых укрепилась мысль об обещанном возвращении в Пёрл-Харбор, сожаление военного характера сглаживалось утешением личного плана о том, что в нашем возвращении не будет задержки, но для Маша это было невыносимо. Его непоколебимая ненависть к врагу, ненависть, которая была тем более ужасной, что скрывалась под маской добродушия, не позволяла ему игнорировать такой вызов. Казалось, конвой насмехается над ним, провоцируя на какие-либо действия. И пока Маш смотрел в перископ, в мозгу Мортона созрел план.

— Слушайте, парни, — сказал он мягко. — Видите этот маленький танкер за кормой?

Он подождал, пока все мы смотрели.

— Вы заметили, что у него нет палубного орудия?

Он был прав. Этот корабль единственный из трех не имел вооружения.

— Выглядит так, будто уступает в скорости остальным, верно?

И опять, как маленькие мальчики, повторяющие свою роль в какой-то странной литании, мы согласились.

Маш вдруг оживился:

— Ладно, вот что мы сделаем. Дадим им пройти, а затем всплывем позади танкера. Это чертовски напугает их всех, и они начнут удирать, оставив позади этот маленький танкер. Тогда мы пойдем вдоль его борта и потопим нашей палубной артиллерией.

Все мы проголосовали против этой идеи, даже Дик. Но Маша невозможно было отговорить. План был принят.

Мы подождали, когда пройдут корабли, затем всплыли и угрожающе двинулись за ними, и действительно, клубы дыма стали вдвое больше, искры посыпались из труб, и все суда рванули на полной скорости в направлении дождевого шквала на горизонте. Мы пустились в погоню не на максимальной скорости, потому что хотели оставаться вне досягаемости их пушек до тех пор, пока маленький танкер не отстанет. Точно по сценарию танкер отставал все больше и больше до тех пор, пока не оказался за пределами досягаемости орудий других судов.

— Занять места у палубных орудий! — победно прогремел голос Маша. Полный вперед!

Два других судна исчезали в дождевом шквале. На палубе «Уаху» вдруг закипела бурная деятельность. И тогда, когда этого никто не ожидал, смутный силуэт появился из-за пелены дождевого шквала. Это был эскадренный миноносец, и шел он прямо на нас. Все мы, за исключением Маша, были согласны с тем, что это миноносец. Он не хотел этого признать. Настаивал на том, что это «чидори», мини-миноносец, известный тем, что не обладал скоростью, которую мы могли бы принимать во внимание.

Если Маш не ошибался, то миноносцу было за нами не угнаться. Мы могли бы даже сделать круг и все равно настигнуть танкер. «Уаху» повернула и помчалась так быстро, как могла.

От эсминца мы, конечно, вряд ли смогли бы удрать. Он устроил бы на нас охоту и забросал глубинными бомбами. Будучи большим пессимистом, чем наш командир, я спокойно спустился вниз в центральный пост, где понадобился бы для выполнения своих обязанностей как офицер погружения, когда прозвучит тревога.

На мостике есть микрофон, и все, что говорится там, слышно в центральном посту. Незабываемое впечатление — стоять и слушать, как Маш меняет свое мнение. Наш радар был неисправен, а вражеский корабль шел прямо на нас, при этом никто точно не знал, на каком он был расстоянии. Поначалу Маш был совершенно уверен в себе.

— Ну мы уходим от него, мы уходим! — твердил он. — Этот нас не настигнет!

Затем последовала пауза, и мы услышали голос Хэнка Хендерсона, палубного офицера:

— Капитан, мне кажется, что он приближается.

Лишь тень сомнения слышалась в голосе капитана, когда он ответил:

— Черт побери, Хэнк, мы идем быстрее его. Это всего лишь старый корвет на паровой тяге.

Мы шли на максимальной скорости. В чрезвычайных обстоятельствах двигатели подлодки способны к короткому неимоверному выбросу мощности. Гидродинамический лаг — индикатор, показывавший скорость, с которой мы двигались, — остановился на отметке около восемнадцати с половиной узлов, что было хорошей скоростью для субмарины, так долго находившейся в море, как было с нами. Все же я снял телефонную трубку, опять позвонил в дизельный отсек и поговорил с помощником главного электромеханика.

— Джессер, — сказал я, — мы поддерживаем максимально возможную мощность?

Судя по тону, вопрос его несколько задел.

— Да, сэр. Думаю, вы могли бы нами гордиться. Мы тут выдаем сто процентов мощности.

— Ладно, вам нужно чертовски постараться, потому что в двух милях за кормой японский эсминец.

Звякнул телефон, и я повернулся к гидродинамическому лагу. Он поднялся до отметки двадцать один узел — рекорд, который, наверное, все еще не побит.

Тем временем на мостике Маш не прекращал свои комментарии.

— Не достанет, — продолжал твердить он. — Мы идем быстрее его.

Последовало хмыканье Хэнка, потом снова возникла пауза, и тут Маш воскликнул:

— Смотрите! Он уходит!

В действительности, как мы потом узнали от Хэнка, миноносец сократил дистанцию между нами до вполне удобной для него и поворачивал для того, чтобы задействовать сразу всю свою артиллерию. Первым признаком было то, что Маш вдруг резко оборвал свои заклинания.

— Эй! — воскликнул он, причем его голос взял самую высокую октаву. — Он по нас стреляет!

Через секунду мы услышали всплеск от падающих в воду снарядов и вой одного из них, пролетевшего прямо над мостиком. Вновь прозвучал голос Маша.

— Где же сигнал тревоги к погружению? — кричал он. — Где этот чертов сигнал тревоги?

Как командир, он, конечно, не стоял вахты и понятия не имел о том, где находится кнопка тревожного сигнала к погружению. Я крикнул ему через люк наверх:

— Спускайтесь, командир! — и открыл клапаны.

Пока он соскакивал вниз по трапу, мы пошли на погружение.

Эсминец (даже Маш согласился признать, что это был именно

он) подошел и угостил нас глубинными бомбами, от которых были страшный грохот и неприятные ощущения, но никаких повреждений. Наверное, погоня заставила его так далеко оторваться от эскортируемых судов, что он решил поспешить обратно. Во всяком случае, мы оторвались от него довольно безболезненно, и через пару часов присмиревшая «Уаху» всплыла и проследовала в Пёрл-Харбор.

Маш отдавал себе отчет в нелепости ситуации, свидетелем которой он был. В ту ночь он направил второе донесение адмиралу Локвуду:

"Еще один текущий бой с применением артиллерии произошел сегодня. Миноносец обстреливал, «Уаху» удирала".

У нас была только одна вероятность попасть в переделку, прежде чем мы достигнем Пёрл-Харбора, и Маш сделал все, чтобы извлечь из этого пользу.

На следующий день мы в перископ осмотрели Фэйс-Айленд, вражеский аванпост, где располагалось несколько фосфатных заводов и пакгауз, и наш командир решил посмотреть, что с этим можно сделать. Он мог лишь подтвердить информацию об острове, указанную на наших картах, но не более того. Мы погрузились и подошли очень близко к берегу, где Дик заметил прекрасную цель, стоящую на якоре, но даже Машу не приходило в голову всплыть и обстрелять ее. Кроме того, у этой мишени было палубное орудие.

Расстроенный Маш решил оставаться поблизости до наступления ночи, а когда стемнеет, обстрелять фосфатные заводы из наших верных четырехдюймовых пушек через самый центр острова со стороны, отдаленной от города. Но осуществиться этому плану помешало появление парохода внутренних линий, имевшего на вооружении орудие. Он пришел в выбранный нами стратегический район и остался там. В конце концов мы убедили Маша, что «Уаху» выполнила свой долг и лучшим планом теперь было возвратиться и взять на борт несколько торпед.

Маш объявил о конце похода, и мы направились в Пёрл с самой большой скоростью, которую только был способен выжать из «Уаху» экипаж, стремящийся на отдых.

В последние три дня, которые мы находились в море, Маш назначил меня штурманом, что было обычным делом, дабы приобрести опыт, хотя и прежде я этим немало занимался. И сразу мы попали в шторм, который продолжался в течение всего пути до Пёрла. В довершение всего, высокая скорость нашего хода достигалась тем, что двигатели пожирали неимоверное количество топлива, а Маш отказывался сбавить ход, чтобы его

экономить. Мне, озабоченному в качестве штурмана тем, где мы находился, и обеспокоенному в качестве инженера, хватит ли у нас топлива на всю дорогу, было совсем не до того, чтобы наслаждаться путешествием. В Пёрл нас должен был проводить эскорт после нападения Японии, развязавшей войну, поступили инструкции сначала открывать огонь по подлодке без эскорта, а вопросы задавать уже потом самыми долгими часами моей жизни были те, что я провел вблизи острова Оаху в ожидании этого рандеву. До тех пор, пока в виду не появился наш эскорт, я не мог избавиться от неотвязного страха, что ошибся в своих штурманских расчетах и мы могли находиться в нескольких сотнях миль от того места, где нам следовало быть.

Мы вызвали настоящий ажиотаж, когда в начале февраля входили в док Пёрл-Харбора с метлой, привязанной к перископу в знак того, что начисто вымели море, притом что у нас осталось не более двухсот галлонов топлива. У военных корреспондентов был знаменательный день. Были длинные сообщения о третьем патрулировании «Уаху» и рассказы о ее колоритном капитане. Фото Маша появилось в "Мач оф тайм". А в Лос-Анджелес в день, когда был напечатан рассказ о нем, репортер «Тайме» отправился взять интервью у жены Маша, которая оставалась там с двумя детьми. Эта сенсация стала для нее сюрпризом. Маш говорил с ней по телефону за день до этого, но сообщил только, что «Уаху» проявила себя лучше, чем он ожидал.

Мы, все остальные члены экипажа, пару дней купались в перепавшей нам от него славе, а затем угомонились и отправились провести отпуск на Гавайях. Лишь один вопрос беспокоил нас. Пошел слух, что у нас возьмут одного из офицеров. Новые субмарины должны были одна за другой сходить со стапелей в Соединенных Штатах, а для них требовались экипажи и опытные офицеры. Возможность того, что наша прекрасно спаянная команда может распасться, была одной из тем, которую мы обсуждали со смешанным чувством, потому что ни один из нас не хотел, чтобы кто-то из команды ушел, но каждый из нас пожелал бы распрощаться даже с «Уаху» в обмен на несколько месяцев пребывания в Штатах, в то время когда нас откомандируют испытывать новую лодку.

Я казался наиболее вероятным кандидатом на перевод. Мое звание давало мне право на второе место в должностной иерархии на новой подлодке, в то время как Дик О'Кейн не вполне соответствовал должности, на которой мог рассчитывать на единоличное командование, и было маловероятно, что его отзовут с «Уаху». Я написал Энн, что вскоре появится благоприятная для меня возможность ее повидать.

Затем новость как гром среди ясного неба… На третий день нашего отдыха на Гавайях я лежал еще в постели, когда в мою комнату вошел Маш. Благожелательное выражение его лица не предвещало ничего хорошего, когда он протянул мне мое предписание: "По освобождении от обязанностей на борту военного корабля США «Уаху» направляется в ведение командира военного корабля США «Поллак» в качестве старшего помощника".

Я взвыл. Даже в предвоенные дни в Пёрл-Харборе, когда я был на борту «Скипджек», "Поллак" считалась далеко не новейшего типа субмариной. Построенная в 1930-х годах, она конечно же уступала «Уаху». И что хуже всего, она находилась прямо тут, в Пёрл-Харборе!

Короче говоря, вместо того чтобы ехать домой на строительство новой лодки, я должен был занять место офицера, отправлявшегося домой с этой миссией. Вместо того чтобы перейти на новую лодку, я буду ходить на старой. Это было повышение, но оно того не стоило.

Маш усмехнулся:

— Ничего, Джордж, с тобой на борту она подожжет весь Тихий океан.

— Да, но кто будет оберегать тебя и Дика от неприятностей?

Он взялся подбодрить меня, применяя тот же полунельсон, который навсегда согнул мою шею на время второго патрулирования.

— Не беспокойся, — бормотал он, когда мы боролись. — Роджер почти такой же большой трус, как и ты. Он позаботится о нас.

Ни одному из нас в голову не пришло, что в его словах было трагическое пророчество, потому что наступит время, когда и Роджер покинет «Уаху».

* * *

Мой близкий друг и однокашник Гэс Вейнел был тем офицером, которого откомандировали с «Поллак» на строительство новой лодки и место старшего помощника которого я должен был занять. Я поехал в Пёрл на следующий день, чтобы поздравить его и взглянуть на свой новый дом. Было одно светлое пятно в общей картине: моим командиром будет Роби Палмер, старый друг довоенных дней, отчасти благодаря которому я принял решение перейти на подводные лодки. Он присутствовал на нашем втором, официальном бракосочетании в

Перле в 1938 году. Если я не увижу Энн, то по крайней мере смогу поговорить о ней во время следующего выхода в море с человеком, который ее знает.

Было почти удовольствием видеть радостный взгляд на лице Гэса Вейнела, когда я нашел его у носовой батареи. Он совершил на «Поллак» четыре боевых похода и, конечно, больше меня заслуживал поездки домой. Он не стал тратить время на праздный разговор:

— Добро пожаловать на борт! Когда ты меня сменишь?

— Ну, мы можем сделать инвентаризацию оборудования завтра, — сказал я, — секретных документов послезавтра и посовещаемся на третий день. Может быть, уложимся дня в четыре…

Мне пришлось остановиться, прежде чем он меня ударит. Распорядок мирного времени — одно дело, а отпуск в военное время — другое. Поэтому он сунул мне под нос кипу бумаг, и я вздохнул. Один из документов объявлял, что Вейнел и я провели инвентаризацию оборудования стоимостью примерно в двадцать тысяч долларов, что передающий за него отчитался и отныне я несу за него ответственность. Еще один документ удостоверял, что Гэс, я и офицер связи, которого я даже еще и не видел, провели инвентаризацию конфиденциальной документации. Третьим, датированным тремя днями позднее, был доклад капитану, заявляющий, что я официально сменяю Гэса на должности старшего помощника на «Поллак». В течение нескольких минут мы поздравили друг друга, Гэс обменялся рукопожатиями с офицерами и матросами «Поллак» и направился к трапу. Под мышкой он держал коробку с секстантом, который ему был вручен в военно-морской академии в качестве награды за первое место в мастерстве навигации.

С тех пор я его больше не видел. Новая подлодка «Сиско», назначению на которую я ему так сильно завидовал, пропала без вести во время своего первого патрулирования.

* * *

Я не считался официально назначенным на «Поллак» до дня доклада капитану 3-го ранга Палмеру. Было время для отдыха. Я написал письмо Энн с неутешительными известиями и решил немного развеяться. Война внесла разительные перемены в привычки общества в Гонолулу. Улицы пустели к десяти часам вечера, если вы задерживались после этого часа, то вынуждены были провести ночь там, где остались. Повсеместное полное

отключение электричества стало помехой для шумных вечеринок, которыми славился довоенный Гонолулу. Как-то вечером я отправился на Вайкики на вечеринку, которую устраивала одна супружеская пара, известная в прежние дни гульбой, продолжавшейся всю ночь. Нынешней было далеко до прежних. У нас были жаренные на углях на заднем дворе бифштексы, которые готовились до наступления темноты, затем мы сидели кружком при лунном свете и вели беседы. К девяти вечеринка закончилась.

Единственное, что не претерпело изменений, так это охота на крупную рыбу гарпуном. Я пристрастился к ней в те дни, когда служил на «Скипджек», вставшей на стоянку в Пёрл-Харборе, хотя в то время она называлась подводной охотой. Честер Нимиц-младший, мой товарищ по академии и сменщик на «Стерджен», и я купили нехитрое японское оборудование и познакомились с этим спортом. В первое воскресенье после того, как «Уаху» вернулась в порт, я уговорил Роджера Пейна пойти со мной попробовать немного поохотиться с гарпуном. Мы позаимствовали джип на базе подплава и отправились на скалистый берег на Вайанае, на западном побережье острова.

Мы загарпунили кое-какую рыбу, и в этой мирной обстановке, не видя и не ощущая войны, я испытал самый сильный страх в своей жизни. Мы оба находились примерно в пятидесяти ярдах от берега, лениво ныряя и появляясь на поверхности кристально чистой воды, когда я глянул через плечо и увидел гигантскую акулу. Она была совершенно неподвижна и посмотрела на меня самым холодным взглядом, какой только мне когда-либо приходилось видеть. Роджер ее не замечал.

Я вспомнил, что читал в автобиографии д-ра Виктора Хайзера, как ему однажды удалось удрать от акул, отодвигаясь от них очень, очень медленно. Какая за этим стояла философия, я не помню, но отчаянно ухватился за эту технику. Осторожно и как бы невзначай начал дюйм за дюймом подвигаться к берегу, боясь закричать "Акула!", чтобы Роджер не взбаламутил воду и не погубил нас обоих. У меня не было основания ожидать, что он читал ту же книгу, что и я.

После муки, длившейся бесконечно долго, я благополучно ушел на безопасное расстояние, ускорил движение и, наконец, вскарабкался на скалы. Роджер все еще был в том месте, где находилась акула. Я позвал его в высшей степени безразлично:

— Послушай, Роджер, можешь подойти сюда на минутку?

Но что-то в моем голосе меня выдало. Роджер примчался с ревом скутера, — ни одна акула в мире не догнала бы его — и выскочил из воды с лицом белым, как лист бумаги. Он был

сильно возбужден, когда я объяснил ему свой тщательно обдуманный план действий, и настаивал на том, что на самом деле оставил его в качестве приманки. Он даже обвинил меня в том, что, когда это происходило, он так отчаянно загребал воду, прокладывая себе путь к берегу, что его шикарное кольцо соскочило с пальца. Мы обсуждали целесообразность предоставить акуле достаточно времени, чтобы уплыть, и вернуться назад поискать кольцо, но к тому времени мы уже не доверяли друг другу, не говоря об акуле.

Мы вернулись на базу около восьми вечера и нашли там командира, рычавшего в бешенстве из-за того, что его джип забрали на целый день. Он уже забыл, что дал его нам напрокат. Когда мы ему об этом напомнили, он казался настолько успокоившимся, что мы позаимствовали машину вновь, чтобы опять поехать на Гавайи на ночь, обещая вернуть ее к утру. На базу мы вернулись не ранее десяти следующего утра. Нам повезло, как я писал Энн, что в тот момент считалось, что моряки с «Уаху» не могут сделать ничего предосудительного.

Я уныло подумал об этой славе, которая теперь не касалась меня, когда вернулся на следующий день на «Уаху», чтобы бросить на нее прощальный взгляд и забрать свое имущество. Среди призов, которые я унес с собой, был один, которому каждый на лодке завидовал: самодельная карта гавани Вевак, нарисованная с таким отчаянным старанием в первые дни третьего патрулирования. Большие споры по вопросу о том, кто должен хранить карту, разгорелись несколько дней назад, до того, как мы вернулись в Пёрл, и Маш, который никогда не выпячивал свое звание в таких делах, предложил, чтобы спор решили бесстрастные карты, а призом будет карта гавани. Мне повезло.

* * *

Мне довелось еще раз увидеть Маша Мортона, когда в апреле «Поллак» вошла в бухту на Мидуэе и пришвартовалась через док от «Уаху».

Мы попали в неблагоприятные погодные условия, из-за которых откладывалось наше отбытие, и мои прежние товарищи по «Уаху», зная, что я был штурманом, с радостью прочитали распоряжение об отсрочке. Когда мы пришвартовались, Маш и Дик стояли на причале, глядя на меня.

— Что случилось, Джордж? — с невинным видом спросил меня Маш. — Забыл о демаркационной линии времени?

— Ой, капитан, — объяснил Дик достаточно громко для того, чтобы его слышал каждый на борту "Поллак", — он просто опять заблудился.

"Уаху" только что вернулась из тяжелого боевого патрулирования в Желтом море, во время которого потопила девять вражеских судов. Глаза Маша все еще горели после победы над врагом, а Дик был еще более, чем прежде, уравновешенным и уверенным в себе. И у офицеров с «Уаху» было что рассказать даже видавшим виды подводникам, где бы они ни оказались в Тихом океане. Я услышал их истории в клубе в тот вечер.

В свой последний поход они взяли на борт еще одного стажера, командира очень высокого звания даже для самого Маша, и у того тут же возникли серьезные поправки касательно методов, которыми на «Уаху» осуществлялось боевое патрулирование. У него появились возражения по поводу того, что называлось отсутствием планирования, слабым взаимодействием и нехваткой дисциплины в боевой рубке во время атаки. Обо всем этом, несмотря на необыкновенные рекорды, которые Маш ставил в походе, стажер доложил командиру дивизиона в тот момент, когда «Уаху» прибыла на Мидуэй.

Как бы то ни было, стажера переводили с «Уаху», но, когда Дик и другие узнали о донесении, они решили ускорить его отъезд. Дик, как об этом рассказывали, потихоньку пробрался на борт, собрал вещи этого офицера и выставил на причал, а когда отъезжающий стажер прибыл, чтобы упаковать вещи, он обнаружил, что отданы распоряжения не допускать его на борт. Точно ли так все происходило или нет, я не знаю до сего дня, но, во всяком случае, офицеры «Уаху» одну за другой рассказывали веселые истории в тот вечер в баре о том, что им пришлось пережить в компании с этим человеком во время патрулирования. Изменения, которые произошли в команде благодаря Машу, были поразительны. Никогда не было более способного и более компетентного командира, управлявшего подлодкой. Стороннему наблюдателю могло показаться, что обстановка в боевой рубке «Уаху» слишком вольготная, но доказательством того, что командование лодкой на высоте, были достигнутые результаты. Более того, если стажер замечал, что не принимается никакого решения в ходе патрулирования, он, вероятно, был ошарашен быстрыми и решительными действиями, совершаемыми у Мидуэя, в то время как честь боевой рубки была им запятнана.

Это грандиозное патрулирование побило боевой рекорд по числу потопленных судов. Маш вошел в морской коридор между Китаем и Кореей, а возвращался опять только после того, как

были израсходованы все торпеды. Когда мы пришли на Мидуэй, я даже увидел знакомую метлу, привязанную к перископу его лодки.

По мере того как разворачивались события, «Уаху» как раз завершила свое самое успешное патрулирование. Она становилась легендой, но окрашенной в трагические тона. Перед самым концом года стечение обстоятельств, которое сложилось благодаря самой натуре отличающегося необычайной храбростью командира, толкнуло ее навстречу гибели при всей беспощадности греческой трагедии.

После того как я увидел ее в последний раз у Мидуэя, «Уаху» ушла в новый поход, потопила три судна и получила приказ вернуться в судоремонтный завод в Мэри-Айленд для восстановительного ремонта. Пока она там находилась, Дик О'Кейн получил под свое командование новую субмарину «Тэнг». Это, конечно, было большой потерей для Маша, но Роджер Пейн готов был занять пост старшего помощника, и «Уаху» добилась бы еще более выдающихся результатов, если бы на нее не обрушились два новых удара.

В ночь перед тем, как она вышла из Пёрла в первое патрулирование после ремонта, у Роджера случился приступ аппендицита. Его отправили в госпиталь, а на его место поставили способного офицера, который имел представление о Маше по его внушающей трепет репутации, не будучи с ним близко знаком. Я всегда чувствовал, что это может сыграть свою роковую роль. Потому что теперь фактически все старые соратники Маша по боевой рубке ушли, их сменили люди, которые, естественно, считали своего великого и известного командира непогрешимым. Я полагаю, что в предыдущие патрулирования Маш подсознательно опирался на своих офицеров, которые подсказывали ему, что делать в экстремальной ситуации, а с потерей Роджера этот фактор безопасности исчез. Теперь это был человек, героизм которого сверкал так ярко, что временами он не мог отличить просчитанный риск от безрассудного шага наудачу.

Очередное, шестое для «Уаху» патрулирование привело бы и менее непостоянного человека, чем Маш Мортон, к ужасной неосмотрительности. На этот раз в компании с «Планджер» "Уаху" рискнула выйти в само Японское море, но безуспешно. Совершив опасные проход через Курилы и узкий пролив Лаперуза, Маш выследил и атаковал девять японских кораблей в течение четырех дней без единого удачного выстрела. Вся отчаянная затея провалилась, потому что «Уаху» была загружена неисправными торпедами. Десять раз Маш отдавал приказ произвести выстрел, и

каждый раз торпеды, само обнаружение следа от которых в этих бдительно охраняемых водах могло стоить жизни каждому человеку на борту, подводили. Они отклонялись, шли не туда, куда нужно, или ударялись в корпус цели как безжизненные металлические болванки. После того как была выпущена десятая торпеда, Маш направил донесение с жалобой в командование Тихоокеанского подводного флота, которое тут же распорядилось следовать обратно в Пёрл с оставшимися бесполезными торпедами на борту.

Но даже в этот раз Маш не вернулся без трофеев. «Уаху» потопила четыре сампана на обратном пути из Японского моря и захватила с собой шесть японских рыбаков для допроса. Но в Пёрл, чтобы избавиться от неисправного вооружения, он прибыл уже с мрачным выражением лица и добавил к своему докладу настоятельную просьбу о том, чтобы ему разрешили незамедлительно вернуться в тот же самый район патрулирования с новым грузом торпед.

Вот так и получилось, что «Уаху» отправилась в свой седьмой боевой поход в такую опасную акваторию, от которой в скором времени отказались в качестве района патрулирования, с командиром настолько разъяренным, что он был готов воспользоваться любой возможностью для того, чтобы возвратить себе рекорд, ставший гордостью его подводной лодки, и с командой управления огнем, которая не знала его достаточно хорошо для того, чтобы попытаться контролировать его действия.

В скором времени сделали остановку в Мидуэе для заправки топливом. Там видели в последний раз «Уаху» и ее экипаж. Что случилось до того, как она пошла ко дну, остается тайной по сей день. Изучение японской документации после войны указывало на то, что Маш, вероятно, потопил четыре японских судна в это последнее патрулирование. Но где-то в проливе Лаперуза, где японцы атаковали неопознанную субмарину в октябре 1943 года, следы «Уаху» теряются. Она была могучим воином, под командованием самого храброго человека, какого мне когда-либо довелось узнать.

* * *

Дик О'Кейн ушел с «Уаху», чтобы вписать собственную замечательную главу в эпопею боевых действий подводных лодок. Человек, который был прекрасным старшим помощником у Маша Мортона, стал прекрасным командиром лодки «Тэнг».

"Тэнг" совершала боевые операции менее года и также стала

легендой на Тихом океане. Она потопила больше вражеских судов, чем любая другая субмарина, за исключением «Таутог», и была на четвертом месте по тоннажу потопленных судов. Только за время одного третьего патрулирования на боевом счету «Тэнг» оказалось в общей сложности десять судов общим тоннажем более тридцати девяти тысяч тонн — столько судов за один боевой поход не пускала ко дну ни одна подводная лодка Соединенных Штатов. Дик в этом достижении отобрал лавры у своего бывшего командира. В апреле 1944 года он установил еще один рекорд, который оставался непобиваемым более года. Он спас двадцать два летчика в ходе операции спасения во время боев за острова Трук. Шесть месяцев спустя, в разгар боевого патрулирования в Восточно-Китайском море, жертвами которого уже стали семь вражеских судов, О'Кейн на «Тэнг» был вовлечен в трагедию, о которой подводники будут говорить на протяжении поколений, — случай с субмариной, потопившей саму себя.

Торпеда, выпущенная по транспорту, уже покалеченному меткими торпедистами «Тэнг», вдруг отклонилась влево, сделала разворот на 180 градусов и пошла назад, чтобы нанести удар в корму субмарине всего через двадцать секунд после того, как ее выстрелили. Дика и еще восьмерых моряков, стоявших в этот момент на мостике, выбросило за борт, а подлодка затонула на глубине сто восемьдесят футов. На затонувшей лодке оставшиеся в живых моряки перешли в носовой отсек и собрались у аварийного люка, когда сверху японский военный корабль сбросил на них глубинную бомбу. Даже при этом тринадцать членов экипажа в конце концов покинули носовой отсек. Восьмерым удалось подняться на поверхность живыми, пятеро смогли продержаться на воде до утра. Их вместе с Диком и тремя другими оставшимся в живых моряками с мостика подобрал японский миноносец охранения. Остаток войны они провели в японских лагерях для военнопленных. Дик О'Кейн, вернувшись домой после войны, получил медаль конгресса "За боевые заслуги". Его великая подлодка, которая всего примерно за девять месяцев боевых операций потопила двадцать четыре вражеских судна, общим водоизмещением более девяноста тысяч тонн, и была одной из подводных лодок, дважды отмеченных благодарностью в приказе президента США за ратный труд.

Глава 8
Старая леди

Я покинул «Уаху» глубоко опечаленный. Под руководством прославленного Маша Мортона она превратилась в грозную боевую машину. Моральный дух ее экипажа был на абсолютной высоте, и, кто бы ни уходил с нее в те дни, по какой бы то ни было причине, делал это с неохотой. Для людей, которые на нем служат, боевой корабль становится чем-то большим, нежели просто место, где живешь и работаешь. Лодка обладает собственной индивидуальностью, и особенно в военное время у ее моряков складывается определенное к ней отношение, которое в гораздо большей степени основано на эмоциях, чем на логике. Для тех из нас, кто совершил три патрулирования на «Уаху», лодка стала отчасти боевым товарищем, отчасти славной амазонкой, отчасти дамой легкого поведения с крепким телом, уверенной в себе шальной девкой с налетом грубости и с огромными притязаниями на наши эмоции.

"Поллак" была иной. Намного старше и более утонченной. У нее были болезни, из-за которых ее давно следовало бы вывести из боевого состава, но она не была ни запущенной, ни затхлой. С неким обманчивым налетом небрежной претенциозности — обманчивым лишь в том, что, когда она была призвана действовать, всегда была готова попытаться сделать несколько больше, чем позволяла ее хрупкая конструкция. И она была столь необычной в своем коварном нраве, внешне как будто кротком поведении, что производило впечатление гораздо более глубокого характера, чем у самых дерзких молодых субмарин. Придя на нее уставшим от напряжения трех боевых походов и раздосадованным тем, что не был отпущен домой на строительство новой лодки, я скоро нашел в ней одну из наиболее запечатлевающихся в памяти "старых леди", каких когда-либо знал.

Она была на пути в Пёрл из Сан-Франциско, когда началась война. Через неделю после нападения японцев она в числе трех американских подлодок, вышедших на боевое патрулирование из Пёрл-Харбора, под командованием капитан-лейтенанта С.П. Моузли шла в район Токийского залива. Первое японское торговое судно из потопленных силами Тихоокеанского подводного флота пустила ко дну именно «Поллак».

И как и подобает первопроходцу, у ее офицеров были особые и довольно примечательные мероприятия на берегу. Я узнал о них после своего первого дня на борту лодки. Когда часы пробили

четыре, я обратил внимание на общее движение, готовящихся к чему-то вне служебных обязанностей офицеров.

— Давай, Джордж, — сказал Роби Палмер. — Пойдем в «Хейл-Уохайн».

— Что это? — спросил я, прекрасно зная, что "хейл уохайн" на местном языке означает "дом девушек".

Роби только усмехнулся мне.

— Увидишь, — пообещал он, и мы все втиснулись в джип, приписанный к «Поллак», и повернули к Маноа-Вэлли на Армстронг-стрит и ехали, пока не достигли большого двухэтажного дома, имевшего уютный домашний вид.

— Это здесь, — сказал Роби. Другие офицеры повыскакивали из машины, а Роби положил руку на мое колено. — Может быть, я лучше сначала объясню, сказал он.

И я был ознакомлен с одним из самых необычных и чудесных непременных атрибутов войны.

В «Хейл-Уохайн» проживало семейство из шести или семи американских девушек, оставшихся в живых после отправки морем на материк большей части гражданского персонала в Гонолулу. Большинство из них работали на военно-морские силы и армию. Все они были из хороших семей, и у них имелись в Гонолулу друзья, которые их поддерживали. Для удобства они жили вместе с одной прислугой и по очереди занимались домашним хозяйством. В начале войны какой-то дальновидный офицер с «Поллак» терпеливо и благопристойно водил дружбу с этими молодыми женщинами и так преуспел, что их дом стал открытым для офицеров с «Поллак», когда бы они ни появлялись в порту.

Это была связь, которая опиралась на строгое выполнение норм поведения и морали. Все отдавали себе отчет в том, что один шаг за эту грань опорочит все предприятие, и ни один офицер «Поллак» не осмелился бы навлечь на себя гнев товарищей, лишив их этого оазиса красоты и благопристойности среди пустыни войны.

Роби объяснил мне все это, а затем представил Труди Крафт, Соррел Вайнрайт и другим как нового старшего помощника на «Поллак». Там мы отобедали, посидели часок-другой, беседуя, играя в карты и планируя устроить пикник. К тому времени, как мы собрались уходить, мне казалось, что я знаю этих девушек всю жизнь.

Прошло три недели, прежде чем «Поллак» была готова вновь выйти в море, и за это время «Хейл-Уохайн» стал для меня почти таким же домом, разве что без Энн и Билли. Трудно объяснить, насколько освежающим и дающим отдохновение было это

изысканное общество для того, кто привык месяцами находиться в компании таких же, как он, грубых, плохо пахнущих людей. Мы устраивали танцы и обеды в «Хейле» и пикники на Гавайях. Все, что могли сделать, чтобы скрасить жизнь компании одиноких моряков, они делали, и всегда в рамках приличия. Комендантский час начинался в девять, и обычно мы уходили к этому времени, хотя случалось так, что возвращались на Гавайи позже и очень боялись, что нас задержит патруль, так как сомневались, поверит ли какой-нибудь военный патруль в мире в невинный характер нашего вечернего времяпрепровождения. На втором этаже «Хейл-Уохайн» располагалась общая спальня, и вход нам туда был воспрещен, но в нашем распоряжении был первый этаж — кухня, столовая, большая гостиная. Мы, офицеры, много кулинарничали. Вот когда я впервые открыл в себе большие способности к поварскому искусству, талант, который в основном основывался на использовании всех приправ, что я находил на полках, в блюдах, которые готовил.

На протяжении всех трех недель до того, как «Поллак» была готова к боевым действиям, у меня никогда не возникало чувства неверия в нашу счастливую фортуну. Я был так же поражен, как если бы сказал: "Сезам, откройся!" — и передо мной открылась бы пещера, полная драгоценностей.

* * *

В качестве старшего помощника на «Поллак» я должен был стать ее штурманом, и эта перспектива меня беспокоила. Гэс Вейнел, место которого становилось моим, был офицером, чье мастерство штурмана было известно каждому в нашем классе военно-морской академии, в то время как мои собственные подзабытые штурманские навыки оставляли желать лучшего, о чем мне напомнила их проверка на практике во время возвращения на «Уаху» домой.

Но, несмотря на свою хрупкость, «Поллак» оказалась лодкой, которой удобно управлять, и, когда в начале марта 1943 года после трехдневного тренировочного периода мы отбыли из Пёрла, я уже предвкушал, что патрулирование будет своего рода прогулкой на отдыхе. Мы с капитаном Роби Палмером были старыми и близкими друзьями, и я знал его как дружелюбного человека и прекрасного командира. Инструкции предписывали нам сначала проследовать на Мейкин-Айленд, атолл на северной оконечности островов Гилберта — район, который в то время не был таким уж опасным. Я надеялся, что по окончании этого

патрулирования мне будет предписано вернуться домой. А экипаж, как офицеры, так и матросы, большей частью были ветеранами «Поллак» и служили на лодке еще с довоенного времени, и опыт долгой службы приучил их к непринужденному отношению к тому, как она себя вела. В ее возрасте и при ее немощи она, конечно, не могла стать грозой морей. Когда разразился кризис, она выложилась полностью и даже сверх того, но жизнь продолжается, и почему бы не сделать ее как можно более приятной?

И жизнь на «Поллак» была приятной. Экипаж мог похвастаться изысканными развлечениями, которых не было на других субмаринах. Например, моряки на «Поллак» играли в шахматы, большинство, независимо от ранга или звания, играло по-настоящему хорошо. Во время своего последнего патрулирования они провели турнир, кульминацией которого стал поединок в финале между блистательным Гэсом Вейнелом и негром — помощником стюарда. Гэс проиграл.

Раньше я иногда играл в шахматы, но по сравнению с большинством этих людей выглядел новичком. И, кроме того, у них были непривычные и чудесные произвольные трактовки учебника правил игры в шахматы, который мне пришлось изучить, чтобы постоять за себя. Принципы игры в шахматы на «Поллак» заключались не только в том, чтобы перехитрить противника, но также чтобы сломить его. Если, сделав ход, вы понимали, что он был ошибочным, и могли переходить до того, как противник вас остановит, — все нормально.

Мне довольно долго пришлось привыкать к виду игрока, обегающего стол кают-компании, хватающего руки своего соперника и прижимающего их, пока сам он делал собственный ход при помощи зубов.

Итак, мы погрузились в настолько беззаботное настроение, насколько это было возможно на подводной лодке, направляющейся в неприятельские воды, а я приступил к посвящению себя в загадочный мир навигации. Для этого была масса времени, потому что только два заметных события произошло в первую неделю и в середине патрулирования. Одним из них был острый приступ аппендицита у одного из наших моряков по фамилии Гамильтон, которому делали холодные компрессы и давали сульфатиазол, создавая условия разумного комфорта в течение всего похода, несмотря на настойчивые требования нашего корабельного врача произвести удаление аппендикса своими средствами. Другим заметным событием стала атака с воздуха на шестой день пребывания в море. Мы погрузились на сто пятьдесят футов до того, как упала

бомба, и «Поллак» почти не вздрогнула. В это время я был настолько озабочен своим первым расчетом подхода к берегу, что почти не обратил на нее внимания.

Из дальнейшего повествования будет очевидно, что штурманское дело, пожалуй, для подводной лодки важнее, чем для какого-либо иного корабля. Раньше было меньше, чем сейчас, хитроумных приспособлений для того, чтобы облегчить работу штурмана. Нужно было знать навигацию по звездам, и знать ее достаточно хорошо, чтобы не оставалось ни тени сомнения, или же удача отвернется от вас. По многу раз приходилось наблюдать звезды после наступления темноты — технику такого наблюдения, как я полагаю, изобрели подводники. Она включает в себя проецирование образа звезды на горизонт, которое можно определить только наугад, но которое должно быть угадано довольно точно. Когда мы приблизились к острову Тараве, к которому предполагали подойти 16 марта, я начал опробовать некоторые приемы навигации, о которых мне довелось слышать от других штурманов. Проблема наблюдения за звездами после наступления темноты, например, облегчалась, если разделить окуляры бинокля и использовать одну половину в качестве телескопа в секстанте для того, чтобы осматривать горизонт.

К утру шестнадцатого я резонно чувствовал уверенность в том, что, как и положено, покажется остров Тарава. Но он не показался. Мы весь день продолжали движение в подводном положении в направлении, которое, как я был уверен, вело к острову, но его не видели. Шутники в боевой рубке высмеивали меня немилосердно. Но когда мы в ту ночь поднялись на поверхность и точно определили местоположение судна, я смог предъявить алиби. Течение поменяло направление на противоположное по сравнению с предыдущим днем. Мы увидели Мейкин как раз перед рассветом, и мне простили не состоявшийся накануне подход к берегу. Мы патрулировали у Мейкина в течение дня, не видели ничего, кроме нескольких вражеских самолетов, и проследовали, как нам было приказано, к острову Джалуит, крупнейшему из близлежащих Маршалловых островов.

"Каникулы" закончились двумя днями позднее. Ближе к вечеру, когда мы патрулировали на пути между островами Джалуит и Мейкин, дымок был обнаружен на расстоянии в тринадцать миль к юго-востоку. Мы приблизились и обнаружили, что это было грузовое судно с двумя кораблями охранения прямо перед ним. Мы выстрелили четырьмя торпедами и услышали, что одна попала в цель, но не было времени убедиться в этом наверняка; два корабля эскорта загнали нас на глубину и

подвергли ужасной атаке глубинными бомбами.

Примерно через два часа мы всплыли, чтобы возобновить охоту. Было около восьми часов, и луна освещала тропические воды почти так же ярко, как это бывает в кино, делая атаку из надводного положения слишком опасной. Но в то же время свет не был достаточно ярким для атаки под перископом, и мы преследовали цель всю ночь, держась впереди нее и собираясь погрузиться на заре для нанесения смертельного удара. Я никак не мог заснуть в ту ночь. Это был мой первый боевой опыт в качестве старшего помощника, а цель — в пределах прямой видимости за кормой. Вместо того чтобы спокойно отдыхать до утра, я примерно каждые полчаса поднимался на мостик, чтобы осмотреться.

Как всегда в этих широтах, небо заволакивало облаками примерно за полчаса до восхода солнца, и шквал дождя заполнял собой все вокруг.

Мы повернули к цели, погрузились и подвсплыли под перископ в центре дождевого шквала. Роби взялся за перископ, а я стоял рядом с ним, выполняя операции на "есть — был" и переводя наблюдения на язык цифр. Мы подошли на восемьсот ярдов и выстрелили тремя торпедами. Две из них взорвались, но, прежде чем мы успели посмотреть, насколько большой урон они нанесли, нам пришлось уйти на глубину, так как Роби обнаружил на расстоянии всего в триста ярдов один из кораблей эскорта, который направлялся к нам.

В процессе погружения три из наших тарельчатых клапана открылись в носовом торпедном отсеке, и, прежде чем успели закрыть аварийные клапаны на торпедных аппаратах, вода на шесть дюймов покрыла лист палубного настила. И после этого «Поллак» выдержала одну из самых жестоких из когда-либо ею пережитых атак глубинными бомбами, причем без каких-либо видимых повреждений, за исключением обычного отслоения краски и повреждения трубопроводов. Мы откачали воду из трюма, перезарядили торпеды и вернулись на перископную глубину через три часа после своей атаки. Судна и след простыл. При отсутствии положительного результата официально мы не удостоились похвалы за потопление судна, но, я полагаю, мы были ее достойны.

* * *

Моменты кризиса стираются в памяти, в то время как незначительные события зачастую остаются в ней кристально

четкими на всю жизнь. Я полагаю, что это происходит потому, что, хотя сознательный ум откладывает кризисы в память, бессознательный занят тем, что стирает из нее элементы страха и чувства опасности, так что, в конечном счете, вы фактически не помните само событие, а помните лишь то, что оно имело место. Иначе дело обстоит с незначительными, смешными случаями, при которых, когда они происходят, напряжение отсутствует. Они сразу же четко запечатлеваются в памяти, и кажется, будто случились вчера. Подобный случай произошел со мной в тот день, когда «Поллак» выбиралась с большой глубины на поверхность после того, как опасность миновала.

Мы все были измучены продолжавшимся всю ночь преследованием, атакой и глубинной бомбежкой. После того как сторожевик прекратил атаки глубинными бомбами и ушел, почти все свободные от вахты пошли отдыхать. Когда стих шум винтов, Роби повернулся ко мне и сказал:

— Выведи ее на перископную глубину, Джордж. Хочу пойти поспать. Дружище, я устал.

Он, выглядевший усталым и немного растрепанным, спустился в люк, оставляя меня и нашего надежного рулевого Фью в боевой рубке. Я заметил, что и Фью тоже измучен. Я пробыл наверху дольше, чем кто-либо, но только позднее почувствовал, что измотан куда больше, чем они оба.

Пока лодка приближалась к перископной глубине, я поднял перископ, прильнул к нему и стал всматриваться в тускло освещенную воду, в то время как головка перископа была еще примерно на десять футов под водой. Через перископ редко можно увидеть жизнь морских глубин, потому что большая масса подводной лодки отпугивает рыб, но в это утро я увидел в воде настоящего монстра.

Он был зеленый, с непропорционально огромной головой. Далеко за собой он тащил нитевидные усы. Чудище лениво подплыло к перископу, и его большие злобные глаза уставились в мои.

— Проклятье! — прошептал я. — Не часто встретишь такую тварь! Это морское чудовище!

С некоторым колебанием Фью придвинулся, чтобы посмотреть. Я чуть ли не силой заставил его прильнуть к перископу в своем стремлении поделиться с ним необычным зрелищем.

— Посмотри на эти глаза! — воскликнул я. — Ты когда-нибудь видел кого-либо с такими усищами? А цвет! Это ли не самый что ни на есть чертовски зеленый?

Фью вежливо пробормотал что-то невразумительное в знак

согласия и встал на место. Через несколько секунд головка перископа уже разрезала воду, и мы начали нашу будничную дневную вахту. Обшарив горизонт, я опустил перископ и устало прислонился к краю боевой рубки, чтобы поговорить с Фью. Он не был молчуном, но теперь забился в дальний конец рубки, и все мои попытки завязать разговор пропали даром. Я прекратил их, и некоторое время мы стояли молча.

— Сэр, — сказал наконец Фью с деланым безразличием. — Вы себя нормально чувствуете?

Тут до меня дошло.

— Фью, — сказал я, — ты не видел той рыбы?

— Нет, сэр.

До сего дня Фью, вероятно, думает, что ее не было. Но она была… я полагаю.

* * *

В течение более трех недель мы патрулировали у Маршалловых островов и острова Джалуит. За это время произошел только один инцидент — атака на пароход, следовавший в Джалуит. Мы выпустили две торпеды и слышали пару взрывов, но опять контратака эскорта вынудила нас уйти под воду без возможности удостовериться в потоплении цели.

Маневры, которые на других подлодках выполняются просто, были сложны для «Поллак», и это погружение не стало исключением. Если обычно вы можете надеяться уйти от миноносца, ныряя на глубину и двигаясь тихо, мы не смогли заставить это сделать нашу лодку. «Поллак», которая в подводном положении постоянно выпускала пузырьки воздуха и соляр, вне всякого сомнения, оставляла над нами на поверхности моря масляные пятна, по которым за нами следовал миноносец.

Глубинные бомбы продолжали падать в неприятной близости в течение нескольких часов. Мы находились под водой весь день и полночи, и наша и без того маломощная аккумуляторная батарея садилась все больше и больше.

Около полуночи Роби решил, что нам нужно всплыть на поверхность и испытать судьбу в противоборстве с миноносцем.

Это был необычайно напряженный момент. Роби был у перископа в боевой рубке, которую мы затемнили насколько возможно в слабой надежде на то, что глаза командира, привыкнув, смогут что-нибудь разглядеть в перископ. Поступил приказ — сигнальщикам подняться из центрального поста в рубку с тем, чтобы, когда лодка всплывет, они смогли бы поспешить на

мостик и начать наблюдение за миноносцем.

И тут, когда напряжение достигло пика, оно вдруг резко оборвалось.

Оба сигнальщика были в очках адаптирования к темноте, от которых в боевой рубке, в которую они поднимались, становилось еще темнее. Появившийся первым на трапе молодой итальянец, похожий на великого клоуна, подумал, что другой сигнальщик впереди него. Вылезая из люка в крошечную боевую рубку, где капитан сидел на корточках перед наполовину выдвинутым перископом, головой он неожиданно угодил ему в зад. Думая, что столкнулся со своим приятелем сигнальщиком, он схватился за темневший перед ним зад и сильно ущипнул.

— Кто, — пропищал он высоким фальцетом, — тута?

Роби умел оставаться на высоте в любых ситуациях.

— Тута, — пропищал он в ответ, — капитано. — Затем, повысив голос до громового, спросил: — А кто тама?

Мы всплыли через одну-две минуты, миноносец не смог нас обнаружить, и мы благополучно выбрались из этого района. Я не перестаю верить в то, что без этой комичной сцены обмена любезностями, разрядившей напряжение, все могло бы кончиться иначе.

* * *

Это было последнее волнение боевой обстановки, которое мы пережили в остававшееся время похода, но у нас оказалось множество волнений другого рода, до того как мы достигли Мидуэя. Выпускаемая на «Поллак» корабельная газета спонсировала выборы.

Наша газета на трафаретной бумаге была еще одной отличительной особенностью «Поллак». Она выходила каждый день с массой новостей, сплетен и скандальных заметок обо всем, что происходило на борту. Там были новости и о ходе войны, перехваченные нашим радистом, но они появлялись эпизодически. Каждый вносил свой вклад в виде стихов, шуток и невероятных историй, а один из моряков, одаренный талантом карикатуриста, каждый раз рисовал для нее карикатуры. Всем нам рано или поздно доставалось от его сатиры, а самой последней была карикатура на Джека Джексона.

Джек был интендантом, молодым резервистом ВМС из Калифорнии, новичком в подводном флоте. Каждый раз, когда приходила его очередь погружать «Поллак», постоянно возникали проблемы с тем, чтобы удерживать ее на ровном киле. Корма так

часто отклонялась во время его погружений, что однажды газета вышла с карикатурой, подписанной: "Погружение мистера Джексона". На ней была изображена корма лодки, совершенно поднятая над водой и с быстро вращающимся винтом, в то время как моряки сидели и лежали на палубе — кто ловил рыбу, кто спал, кто делал гимнастику. Человек у открытого люка кричал: "Командир говорит, что вам, ребята, пора спускаться вниз! Мы хотим попытаться опустить корму под воду".

Теперь, когда однообразие всем нам надоело, кто-то в газете высказал идею: мы можем выбрать возлюбленную лодки «Поллак». Как старший помощник, я должен был утвердить план, и я увидел в нем необыкновенно хороший способ укрепления морального духа. В течение четырех дней мы оставались в подводном положении до наступления темноты, ничего не видели, затем всплыли, не спеша вели патрулирование до зари, в то время как перезаряжали аккумуляторные батареи, и опять погрузились. Нам нужна была какая-нибудь встреча. Мы назначили комиссию по выдвижению кандидатур, и они подобрали двух кандидатов, достойных высокой чести, и кампания была запущена.

План, который, как мне помнится, так никогда и не был осуществлен, состоял в том, чтобы, когда мы вернемся в Пёрл, послать победителю извещение и гавайскую юбку. Но этот аспект дела был второстепенным; главной была идея проведения выборов. Выбранными кандидатами были Бетти Хаттон и Энн Шеридан, а предвыборная кампания должна была продолжаться четыре-пять дней. Мы предоставили систему внутренней связи двум наспех сформированным политическим партиям, и речи звучали по отсекам «Поллак» каждый вечер. В ночь перед выборами состоялось факельное шествие: моряки шагали по узким проходам, размахивая факелами, сделанными из тряпок, смоченных в дизельном топливе, с дикими возгласами в поддержку Бетти и Энн.

В самом начале кампании стало очевидно, что выборы должны контролироваться самым тщательным образом, потому что лидеры обеих сторон обвинялись в том, что они не гнушаются использовать разные трюки и увертки. Было решено установить урну для бюллетеней на столе прямо перед офицером погружения, когда лодка в подводном положении. В центральном посту всегда находится офицер погружения, а в этом походе офицеру погружения ничего чрезвычайного делать не приходилось целыми днями, так что мы знали, что и минуты не пройдет за весь день, в течение которой избирательная урна, находящаяся в шести дюймах от его носа, не окажется вне поля

его зрения. Конечно, если появится «японец», выборы придется отменить.

Затем в качестве защиты демократического процесса было решено, что избиратели будут подходить по одному и каждый персонально передаст свой помеченный бюллетень офицеру погружения. Офицер проверит его, дабы убедиться в том, что лист только один, прежде чем опустит его в урну.

Настал день выборов, и голосование последовало организованно, без насилия и в точном соответствии с правилами. К шести часам все проголосовали. Поздравив себя с безупречной эффективностью, с которой прошел процесс, мы сели подсчитывать бюллетени. Окончательный подсчет показал, что мисс Шеридан стала победительницей голосования, набрав 275 голосов против 194.

В то время на «Поллак» было около девяноста офицеров и военнослужащих рядового и сержантского состава. Поэтому официальные представители на выборах уничтожили бюллетени, объявили их недействительными и повторили голосование на следующий день. На этот раз были отмечены значительные достижения — общее число голосов равнялось лишь 262, но, будучи педантами, мы отвергли результаты и этого дня и объявили окончательные закрытые официальные выборы.

На этом этапе с коварной и хитрой согласованностью сторонники мисс Хаттон развернули кампанию перешептывания против ее соперницы. Вдруг по «Поллак» прокатился слух, что мисс Шеридан носит накладки. В течение нескольких часов об этом открыто говорили и не нашли существенных возражений. Мисс Хаттон выиграла выборы (заключительное голосование дало результат 103 против 70), и по сей день я не знаю, верны ли были утверждения ее приверженцев, или это был наговор.

Я был рад, когда раздоры, связанные с выборами, остались позади, потому что теперь мы уже приближались к Мидуэю, и хотел как можно больше времени провести практикуясь в навигации. Однажды, и утверждаю это со значительной долей гордости, я днем определил местоположение по трем звездам. Взял ориентир на солнце, на луну и на Венеру среди бела дня и определил позицию корабля с большой точностью. Любой штурман, читающий эти строки, поймет, что это значит. Большинство людей не знают, что можно видеть Венеру в дневное время, но, если вы знаете, куда смотреть, и если Венера не слишком близко к солнцу, вы увидите ее в любой ясный день. Когда новолуние или полумесяц, вы также можете сфотографировать лупу в дневное время. А если вы скажете, что обнаружили все три ориентира — солнце, луну и Венеру, то вас

сочтут хвастуном. Я попробовал сказать об этом моим старым товарищам по «Уаху», когда мы пришвартовались около нее в Мидуэе примерно в середине апреля, но они даже не захотели слушать. Они были слишком обрадованы тем, что я привел «Поллак» с опозданием в один день.

* * *

Несмотря на удовольствие видеть Маша, Дика, Роджера и других парией со своей бывшей лодки, в остальное время пребывания на Мидуэе причин для радости не было. Подводники, привыкшие расслабляться на Гавайях между выходами в море, были не способны оценить ограниченные удовольствия Мидуэя. Мои воспоминания о периоде между походами главным образом связаны с альбатросами.

Это были черноногие альбатросы, неописуемо грациозные в полете и невероятно уморительные на земле. В Мидуэе их было полно. Они стояли там и сям группами по два и три, обращенные друг к другу, и исполняли невероятные ритуалы. Ударялись клювами, как два неловких фехтовальщика на тяжелых мечах, затем как по команде вытягивали головы и клювы к небу и издавали заунывные, полные печати звуки. Наконец они вразвалку совершали полней разворот, погружали свои клювы под приподнятые крылья, замирали на мгновение в такой позе, а затем повторяли всю церемонию с самого начала. Это, видимо, был своего рода брачный танец, но никто никогда не рассказывал, что видел, как они спаривались, хотя и рассматривали их с близкого расстояния.

Эти незадачливые птицы пристрастились к пиву, которым их угощали в большом количестве скучающие военные, что значительно увеличило амплитуду их раскачивания во время танца. Усовершенствовал технику этого развлечения во время нашей стоянки самый веселый моряк «Поллак», холостяк Дик Зуллингер, который больше, чем все остальные, был раздражен тем, что приходилось отдыхать и расслабляться на Мидуэе при полном отсутствии женского общества. Зулли дал альбатросам крепкий коктейль «Манхэттен». В жизни не видел зрелища более диковинного, чем пьяный альбатрос на Мидуэе. А пара пьяных подводников пыталась копировать движения черноногих альбатросов.

На Мидуэе есть также птицы-плакуны. Они, как я полагаю, известны под более точным названием — клинохвостые буревестники, но прозвище соответствует им в полной мере. Их

туннелеобразные гнезда в песке разбросаны по всему острову, и каждую ночь они лежат в них и стонут, как женщины в состоянии отчаяния. Мы слышали их из своих номеров в гостинице «Альбатрос», маленького строения, сооруженного до войны. И это был безутешный и не дающий покоя плач.

После посещения нами офицерского клуба или кинотеатров оставалась еще масса времени для того, чтобы отдаться мыслям о доме, и я думаю, что все мы в своих письмах были более сентиментальны, чем обычно. Одно из моих писем Энн (все их она хранила, как делают жены на тот случай, когда ей, может быть, захочется перечесть) свидетельствует о том, насколько пламенно поэтичным может быть моряк на далеком атолле по отношению к самым дорогим людям.

Я объяснял, почему иногда опаздывал отвечать на специфические замечания или вопросы в ее письмах. "Может быть, ты этого не поймешь, — писал я, — но это правда, и причина заключена как раз в самом факте того, что я люблю тебя так глубоко и горячо. Я даже не могу сразу начать читать твои письма, когда их мне приносят. Я быстро разбираю их, чтобы узнать, какое из них самое последнее; я нервно вскрываю конверт этого письма и читаю последнюю страницу, чтобы быть уверенным, что с тобой и Билли все в порядке; тогда я издаю вздох облегчения, засовываю все письма в карман и иду по делам. В ночной тиши, когда все проблемы дня разрешены и я остаюсь один, очень осторожно вскрываю конверты и на своей койке с чувством нежности и любви читаю их одно за другим, то улыбаясь, то смеясь, а иногда слезы от любви и тоски появляются у меня на глазах. После того как прочитываю их все и перечитаю, я ложусь и думаю о тебе и Билли…"

Постоянное употребление в пищу птицы может пробудить у человека таланты, о которых он и не мечтал.

Глава 9
Разочарование

Изменения происходили в кадровом составе на «Поллак». Роби Палмер собирался домой в Нью-Лондон, чтобы войти в штат школы подводников, а капитан-лейтенант Б. Э. Левеллин должен был занять его место. От нас также уходили три офицера. Зулли оставался с нами, он проявил себя в море прекрасным офицером при всех его выходках на берегу, и я был этому рад. Столь же рад я был отъезду одного из офицеров. На подлодке очень маленькое пространство для жилья, и индивидуальная повышенная чувствительность к чему-либо, которая на большой территории проявляется лишь в легком раздражении, может обернуться пыткой в кают-компании в середине длительного плавания. У этого молодого лейтенанта была привычка дергать свои брови. Это, конечно, мелочь, но он не упускал любого случая этим заниматься. День за днем с приводящей в ярость невозмутимостью он теребил свои брови, пока кто-то не пригрозил, что ударит его, если он не прекратит это делать. Такая вещь, как гвоздь в подкове генеральской лошади, может стать важным фактором, влияющим на исход боя, и изменить жизнь людей или даже лишить их ее. Мне оставалось только надеяться на то, что у его будущих товарищей по лодке нервы крепче, чем наши.

Мы делали все, что могли, чтобы скрасить оставшиеся от отпуска дни, играли в боулинг, занимались подводной охотой, а когда мне присвоили очередное звание капитан-лейтенант, закатили вечеринку, от которой сотрясался весь офицерский клуб. Вечером того дня, когда Роби вылетал обратно в Пёрл, мы устроили еще одну. Завидуя его везению, но ободренные этим фактом, мы не остались в забвении для вышестоящего командования, я нарушил строгое личное правило и написал Энн, что у меня великолепные перспективы на отпуск после того, как мы вернемся из следующего похода. Я всегда старался избегать таких предположений в своих письмах, зная, как легко лелеять несбыточные надежды, но были обнадеживающие признаки, а искушение слишком велико. Может быть, я смогу обнять жену и сына к началу лета!

После долгих дней безделья мы пережили незначительное потрясение в утро отплытия. Бад Купер, наш третий помощник и один из лучших моряков на борту, был одним из трех человек, намеченных для перевода. Дважды приходили распоряжения,

дважды Бад в счастливом возбуждении готовился отбыть, и дважды приказы отменялись. Он в отчаянии места себе не находил из-за этих приказов, но наш новый командир столь же отчаянно надеялся на то, что приказ о переводе не придет. Левеллину вовсе не нравилась идея впервые выходить в море на «Поллак» без ее способного инженера. Утром 10 мая, когда уже были запущены наши двигатели, пришло распоряжение относительно Бада. Командир пытался убедить его, что уже поздно уезжать, но Бад предпочел это сделать. Он спустился вниз, собрал вещи и был на берегу ровно через десять минут после того, как прибыли бумаги. Так что мы отбыли на Маршалловы острова с новым командиром и тремя новыми офицерами.

Полторы недели спустя мне представилась возможность провести свою первую атаку в боевых условиях. Мы потопили маленькое грузовое судно днем ранее у побережья Уатье после трехдневной игры с ним в кошки-мышки, пока оно не вышло из лагуны достаточно далеко, чтобы мы могли его атаковать. На следующий день возле острова Джалуит мы заметили грузовое судно водоизмещением в семь тысяч тонн в сопровождении торпедного катера, и капитан Левеллин велел мне взять на себя командование. Это было совершенно неожиданное и большое доверие. Я, конечно, рассказывал ему о действиях на «Уаху», когда старпом выполнял все манипуляции с перископом, но командир должен обладать железной волей для того, чтобы перепоручить единственный источник информации о противнике младшему по должности. Я был как ребенок благодарен Левеллину за то, что он это сделал, и дал ему достаточное основание пожелать, чтобы он этого не делал.

Сближение было обычным делом, но не для меня. Тут я смотрел во все глаза и отдавал всевозможные команды, пока мы подходили к цели, чтобы ее уничтожить. В своем энтузиазме я все внимание сосредоточил на грузовом судне, и ни на чем больше. В конце концов мы вышли на позицию атаки, и все для нее было готово.

— У нас все готово, капитан. Мне стрелять?

— Как только будешь готов, Джордж. Где эскорт?

— Первый, товсь. Первый, пли!

— Где эскорт, Джордж?

— Второй, товсь… Второй, пли!.. Третий, пли!.. Четвертый, пли!

— Джордж. Сделай круг за сторожевиком.

— Они идут прямо, капитан. Я направлял прямо на него… приближаются… здорово!

За первым ударом последовали второй и третий, а затем

четвертая торпеда подорвала хвостовую часть грузового судна, выступающую из воды. Я кричал почти истерически, когда громовой голос капитана заставил меня замолчать.

— Джордж, черт возьми, где эскорт?

Только теперь до меня дошел его вопрос. Я повернул перископ вокруг, доложил рассеянно, что эскорт быстро приближается по пеленгу примерно тридцать при нулевом угле по курсу. Затем, все еще завороженный своей блестящей атакой, обернулся на грузовое судно.

— Оно разламывается, капитан. Оно тонет. Оно… Эй, подними выше!

Перископ ушел под воду. Левеллин наконец взял на себя командование.

Мы пережили жестокую бомбежку глубинными бомбами, осложненную типичными для «Поллак» неприятностями. Носовые горизонтальные рули заклинило на резкое погружение, доложили о том, что в кормовой батарее лопнула эбонитовая бочка, а основные контакты электродвигателя выскочили. Потом, как раз в то время, когда мы отчаянно старались двигаться бесшумно, контакты были восстановлены и заработали все помпы в машинном отсеке. У «Поллак» было такое свойство: главным для вас становится в большей степени беспокойство по поводу того, что она сама с собой сделает, чем о том, что сделает с ней неприятель. Но и это, кажется, было еще одним достоинством «Поллак», она преодолела все трудности, и в конце концов мы выбрались на ней из этой переделки невредимыми.

Мы находились в походе на месяц дольше, не топя больше вражеских кораблей и судов, хотя с нами и произошли два памятных события. Первое случилось тихим воскресеньем, когда мы шли в подводном положении, а в море над нами бушевал шквал. В кают-компании играли в крибидж. Я никогда не чувствовал себя в большей безопасности, расслабленности, более чем уверенным в том, что мы очень далеки от потенциальной опасности.

Вдруг нас потрясли два колоссальных взрыва, настолько неожиданные, что повергли нас в изумление. Я был на полпути к центральному посту, прежде чем мои ступни коснулись пола.

Глубинные бомбы, сброшенные каким-то летчиком, имевшим, должно быть, самый острый нюх на подлодки во всех японских вооруженных силах, едва нас не прикончили. Они чуть было не снесли боевую рубку, разбили толстое стекло в репитере гирокомпаса на мостике. Шокирующая внезапность этой неожиданной атаки в тихое безмятежное воскресенье стала для меня одним из самых больших потрясений войны.

Она чудесным образом повлияла на наше чувство бдительности, и спустя несколько дней, когда мы увидели судно, показавшееся довольно крупной шхуной восточнее Джалуита, не стали испытывать судьбу. Решили дать ей бой на поверхности и угрожающе появились из воды так, будто это была самая крупная добыча на всем Тихом океане. Мы открыли огонь из нашего трехдюймового палубного орудия, прежде чем осознали, что она намного ближе и значительно меньше, чем выглядела через перископ, — не намного больше гребной лодки. Мы прекратили огонь, приблизились к ней и обнаружили на борту испуганных аборигенов. Расчувствовавшись, мы протянули им сигареты, хлеб и отпустили с миром.

Последующие дни показали, какой опасной может оказаться бескорыстная доброта, проявленная в военное время, — японские самолеты досаждали нам днем и ночью всю последующую неделю. Этот маленький парусник поспешил в Джалуит с нашими сигаретами и хлебом, и люди, что были на его борту, сообщили неприятелю место, где мы находились.

* * *

Плохие новости ожидали нас в Перле. Пока «Поллак» была в море, буквально все девушки из «Хейл-Уохайн» обручились. Все съезжали, а дом выставлен на продажу.

Мы знали мужчин, с которыми были помолвлены девушки. Большинство из них были конторскими служащими в Перле, они могли составить нам приятную компанию, но мысль о том, что они наглым образом вторгаются и разрушают наш устоявшийся распорядок, выводила нас из себя. Мы обсудили это и придумали план, как расстроить помолвки.

Это был не просто плохой план, это, наверное, наихудший из когда-либо разработанных планов, причем обреченный на провал с самого начала. Но в нашем состоянии праведного гнева он казался прекрасным в своей незамысловатости. Мы устроим такую шикарную, такую роскошную вечеринку, с такой щедростью души и темперамента, что эти бедные девушки увидят, как ошиблись в выборе пути, оцепят превосходство моряков «Поллак» над этими их женихами и тотчас же вернутся к прежней жизни.

Каждый из нас пожертвовал всем своим запасом шампанского для такого случая. Шампанское не входило в число обычно потребляемых офицерами напитков. Фаворитами тут были бурбон и скотч, и доля выделялась в разумных пределах. Наша доля,

которая накапливалась в течение всех пяти месяцев, которые мы проводили в море, была огромна. Потребовалось около двухсот фунтов льда, чтобы обложить им все наши бутылки шампанского, когда их выложили в ванной на Гавайях, чтобы подготовить для грандиозного события.

Мы позвали девушек из «Хейл-Уохайн» и сказали им, что собираемся отметить их помолвки. Для более эффективной демонстрации нашего превосходства мы убедились в том, что будут присутствовать все женихи, затем погрузили наше шампанское в джип и отправились в «Хейл». Пришлось сделать три ездки, чтобы доставить туда все бутылки.

С самого начала стало очевидно, что все идет не так, как мы спланировали. Даже нам самим было ясно, что мы разговаривали громковато; девушки из «Хейл-Уохайн», казалось, испытывали легкое замешательство, а их женихи чопорно стояли небольшой обособленной группой в сторонке. В отчаянии мы открыли новые бутылки шампанского, запели несколько громче, с большей веселостью принялись вспоминать события прошлого, когда моряки «Поллак» чувствовали себя в этом чудесном месте как у себя дома.

Самая молодая и прекрасная из обитательниц «Уохайн» позеленела, приложила ко рту носовой платок и выбежала. Далее началась цепная реакция. В течение считанных минут буквально каждая из девушек в этом доме последовала за ней, и каждая выглядела смертельно больной. В большой комнате воцарилось молчание. Женихи мрачно уставились на нас. А цепная реакция тем временем продолжилась.

Нам и в голову не приходило, что наше щедрое «возлияние» в виде шампанского будет слишком большой нагрузкой для нежных приличных девушек «Хейл-Уохайн». Еще менее мы задумывались о том, как оно повлияет на мужчин, много недель проведших вовсе без спиртного, не говоря уже о шампанском. Но в то время как маленькая группа обрученных мужчин лишь взирала с презрением, всем, кто пришел с «Поллак», стало плохо.

* * *

Мои надежды получить командировку домой на строительство новой лодки опять разбились вдребезги. Левеллин принес мне известие: я должен был вновь пойти в море на «Поллак», но после завершения похода обязательно наступит мой черед на командировку. Все надежды, которые я так бездумно лелеял, опять поблекли, и мне пришлось писать Энн, что наша

встреча вновь откладывается. Но в следующий раз, уверял я ее, она произойдет, можно не сомневаться. После шести боевых походов я собирался во что бы то ни стало попасть домой.

Моя жалость к самому себе больше возрастала при мысли о том, что мои старые товарищи по «Уаху» наслаждаются пребыванием в Соединенных Штатах на время капитального ремонта, и при упоминании о все большем числе моих однокашников, откомандированных на родину, чтобы стать старшими помощниками на новых субмаринах. Я случайно встретил одного из них — Джо Эйзенхауэра, который временно исполнял обязанности командира в ожидании приказа о начале строительства новой лодки. Джо потом стал командиром «Джаллао», на которой уничтожил поврежденный легкий японский крейсер во время своего первого патрулирования. Но даже в то время, когда ему завидовал, я услышал новость, которая отбросила меня к более верному ощущению перспективы. Военно-морские силы объявили о потере «Тритона», на котором служил мой друг Джек Кратчфилд. «Тритон» стал одним из лидеров с самого начала войны. Он был в боевом дозоре возле острова Уэйк, когда японцы нанесли удар, и 8 декабря 1941 года первым из подлодок Тихоокеанского флота совершил торпедную атаку, нанеся урон неопознанному японскому военному кораблю около Уэйка. С тех пор она потопила одиннадцать японских кораблей и судов, в том числе миноносец и подводную лодку. Мысль о Джеке и других, которые никогда не вернутся домой, заставила меня осознать, насколько незначительным было мое разочарование по сравнению с тем, что случилось с ними.

Тем не менее, когда «Поллак» вышла из Пёрл-Харбора в конце июля в свое восьмое и наиболее насыщенное событиями боевое патрулирование, мое настроение было далеко не таким, каким должно было быть у старшего помощника капитана. Мысли о доме и семье стали почти неотвязными для меня. У меня появилось чувство жестокой агрессивности, но только потому, что чем быстрее мы истратим свои торпеды, тем скорее для нас наступит время возвращения из похода. Между тем я нервничал, отрастил бородку клином, угрюмо слушал Сибелиуса на имевшемся на "Поллак2 патефоне и приобрел репутацию человека со скверным характером.

На Зулли это отражалось больше всего. Он мне нравился, но я терпеть не мог его постоянного благодушия и поймал себя на том, что придираюсь к нему немилосердно. В день, когда я застал его проводящим время за комиксами, я, собственно говоря, отыгрался на нем.

Во время третьего похода «Уаху» Дик О'Кейн сделал

неожиданный приятный сюрприз, который я позднее перенес на «Поллак» в качестве средства, повышающего моральный дух. Он взял с собой на борт кипу воскресных комиксов, которые его жена собирала для него месяцами и делала подборку за определенные периоды. Я написал Энн с просьбой начать собирать комиксы для меня, и «Поллак» отправилась в свое восьмое патрулирование, имея на борту достаточное для длительного похода количество комиксов, если их просмотр рационально распределить. Но едва мы отправились в путь, как я застал Зулли с экземпляром комиксов. Это случилось за две недели до начала просмотра по графику. Его объяснение, что он не вынесет тревожного ожидания, чтобы узнать, что случилось с Диком Трейси, не разжалобило меня, и оставшееся время патрулирования я держал комиксы под замком, охраняя их, как охраняют питьевую воду на плоту среди моря.

Мы направлялись в район пролива Бунго неподалеку от Японской империи, как обычно везде в вооруженных силах называют родные для японцев острова — у южного входа во Внутреннее Японское море. Через четыре дня после отбытия из Пёрла мы дозаправились в Мидуэе — дозаправка означает заполнение топливных баков под завязку — и взяли курс на Софу-Ган, известный пункт в Тихом океане, который называют "жена Лота".

Лично я надеялся на то, что нам попадется конвой, мы выпустим по нему все торпеды и вернемся прежде, чем достигнем намеченного района.

Но прошло почти две недели после того, как мы вышли из Мидуэя, прежде чем мы заметили свою добычу и вышли в атаку, которая чуть было не стала фатальной для нас, а не для неприятеля.

Это был конвой из двух грузовых судов, который шел почти в семи милях от нас, когда ясным августовским утром мы обнаружили его. Мы подождали, пока он скроется из вида, а затем всплыли, чтобы его преследовать. Затем, после ряда дней бездействия, цели для нас вдруг смешались. В то время как мы следовали за двумя грузовыми судами, мы увидели конвой, имевший три корабля охранения, по другому курсу на еще более дальней дистанции.

Мы сменили цели и начали маневрировать, чтобы опередить новый конвой. Вскоре после полудня мы были готовы к атаке. Погрузились и начали сближение в подводном положении с шедшим впереди грузовым судном, самым крупным из трех. Но когда мы уже были готовы дать залп, он пошел к нам зигзагом, оставляя нас на расстоянии примерно в триста ярдов. Мы

поспешно отвернули и выстрелили из двух кормовых аппаратов. Обе торпеды прошли мимо цели, и мы круто повернули влево, чтобы выстрелить по второму грузовому судну из своих носовых аппаратов, когда возле нас взорвалась глубинная бомба.

Мы уже ушли ниже перископной глубины для разворота. Потом мы поднялись достаточно высоко, чтобы посмотреть, что происходит, и обнаружили, что находимся примерно в шестистах ярдах впереди второго грузового судна. Резкий со свистом выброс пара разорвал над ним тишину — отчетливый свистящий сигнал. Капитан Левеллин быстро повернул перископ и нашел разгадку. Справа к нам приближался миноносец, так что мы нырнули на глубину.

Кое-как мы оторвались от него, через сорок пять минут поднялись под перископ, увидели, что море вокруг чисто, и всплыли на поверхность, чтобы начать преследование. Было уже более десяти часов вечера в тот момент, когда мы вернулись для атаки из надводного положения, и прошло еще полтора часа до того, как мы выпустили все четыре торпеды носовых аппаратов в самое крупное грузовое судно.

Мы так и не узнали, каков был результат залпа, потому что в тот момент были ввергнуты в кризис, настолько загадочный, насколько своенравная старая «Поллак» когда-либо смогла умудриться нам устроить. Я стоял в центральном посту с самым драгоценным секундомером в руке, отсчитывавшим секунды хода торпеды, когда чудовищный взрыв потряс лодку от одного конца до другого. Он был не похож на взрыв ни одной из когда-либо встречавшихся мне глубинных бомб. Я швырнул секундомер через плечо, уверенный, что нам конец, и мне не хотелось бы встретить смерть с секундомером в руке.

Испуганные голоса были слышны с мостика. Море вокруг нас заливал странный свет. Люди были сбиты с ног в кормовой части лодки, и главные рубильники были вырублены, что привело к тому, что у нас мгновенно остановились все силовые установки. Мы двигались по инерции до полной остановки.

Беспомощные, мы оставались на поверхности, и нас мог прикончить любой проходящий мимо корабль, но, к счастью, конвой был ошеломлен так же, как и мы. Он умчался на всех парах, тогда как мы застряли со своими делами, устраняя повреждения, и в конце концов восстановили силовые установки. Сделав это, мы возобновили преследование, но непрерывные и тщетные усилия в течение всего дня, кульминацией которых стал этот колоссальный взрыв, вымотали нас физически и духовно. Вместо того чтобы предпринимать новую атаку из надводного положения, мы решились на атаку на перископной глубине и

нырнули впереди по курсу конвоя незадолго до рассвета. Тот, в свою очередь, радикально сменил курс и ушел от нас.

Что стало причиной взрыва, мы так и не узнали, но после длительного знакомства с «Поллак» и ее нравом могли догадываться. Одна из наших торпед, вместо того чтобы идти к цели, должно быть, пошла вниз и взорвалась под нами.

В последующие две недели мы без происшествий патрулировали в районе Каролинских островов, затем взяли курс на район пролива Бунго во Внутреннем Японском море. А там, спустя несколько дней, наша старая подлодка заставила нас пережить самое жуткое из всех испытаний.

Вскоре после полуночи мы повернули на вьющийся дымок и оказались на курсе конвоя из шести судов, четыре из которых, по-видимому, были крупными грузовыми судами, а два других — небольшими. Мы приближались к суше при восходящей луне, что было сочетанием факторов, требовавшим необычайной осторожности. Мы пропустили первые два грузовых судна, затем осмотрели остальные четыре и выбрали второй, играя по-крупному. Последние два судна в караване еще не были различимы, но мы полагали, что это небольшие грузовые суда. Для того чтобы сблизиться с целью, нам нужно было выйти к ней прямо по курсу этих двух судов.

Мы были почти на позиции залпа, когда стало очевидно, что ближайшее из последних двух судов было не грузовым, а эсминцем и что вскоре мы будем у него прямо по курсу всего примерно на расстоянии в три тысячи ярдов. Теперь уже было слишком поздно менять план атаки, так что мы сблизились и дали залп по грузовому судну из своих четырех носовых торпедных аппаратов с дистанции в двести пятьдесят ярдов. Но на этот раз миноносец был уже так близко, хотя, по-видимому, не видел нас до того момента, пока мы не выстрелили.

Мы взяли скорость на форсажном режиме и повернули, чтобы оставить его за кормой. Когда мы поворачивали, услышали взрыв и увидели столб воды, взметнувшийся у цели. Звук свидетельствовал о втором взрыве. Мы уходили прочь на самом полном ходу, в то время как миноносец был всего в полутора тысячах ярдах от нас и быстро приближался. А теперь оказалось, что последним в караване было вовсе не грузовое судно, а небольшой сторожевик, который сократил расстояние между нами до тысячи четырехсот ярдов.

Мы оказались в мышеловке. Грузовое судно тонуло, по два военных корабля сближались с нами на большой скорости. Используя копилку боевого опыта Маша Мортона, мы попытались сделать по миноносцу два выстрела прямой наводкой из

кормовых аппаратов. Но промазали, и он стал обстреливать нас.

Вдруг наш мостик залил яркий свет. Противник навел на нас прожектор. Оказавшись на виду под этим ослепительным светом, в то время как оба сторожевика приближались к нам, мы сделали единственно возможное — нырнули, погружаясь с максимально возможной скоростью.

Когда подводная лодка находится на поверхности, носовые горизонтальные рули убраны, прижаты к корпусу корабля и находятся над водой. С началом погружения они должны быть раскрыты рулевым-горизонтальщиком, который поворачивает их, контролируя глубину и угол погружения. Кормовые горизонтальные рули, которые находятся под водой, даже когда лодка на поверхности, и всегда раскрыты, выполняют аналогичную функцию. Но теперь, когда мы погружались с максимальной скоростью примерно восемнадцать узлов, носовые горизонтальные рули не регулировались, а кормовые рули заклинило на резкое погружение.

Погружения обычно осуществляются с дифферентом на нос при угле в восемь — десять градусов. При таком угле и отрицательной плавучести лодка может идти на скорое погружение. Но теперь нам довелось узнать, какой на самом деле может быть скорость погружения. При скорости восемнадцать узлов и неподвижно застрявших в положении резкого погружения кормовых горизонтальных рулях, а также при полном «отсутствии» носовых горизонтальных рулей лодка стала погружаться с совершенно невероятным дифферентом на нос.

Мы опускались все глубже и глубже, скорость была опасно высокой, угол погружения возрастал с каждой секундой. Стрелка глубиномера отклонялась с пугающей быстротой. Мы достигли контрольной глубины, ниже которой погружаться считалось опасным, но все-таки продолжали погружаться. Еще даже до того, как мы достигли контрольной глубины, нос лодки ушел слишком глубоко, это было видно, так как глубиномер находится в средней части судна, на расстоянии ста пятидесяти футов от носа к корме.

Японский миноносец сбрасывал глубинные бомбы, но ни у кого не было времени об этом беспокоиться. «Поллак» уже и так пошла на самоубийственный шаг. Мы должны были ее остановить, в противном случае не имело бы значения, попадут глубинные бомбы в цель или нет.

— Продуть главный балласт!

Это только усугубило ситуацию. Воздух устремился в кормовую часть, облегчая корму и еще больше увеличивая угол.

Теперь уже никто на борту «Поллак» не мог стоять, не держась за что-нибудь. Моряки ухватились за люки, столы,

рычаги. Некоторые не могли удержаться, и их ноги широко распластались в воздухе. Шум был ужасным. Оборудование в подлодке установлено с расчетом на оптимальный дифферент на нос, но теперь этот дифферент ушел за все мыслимые пределы. По всей лодке стоял грохот, точно начался летний гром, — это оборудование выскакивало из ячеек и падало.

Именно голос нашего инженер-лейтенанта Джо Фелпса внес долю здравомыслия в создавшуюся обстановку.

— Ради бога, командир, — крикнул Джо, — не пора ли всем перейти назад?

Вот она, эта старая аксиома, которую Левеллин и я забыли на мгновение: когда дифферент на нос становится слишком большим, экипажу перейти в конец и молиться.

— Электродвигатели — полный назад. Всем срочно в корму! — проревел командир.

Каким-то образом в неразберихе команда докатилась обратно до поста энергетики.

Показатель угла погружения уже давно ушел за максимальную величину 25 градусов. Насколько мы ее превысили, не знал никто, а в тот момент ни у кого не было времени на предположения. Если мы погрузимся еще глубже, «Поллак» лопнет, как проколотый футбольный мяч. Наша единственная надежда была на то, что обратный ход винтов постепенно замедлит наше падение.

И медленно, медленно они начали это делать. «Поллак» потеряла скорость. Дифферент начал выравниваться. Наши ноги стали увереннее чувствовать под собой опору. Наконец «Поллак» почти полностью остановилась.

Возникла новая чрезвычайная ситуация. Наши цистерны главного балласта были почти пустыми, продутые в тщетной попытке настолько облегчить «Поллак», чтобы замедлить ее погружение. Но теперь, когда погружение прекратилось, лодка стала слишком легкой. Бешеная гонка пошла в обратном направлении, и нас уносило вверх, прямо под японский эсминец.

Некоторое время мы думали, что будем разрезать воду, как рыба-парусник, но каким-то образом, заполняя цистерны и используя полную скорость, мы обуздали старую подлодку, и она нехотя остановилась под самой поверхностью, прямо под килем у миноносца.

Мы ушли на глубину, примерно на двести футов превышающую контрольную, на бешеной скорости и при неимоверном дифференте. Нам пришлось подниматься подобным же образом. После этого никто из нас не находил в себе сил, чтобы адекватным образом реагировать на миноносец. Мы

избежали его глубинных бомб, оставаясь под водой до наступления дня. После этого мы всплыли, чтобы глотнуть воздуха, и вновь погрузились на весь день. Весь день мы слышали звук взрывов глубинных бомб, пока миноносец искал нас, но относились к этому философски. Если мы смогли выжить на такой древней лодке, как «Поллак», значит, мы слишком крепкий орешек для вражеских кораблей.

Как раз в тот день, когда мы, обессиленные, скрывались под водой, нам удалось определить, каким был дифферент в прошлую ночь. Это получилось потому, что кто-то обнаружил масло в своем кофе.

Посередине помещения столовой команды находится верхний вентилятор гидравлического привода с приваренным к нему маленьким каплеуловителем, подбирающим по каплям выступающее иногда масло. Напротив носовой переборки расположен ряд кофеварок «Силекс». Масло из каплеуловителя пролилось, попав в одну из кофеварок. На основании этого относительно несложным делом оказалось вычислить угол дифферента на нос. Мы устремлялись на глубину под углом 53 градуса.

Спустя неделю мы потопили еще одно грузовое судно и подверглись длительной и методичной глубинной бомбежке его эскортных кораблей, но на этот раз «Поллак» вела себя прилично, и мы почти не обратили на эту атаку внимания. К 12 сентября мы вернулись в Мидуэй на дозаправку, а еще через четыре дня прибыли в Пёрл. По пути туда у меня было в избытке времени для того, чтобы, пользуясь случаем и привилегией, взять на себя командование кораблем. Я часто играл с командиром в шахматы в его каюте, помещении размером с ванную комнату в пульмановском вагоне. Единственным освещением, которое он себе позволял, был тусклый красный свет. Мы играли черными и красными фигурами на красно-черной доске, и он, как капитан, имел право на выбор фигур. Он всегда выбирал черные. Никогда прежде не думал, насколько поразительно эффективной может быть маскировка.

Я вернулся в Пёрл в состоянии счастливого предвкушения, которого не следовало бы позволять себе ни одному военнослужащему. На этот раз после всех разочарований и отсрочек я знал, что поеду домой. Левеллин, возможно, попытается задержать меня на пару дней для того, чтобы подготовить к переводу, думал я, но мне не трудно будет отговорить его от этого. В конце концов, я же не задержал Гэса Вейнела более чем на пять минут, когда сменял его в должности. А после шести успешных походов, в каждом из которых

происходили боевые контакты с противником, я чувствовал себя абсолютно неспособным уезжать на побывку не более чем на обычные две недели отдыха между выходами в море. Ни о чем другом, нежели немедленное откомандирование домой на строительство новой лодки, сказал я себе, не может быть и речи.

И конечно, все случилось иначе. Левеллин вернулся из штаб-квартиры с новостями. Зулли и еще один из наших офицеров — Кенни Руиз — отправлялись в тридцатидневный отпуск. Мне до их возвращения предстояло оставаться на «Поллак»; затем я буду откомандирован на базу подводных лодок в Перле, где буду заниматься ремонтом субмарин, возвращающихся из патрулирования.

— Это не так плохо, как кажется, — сочувственно сказал мне Левеллин. Здесь, в Перле, ты будешь жить вольготно, не напрягаясь, а поработав какое-то время на базе, ты будешь на подходящей должности для того, чтобы тебя откомандировать на строительство новой лодки, когда они запросят кандидата. И когда ты поедешь домой, обязательно получишь тридцатидневный отпуск.

Он добавил, что есть альтернатива — попросить десятидневный отпуск и, скорее всего, получить его. Если мне повезет с транспортом, несколько дней я смогу провести с Энн. Но если я воспользуюсь отпуском, то буду исключен из списка возможных кандидатов на строительство новой лодки и останусь прозябать на берегу в Перле на полгода, прежде чем меня назначат командиром старой подлодки. А после этого не будет надежды попасть домой еще год или больше.

Этих нескольких дней было слишком мало после всех моих ожиданий. Я с горечью отверг этот вариант, написал раздраженное письмо Энн и готовился к худшему. Мысль о том, что другие не были дома еще дольше и страдали больше моего, — слабое утешение человеку, разочарованному в надежде на отпуск. В этом случае чаще думаешь о людях, которые попадали домой раньше, подвергнувшись меньшим испытаниям.

Глава 10
Новая лодка

Я только начал втягиваться в новый распорядок жизни, когда пришла хорошая новость. 21 октября, за четыре или пять месяцев до того, как у меня появились причины ожидать этого, на меня пришли документы. Я должен был прибыть с докладом в Манитовок, штат Висконсин, где строилась новая подлодка «Хокбилл», и, вероятно, мог рассчитывать на тридцать дней отпуска на дорогу.

Это означало, что если повезет, то я буду дома к Рождеству. Несколько устыдившись за свои последние горькие переживания, я написал Энн восторженное письмо, в котором говорил, чтобы она покупала зимнюю одежду и готовилась к идиллической зиме в Висконсине. Еще примерно с месяц я выполнял случайную работу на «Поллак», которая участвовала в Перле в учениях с противолодочными кораблями, и наконец был отозван и откомандирован на военно-морской кораблестроительный завод.

В те дни шансы совершить быструю поездку на Западное побережье были невелики. Обычно приходилось ждать, пока освободится какой-нибудь армейский или военно-морской транспорт, и ехать в трюме. Существовал, конечно, скоростной самолет компании «Пан-Американ», но следовало быть не менее чем адмиралом для того, чтобы был рассмотрен вопрос о возможности перелета на нем. Однако я не увидел ничего предосудительного в том, чтобы подойти к ответственному за воздушные перевозки офицеру, просто попытаться. Когда в конце ноября 1943 года я вошел в бюро воздушных перевозок, за столом сидел не кто иной, как наш с Энн в довоенное время сосед по Гонолулу.

Самолет-экспресс вылетал через два дня. На его борту были четыре адмирала, два или три капитана, разношерстная компания очень важных персон и один нервозный капитан-лейтенант по фамилии Грайдер. Это было грандиозное путешествие с раскланивающимися и улыбающимися стюардами и всевозможными предметами роскоши, о которых я почти забыл. Я оказался в Сан-Франциско через двадцать четыре часа.

Я пересел на самолет, вылетавший в Бербанк, а там уже дожидалась моя восхитительная жена. После всех надежд и разочарований в нашей встрече была некоторая неловкость. Она казалась нереальной, точно происходила во сне. Я спускаюсь с трапа самолета, вижу ее перед собой. Те несколько секунд, пока

мы как бы на ощупь восстанавливали близость уз общения, мы чувствовали себя как чужие.

Мы поехали на машине обратно в Лонг-Бич, чтобы захватить Билли, а потом отправились в Мемфис на Рождество, которого я никогда не забуду. Затем, зная, что у нас впереди месяцы счастливой жизни, мы поехали в Манитовок, где строилась «Хокбилл».

Не думаю, что кто-нибудь мог строить подводные лодки лучше, чем люди, которые занимались этим в Манитовоке во время войны. В Манитовоке было много старых немецких мастеровых, занятых в Манитовокской судостроительной компании. Эти люди имели многолетний опыт строительства озерных пароходов. Они разработали совершенно новую технику постройки подводных лодок собирали их по секциям, а потом соединяли секции вместе, поворачивая подлодку как ростбиф на вертеле и выполняя все сварочные работы сверху. Собрав ее в доке рядом с рекой, просто сталкивали ее бортом в воду, спуская со стапелей. Не уверен, но полагаю, что подводные лодки были крупнейшими судами, которые спускали со стапелей в то время. Во всяком случае, знаю, что среди тех мастеровых, которые строили подлодки в годы двух мировых войн, работа офицеров по наблюдению за постройкой была намного легче, чем во время тех сумасшедших месяцев, когда мы наблюдали за тем, как «Уаху» обретает форму на Мэри-Айленд.

Мы чудесно проводили время в Манитовоке. Люди там относились к нам хорошо. Моим новым командиром был Уорс Скэнлэнд, человек, к которому я испытывал самые теплые чувства, способный и умелый морской офицер. Он был человеком более глубоких морских традиций, чем я. Его отец командовал «Невадой» в Пёрл-Харборе, и корабль находился на полпути от базы в день атаки японцев. Ему пришлось причалить к берегу из-за пробоины от торпеды в корпусе. Уорс вырос на флоте и любил его.

Старшим офицером подводного флота в Манитовоке, который отвечал за текущий процесс постройки двух или трех субмарин, был Булл Райт — мой старый товарищ по «Стерджен», человек, который добился блестящих боевых достижений после своего незабываемого донесения в первые дни войны: «Стерджен» больше не девственница". Булл был не только великим мастером сражений и умелым администратором, но и прекрасным рассказчиком. Он устраивал нам банкет в Манитовоке и развлекал историей о том, как дал указание своему старшему помощнику Рубину Уитикеру "взять это на себя", когда Рубин пытался разбудить его, чтобы сообщить о том, что началась война

с Японией. А еще у него была замечательная история о одном из юнг.

Этот юнга был великолепным наблюдателем. Но, как командир, Булл чувствовал, что никогда не повредит внушить моряку, что на нем лежит большая ответственность. Однажды ночью «Стерджен» всплыла так близко к Хонсю, что экипаж мог разглядеть там японцев. Юнга поднялся вверх на дневную вахту, протер стекла очков и стал осматривать горизонт, а когда увидел Хонсю, было ясно, что он легкомысленно расслаблен. Булл наблюдал за ним.

— Ну, сынок, — сказал он серьезно, — ты знаешь, что ты хороший наблюдатель и должен нести свою сигнальную вахту как следует. Внизу очень много людей, и их жизни зависят от того, как ты будешь нести эту вахту.

Парень кивнул и сглотнул.

— Так точно, сэр, — выдавил он. — А значит, и моя жизнь тоже.

Жилых помещений в Манитовоке не хватало, и мы ютились почти что в лачугах, но жизнь была незабываемо приятной после суровых месяцев боевых будней. Я еще никогда так не уставал, как в последние дни заключительного боевого патрулирования на «Поллак», и было необыкновенной роскошью расслабиться и вновь пожить, как казалось, почти нормальной жизнью. Пока мы там были, мои однокашники по академии начали принимать командование над своими новыми субмаринами, мне предложили вернуться на Тихий океан и там получить под командование подлодку. Но я знал, что война продолжится еще долго, я длительное время занимался «Хокбилл», чтобы чувствовать, что тут нужен; мне нравились ее офицеры, и я был уверен, что ее ждут большие победы; и я думал, что мне будет полезно сходить еще в один поход в качестве старшего помощника. Помимо всех этих уважительных причин, конечно же была одна перевешивающая все прочие — я не хотел сокращать время, которое я мог провести вместе с женой и ребенком.

"Хокбилл" была введена в строй примерно в середине мая и пару недель проходила испытания на озере Мичиган. Непривычное ощущение — погружаться в пресной воде. Никогда не думал, что будут какие-то различия, но они были. Во-первых, к нашему удивлению, мы узнали, что в пресной воде радио работало так же хорошо на большой глубине, как и на поверхности, в то время как в соленой воде оно становилось практически бесполезным, когда мы уходили на глубину. Во-вторых, мы не могли использовать один из наших стандартных тестов на наличие течи в корпусе лодки. В Тихом океане, если

кто-нибудь видел воду на палубе или она просачивалась через швы в подводном положении, он пробовал ее на вкус. Если она была соленой, то моряк знал, что лодка дала течь; если нет, то с ней было все в порядке. Нам понадобилось много времени, чтобы привыкнуть к тому, что этот способ не годился для озера Мичиган. Также было непривычно возвращаться после плавания в озере со льдом, покрывшим палубу. Было еще кое-что, с чем мы не встречались в Тихом океане.

Наконец мы вышли в море. Взяли курс на Чикаго, дошли своим ходом и были отбуксированы, когда шли через Чикагский дренажный канал. Затем, в Локпорте, штат Иллинойс, «Хокбилл» была помещена в своеобразный плавучий сухой док для того, чтобы быть в нем пущенной вниз по реке до Нового Орлеана. Я не совершал на ней этого путешествия по реке. В каком-то смысле я всегда сожалел об этом, потому что так чудесно было сидеть на палубе и читать о жизни Марка Твена на Миссисипи. Но был выбор: плыть вниз по реке на подлодке или ехать до Нового Орлеана на машине со своей семьей, и Марк Твен оказался на втором месте. Итак, мы покинули «Хокбилл» в Локпорте и 6 июня отправились в Мемфис. Едва мы двинулись в путь, как по радио началось вещание о дне высадки союзных войск на Атлантическое побережье Европы, и всю дорогу мы слушали сообщения о высадке войск в Нормандии. Перед еще одним предстоящим расставанием с семьей было особенно утешительным и воодушевляющим узнать о том, что переломный момент достигнут в войне в Европе.

Мы прибыли в Мемфис раньше «Хокбилл», и я договорился с береговой охраной о том, чтобы она доставила на ее борт меня и моего опекуна Уилсона Норткросса. Уилсон опекунствовал над Грайдерами после того, как в Первую мировую войну погиб мой отец, и проявил отеческую заботу об Энн в те дни, когда я был на Мэри-Айленд, а она ухаживала за своей умирающей матерью в Мемфисе. Мне казалось, что ему будет приятно поближе познакомиться с судном, на котором я уплыву из родных мест.

Служащие береговой охраны сказали, что нам придется покинуть плавучий сухой док и уйти на берег прежде, чем новая подлодка пройдет под мостом прямо к югу от делового района Мемфиса, потому что там кончается их юрисдикция и по причине, связанной с обстановкой военного времени, они должны покинуть корабль там. Поэтому Уилсон, еще один мой друг Сэм Ники и я сошли с буксирного судна, когда оно достигло Мемфиса, взобрались на палубу сухого дока и поднялись на борт «Хокбилл», чтобы постоять на ее палубе. Я думал, что останется время на то, чтобы спуститься вниз, поэтому проводил их к люку кормового

торпедного отсека. По пути вниз колено Уилсона ушло под одну ступеньку скобтрапа, а щиколотка попала под другую, и нога застряла намертво. Он висел так несколько минут, а мы, подойдя к мостику, поинтересовались, не отправится ли он, зависший в кормовом люке подобно торпеде, застрявшей в аппарате «Уаху», с нами в первое боевое патрулирование. Мы освободили его вовремя, к удовлетворению береговой охраны.

В Новом Орлеане у нас были замечательные проводы, продлившиеся четыре или пять дней. Сэм Ники, его жена, Энн и я ездили в центр города; там были жены или любимые всех других офицеров. Мы встретили Билла Вендела, моего соседа по комнате периода учебы в Военно-морской академии, который служил в Новом Орлеане командиром дирижабля. Билл демобилизовался после учебы в академии, а в военно-морской флот вернулся на время войны. Его дирижабль был задействован для того, чтобы сопровождать нас в залив после выхода из Нового Орлеана.

В те последние дни на берегу я научился ценить наших офицеров даже больше, чем когда был в Манитовоке. Они составляли чудесную компанию. Третьим помощником был Фред Такер, которому впоследствии предстояло спасти «Хокбилл» во время ее пятого выхода в море. Он вывел ее из мелководья, после того как лодка пережила бомбардировку глубинными бомбами и была выброшена на поверхность. Здесь были и Гейл Кристофер, и Лу Фокеле, и Джек Джексон, которые служили вместе со мной еще на «Поллак», и Эрик Шредер, и лейтенант Рекс Мерфи, один из самых солидных граждан, каких я когда-либо знал. Он вскоре нам понадобился в преодолении ситуации с одной из цистерн. Но теперь все мы веселились в Новом Орлеане до того, как наступит время расставания.

Билл Вендел со своим дирижаблем отправились опережая нас, а мы отбыли 16 июня. Но он не долго был впереди. Все пытался снизить дирижабль и быть достаточно близко к нам для того, чтобы спустить на нашу кормовую часть палубы кабель связи, и вместо того, чтобы оставаться впереди и высматривать подводные лодки, большую часть времени находился за кормой, направляя ругательные послания по светосигнальному аппарату, на которые я отвечал в том же духе. Я полагаю, это был хороший эскорт. Если какие-нибудь немецкие подлодки и находились в засаде у устья реки Миссисипи, они бы, наверное, побоялись атаковать из-за наших специфических маневрирований.

Первым нашим местом назначения была база подводных лодок в Бальбоа, в зоне Капала, и еще, прежде чем мы достигли его, нам неожиданно напомнили, что мы снова выступаем как часть воюющей нации. Мы проходили по Юкатанскому каналу

между Кубой и Мексикой, когда были обстреляны торговым судном неизвестной принадлежности.

Уорс Скэнлэнд увидел его первым. Судно было на расстоянии восемь миль, когда Уорс засек вспышки его орудий. Он повернулся к сигнальщику и сказал:

— Внимательно посмотри примерно в двух милях от нашего левого траверза.

Сигнальщик непроизвольно откликнулся:

— Слушаюсь, сэр, — и чуть не свалился с мостика от удивления, когда снаряды разорвались в паре миль поодаль.

Уорс подождал, когда судно произведет еще несколько выстрелов, а потом мы достали свой большой сигнальный прожектор и дали ему знак: "Прекратить огонь". Судно тут же прекратило обстрел.

В Бальбоа мы сделали остановку на период боевой учебы с многочисленными пусками торпед, и наш результат меткости оказался лучше обычного, по крайней мере в двух случаях, когда торпеды пускал я. Боеголовки наших учебных торпед не имели боезаряда и должны были идти под цель. Но в день, когда я совершал свое первое сближение и выстрелил в бедный миноносец, который всю жизнь охотился за подводными лодками, что-то не сработало в механизме контроля глубины. Торпеда пошла непосредственно под поверхностью, попала в миноносец и прошила его до машинного отсека. Миноносец доковылял до порта, был кое-как залатан и дня через три появился вновь. Я сделал еще один пуск торпеды, и, ей-богу, опять произошло то же самое. В нашем миноносце оказалось две пробоины, прежде чем мы достигли Пёрла.

Ночью мы встали на якорь у островов Пёрлес, где-то в Панамском заливе со стороны Тихого океана. Острова Пёрлес были приятным и тихим местом. Мы ни разу не уходили с лодки; вечерами сидели кружком и смотрели на луну или удили рыбу с борта.

Примерно в середине июля мы отправились в Пёрл, где провели еще около недели, занимаясь по-настоящему интенсивной боевой подготовкой, прежде чем дозаправились и отбыли в свое первое боевое патрулирование. Наиболее ярким моим воспоминанием об этой остановке в Перле была встреча с адмиралом. Нам предстояло стать частью передового отряда разведки в крупномасштабной операции флота. В предвоенный период полагали, что такая тактика будет главной в действиях подводных лодок, но к ней очень редко прибегали с началом боев. И вот командиры и старшие помощники были вызваны на инструктаж к адмиралу Локвуду.

Локвуд с некоторыми подробностями раскрыл нам планы союзников по высадке на Филиппинах и нашу роль в этих планах. На меня он произвел огромное впечатление. Адмирал был компетентным, внимательным и вполне непринужденным при высокой ответственности человеком, который излучал и вселял уверенность. Вспоминая его прежнее послание, в котором он сообщал Машу, что его фотография на пианино, я вновь почувствовал гордость за то, что служу под началом этого одаренного богатым воображением, мужественного и в полной мере человечного командира. И на меня вдвойне произвело впечатление то, насколько секретной была информация, в которую меня посвятили. Предполагалось, что мы отправимся в тот же день, но отбытие отсрочили до следующего дня, однако я боялся выходить за пределы базы в тот вечер, из-за того что был носителем таких важных сведений. Я остался на борту корабля.

В то время на Гавайях было и другое большое начальство, и мы на «Хокбилл» использовали это наилучшим образом. Приближался день выборов, и военно-морское ведомство под давлением конгресса делало все возможное для того, чтобы привлечь для участия в выборах военнослужащих. Рассылались многотомные инструкции о методах, которые можно использовать для того, чтобы сообщить морякам об их правах, помочь взять открепительные талоны и даже проинструктировать их по объективному подходу к спорным проблемам дня. Эта инструкция должна быть вручена, когда экипаж будет отозван в казармы.

Однажды, когда мы были отшвартованы у дока на базе подводных лодок, нас оповестили о том, что один из участников пресс-конференции на высоком уровне, которая проходила в Перле, собирался проехать по базе. Все старшие помощники должны были вывести экипажи на палубу, построить людей вдоль борта и приветствовать гостя, когда он будет проезжать мимо.

Возможность объединить две директивы была слишком хороша, чтобы ее упустить. Я вызвал на палубу экипаж «Хокбилл» и построил моряков. Они выглядели довольно шикарно для экипажа субмарины во время войны — все носили рубашки и шляпы. Я раздал им инструкции о том, как получить открепительные талоны, и коротко проконсультировал о проблемных вопросах, поднимаемых в ходе выборов. Попутно я не отрываясь смотрел на дорогу, которая пролегала по обе стороны дока. Когда оживление, которое возникло вдоль дороги, приблизилось к нам, я, делая свои замечания предельно лаконичными и используя свою способность чувства времени, которой всегда гордился, объявил:

— А теперь я хочу, чтобы вы, так же как выполняете свои обычные служебные обязанности на этой лодке, встретили одного из наших кандидатов.

Повернувшись в этот момент, я дал команду отдать честь, и взор каждого на борту обратился на Франклина Делано Рузвельта, проезжавшего мимо и махавшего нам в знак приветствия рукой.

Согласно приказу, мы должны были выйти из Пёрла, дозаправиться в Сайпане и выйти на позицию линии передового дозора к востоку от Филиппин, неподалеку от пролива Сан-Бернардино. Мы вышли 23 августа и пришвартовались к «Холланд», одной из наших плавучих баз подводных лодок, а через полторы недели — в Сайпане, для дозаправки и мелкого ремонта, и Уорс послал меня на плавучую базу гидросамолетов, чтобы взять кое-какие карты. Поднявшись в штурманскую рубку, я встретил флагманского штурмана и доложил ему о цели своего посещения. Тот крикнул находившемуся сзади высокому темноволосому офицеру:

— Слушай, Хэнк, пойди принеси мне такие-то и такие-то карты!

Я пробыл там, наверное, минут двадцать, и каждый раз, когда старпому было что-то нужно, он звал Хэнка. Я начал испытывать некоторую жалость к бедному малому, когда пригляделся к нему и узнал, что его зовут Генри Фонда. Годы спустя, когда я увидел его в "Мистере Робертсе", был сильно поражен портретом несколько раздраженного военно-морского офицера.

Наши большие надежды войти в боевой контакт с японским флотом не оправдались. Мы производили поисковые и разведывательные действия у восточных подходов к Филиппинам на протяжении большей части сентября, избегая самолетов и высматривая, не появятся ли корабли неприятеля, но они нам так и не попалась. В конце концов нам было приказано идти в район к западу от острова Формоза еще на несколько дней патрулирования, за время которого не произошло никаких событий. После этого мы направились еще дальше к югу, в Южно-Китайское море.

На этот раз там нас ждала удача.

Как-то около семи часов вечера — уже начинало темнеть — в перископ мы заметили большое грузовое судно с эскортом. Мы были на поверхности с выдвинутым на всю длину перископом, который использовали для обнаружения целей, полностью скрытых за горизонтом от ходового мостика. Мы сразу же стали маневрировать, чтобы выйти на позицию ночной надводной атаки. Через три часа мы были готовы и выпустили четыре свои

электрические торпеды.

Главным преимуществом электрических торпед, которые имела на вооружении «Хокбилл», было то, что они не оставляли за собой разрывного снаряда. Движение парогазовой торпеды обеспечивается воздушно-паровой тягой, в результате чего за торпедой тянется хвост выхлопов, которые поднимаются на поверхность в форме маленьких пузырьков. Эти пузырьки и оставляют кильватерный след, который виден на несколько миль, в то время как винт электрической торпеды приводится в движение электричеством, и она оставляет лишь невидимое для глаза небольшое завихрение в воде. Преимущество, особенно когда вы атакуете эскортный корабль, очевидно.

Но что касается точности попадания, наши торпеды подвели нас, или же нам не удалось нацелить их должным образом. Все четыре прошли мимо по причинам, которых мы никогда не установим. Мы развернулись кормой и выстрелили еще двумя из кормовых аппаратов, но и эти промазали. Даже без выдававших наше присутствие кильватерных следов торпед наша активность неизбежно привлекла внимание эскорта, и он повернул на нас.

Он был меньшего водоизмещения и менее быстроходным, чем эсминец. Оставляя его за кормой и запустив на полную мощь двигатели, мы смогли оторваться от погони. Но, проведя в море сорок пять дней и не встретив ни одного вражеского корабля, Уорс Скэнлэнд был не склонен отступить. После того как успокоились корабли эскорта, мы пошли на новое сближение, с конвоем в надводном положении, и немногим более чем через полчаса после первой атаки выстрелили еще тремя торпедами.

Они попали, и начался фейерверк.

Наша первая торпеда попала в кормовой трюм судна. Он уже был охвачен пламенем, когда еще примерно через десять секунд вторая торпеда угодила в носовой трюм. Пламя охватило все судно, и последовала серия мелких взрывов.

Мы с Уорсом стояли на мостике, когда примерно через минуту после попадания первой торпеды все внутри у меня сотряслось от мощного удара. Меня обдало жаром, и одновременно прогремел чудовищный взрыв. Мы держались, чтобы не упасть, и смотрели на картину, которая открылась нашему взору, с благоговейным ужасом.

Мы нанесли удар по судну с боеприпасами, вызвав фейерверк, перед которым демонстрация дюжины вместе взятых фейерверков по случаю 4 июля выглядит как пара светляков. Весь район утонул в огне. Белые и желтые языки пламени образовали огромный гриб, взметнувшийся на сотню футов вверх от торпедированного судна. Ракеты и трассирующие пули

вычерчивали причудливые рисунки в небе, а полыхающие обломки взлетали в воздух и, дымясь, падали в океан. Мы были свидетелями полного распада большого, тяжелогруженого судна.

Офицеры в боевой рубке столпились у выходного люка рубки, чтобы посмотреть. Уорс Скэнлэнд испытывал удовлетворение, напоминавшее жестокую радость Маша Мортона. Брат Уорса сражался в сухопутных войсках в Бирме, и наш командир, увидев, что это было судно с боеприпасами, сразу подумал, что этот груз мог предназначаться для использования в том самом районе, где был его брат.

Как будто желая внести свой вклад в пиротехническую феерию, развернувшуюся перед нами, эскортный корабль вдруг по непонятной причине стал выстреливать зелеными сигнальными ракетами предупреждения о подлодках в районе, в то время как обломки грузового судна, которое ему было поручено охранять, уже исчезли в воде. Но в следующее мгновение те из нас, кто смеялся над сигнальными ракетами, притихли. Эскортный корабль открыл по нас огонь 20-миллиметровыми трассирующими снарядами, и они со свистом проносились над мостиком. Взрывы раздавались в воде непосредственно вокруг нас. И все же Уорс не погружался. Он дал команду в дизельный отсек увеличить скорость, и мы стали медленно уходить из зоны обстрела. Прошел час, прежде чем мы снова могли вздохнуть свободно.

Вскоре после полуночи мы установили еще один контакт с противником. Радар засек большой корабль на расстоянии пятнадцати миль. Мы начали выходить на его курс. Когда вышли на дистанцию в пять с половиной миль, его уже хорошо было видно в бинокль — авианосец, эскортируемый двумя эсминцами, шел со скоростью семнадцать узлов.

Луна висела на нами, видимость была хорошей, а море довольно бурным. Уорс дал команду, чтобы двигатели работали на полную мощь. Но этого оказалось недостаточно; мы только едва могли сравняться с ним в скорости, а предпринимаемые в течение двух часов попытки выйти на позицию атаки не удавались. Очевидно, что у него самого был хороший радар, потому что на каждый совершаемый нами маневр он отвечал одним из своих контрманевров, заставлявших нас держаться на траверзе.

Это была такая привлекательная цель, и нам так хотелось ее достать, что мы почти забыли о миноносцах. В то время как судно, как за два часа до этого, все еще было от нас в пяти с половиной милях, мы вдруг обнаружили всего в трех милях от нас один из миноносцев, идущий к нам на всех парах.

На этот раз нам не оставалось ничего другого, как погружаться. «Хокбилл» ушла под воду на предельную глубину погружения и подверглась самой интенсивной атаке глубинными бомбами, которую мне когда-либо довелось пережить. Девятнадцать глубинных бомб взорвались почти одновременно. Нам пришлось настолько туго, что мы погрузились на сто футов ниже контрольной глубины, чтобы уйти от бомбежки. Развернувшись, японский миноносец пошел обратно для нанесения новой серии бомбовых ударов, но на этот раз бомбы взорвались не так близко. Он три часа преследовал нас, гудя и время от времени сбрасывая глубинную бомбу.

Ни одна из них не легла достаточно близко, чтобы доставить нам неудобства, но теперь мы обнаружили, что миноносец повинен в одной неполадке, о которой он и не догадывался, — вышел из строя клапан цистерны санитарной системы. Чтобы объяснить, что это значит, я должен доложить о достижениях военного времени, касающихся канализационной системы (а точнее, системы смыва) на подлодках.

Старая сложная система с закрытием бачка откидного клапана «А», открытием задвижки клапана «С» и так далее, прежде чем осуществлять промывание баллона гальюна сильным напором струи, уже больше не имела решающего значения. На подлодках более новой конструкции у нас появилась незнакомая доселе роскошь, довольно большая цистерна, встроенная в корпус носового торпедного отсека и известная под названием санитарной.

Баллон опустошается непосредственно в цистерну, в конце дня цистерна единожды продувается воздухом высокого давления в море, и дело с концом. Мы поминали добрым словом эту простоту много раз с того времени, как впервые вступили на борт «Хокбилл», но теперь нам предстояло узнать, что это достижение имело свою цену.

Санитарная цистерна защищена от давления толщи морской воды забортным клапаном. На случай протечки этого клапана прямо над ним находится разгрузочный клапан. Решение Уорса Скэнлэнда погрузиться ниже контрольной глубины, чтобы избежать глубинных бомб, сработало великолепно, по с одним исключением. Под возрастающим давлением забортный клапан протек и создал огромное давление в санитарной цистерне. Неожиданно около пяти часов утра разгрузочный клапан выполнил предназначенную ему функцию. Он поднялся и, распространяя невероятное зловоние, с грохотом начал разбрызгивать содержимое санитарной цистерны в носовом торпедном отсеке.

Я был в центральном посту, когда ворвался посыльный, за которым вился этот «аромат», чтобы доложить, что испортился разгрузочный клапан. За считанные секунды центральный пост и боевая рубка над нами настолько пропитались духом, который он принес с собой, что не было необходимости повторять его донесение наверх Уорсу.

Командир неохотно спустился через люк и осмотрелся в центральном посту. Его взгляд остановился на Рексе Мерфи, нашем солидном надежном лейтенанте, для которого никакая работа не была слишком трудной и самообладание которого было непоколебимо.

— Рекс, — сказал капитан, отводя взгляд, — я хочу, чтобы ты вошел туда и закрыл клапан.

Поддерживая свою железную репутацию, лейтенант Мерфи не произнес ни слова протеста.

— Слушаюсь, сэр, — сказал он, глубоко вздохнув, наклонил голову и ринулся сквозь миазматический туман в носовой торпедный отсек.

Там он пробрался к разгрузочному клапану и закрыл его. Ему пришлось стоять там и держать его закрытым примерно час. Это был один из самых героических поступков из когда-либо виденных мной за всю войну, и стоит отметить, что Мерфи была выражена особая признательность за его подвиг. Даже после того, как он принимал ванну двадцать раз в течение двух дней, каждый матрос и офицер на борту, завидев его, отдавал ему почести, так называемую "честь для Мерфи", — зажимая нос большим и указательным пальцами.

Мы всплыли около восьми часов утра после той памятной ночи, и вахта еще раз заметила авианосец. Погрузились в надежде выйти в атаку в подводном положении в дневное время. Он был теперь от нас всего в семи милях и без эскорта, и мы потратили добрых восемь часов для того, чтобы попытаться выйти на позицию залпа. Но он так и не отступил, не замедлил ход, но и не давал нам подойти достаточно близко для выстрела. Наконец примерно на закате мы полностью потеряли с ним контакт. Мы всплыли и возобновили поиск, но авианосец исчез за горизонтом, и мы больше его так и не увидели. В некотором смысле жертва доброго старого Мерфи была напрасной.

Полученные распоряжения предписывали нам покинуть этот район на следующий день после полудня и направляться в Австралию в компании с «Бекуной» под командой Хэнка Старра. Незадолго до зари «Хокбилл» маневрировала на поверхности моря по соседству с такой же, как она, подлодкой, а Уорс и Хэнк стояли на своих мостиках и обсуждали ситуацию при помощи

маленьких ручных мегафонов. В этом не было ничего особенного для подлодок, когда они действуют вместе, но вид двух субмарин, поднявшихся из глубины, когда вода все еще стекала с их палуб, стоящих бок о бок в неприятельских водах в то время, как их командиры обменивались устными посланиями, дал мне новизну ощущения странной, нереальной особенности подводной войны.

Было решено, что «Бекуна» будет вести боевое патрулирование примерно в течение часа, пока мы пройдем пролив Миндоро. Но не успели мы уйти из этого района, как «Бекуна» вошла с нами в радиоконтакт и сообщила о конвое к северу от нас. Через полчаса мы сами засекли его. Это был большой конвой, состоящий из двенадцати больших судов, танкеров и грузовых транспортов с тремя кораблями охранения. Еще не стемнело, и мы вышли в атаку.

Прежде чем успели занять боевую позицию, мы услышали, как ударили торпеды, выпущенные «Бекуной», и ад разверзся под конвоем. Суда стали менять курсы, а корабли эскорта — сбрасывать глубинные бомбы. Но мы были способны выйти на курс атаки по двум грузовым судам, выстрелив четырьмя торпедами в первом и еще двумя во втором залпе. Между залпами мы заметили, что подбитый «Бекуной» танкер тонет, а после выстрела по второй цели две наши торпеды попали в первую мишень. Мы повернули перископ, чтобы посмотреть на результат залпа по второму судну, и только увидели, что первая торпеда попала, как один из эскортных кораблей сбросил глубинную бомбу прямо под носовую часть «Хокбилл».

Этот самый взрыв сбил с ног моряков в носовом торпедном отсеке, но повреждения были незначительными. И все же нам пришлось прекратить наблюдение и уйти на глубину. В следующие два часа мы насчитали девяносто шесть глубинных бомб. Наступила темнота, и Уорс, который, казалось, чувствовал, что в погружении есть что-то постыдное, вернул нас вверх на первоначальную позицию, чтобы начать преследование оставшихся на плаву судов конвоя. Избежали торпед три судна, следовательно, Хэнк Старр потопил свое, а мы пустили ко дну или повредили два наших. Мы преследовали конвой почти до полуночи, в финале выйдя на боевую позицию и выстрелив тремя торпедами в большой пассажирский транспорт. За нами шли теперь все три эскортных корабля, конвой направлялся на опасное мелководье, а у нас не осталось торпед в носовых аппаратах. Поэтому, увидев и услышав, что одна из торпед попала в цель, и наблюдая облако густого черного дыма, окутавшего судно, Уорс устало вздохнул и дал команду следовать курсом к проливу Миндоро.

Мы засекли мачты еще одного конвоя рано утром следующего дня, когда направлялись в пролив и шли у него в кильватере среди бела дня и почти в пределах видимости близлежащих японских военно-воздушных баз. Но за несколько минут до того, как вышли в точку погружения для атаки, нас обнаружил неприятельский самолет, приблизился к нам и сбросил бомбу. Она не причинила вреда, но это означало, что мы не могли скрытно сблизиться с тем конвоем.

Тогда мы вошли в пролив Миндоро, прошли через море Сулу, через Макасарский пролив и Ломбокский пролив и, наконец, вышли в Индийский океан. Примечательно, что в течение всего пути от пролива Миндоро в Индийский океан мы не видели никаких японских судов или самолетов и шли не погружаясь. Мы потратили на это восемьдесят один час, что, конечно, можно считать быстрым ходом для подлодки в неприятельских водах.

Когда мы прибыли в Пёрл 18 октября 1944 года, я знал две вещи. Одной из них был примечательный рекорд боевитости, которую продемонстрировал Уорс Скэнлэнд в своем первом патрулировании на «Хокбилл», о чем свидетельствовали не только ее успешные атаки, но и тот факт, что за все время патрулирования мы ни разу не погружались на целый день. Другой вещью было то, что проверка моей собственной боевитости и умения руководить ждала меня впереди. Я теперь носил погоны командира. Мы заранее знали, что Уорс будет командиром во время этого похода, и купили ему головной убор и погоны, чтобы сделать сюрприз, когда придет приказ. Документы на его и на мое повышение пришли в один день, и я тоже получил погоны. Я знал, что в следующий раз выйду в море, вне всякого сомнения, в качестве командира своей подводной лодки.

Глава 11
Назначение

Не было такого другого города в мире, где так приветствовали подводников, особенно осенью 1944 года, когда наши подлодки демонстрировали ошеломляюще эффективные действия против японских военных кораблей и торговых судов. Адмирал Ральф У. Кристи, командующий подводным флотом юго-западной части Тихого океана, позаботился об этом. В Перте была его штаб-квартира и база для моряков, где они останавливались в короткие промежутки между боевыми походами, и если какой-либо адмирал и заботился о благополучии своих подчиненных, то им был адмирал Кристи.

Фактически в Перте не было никаких войск, ни военно-воздушных, ни сухопутных. Дивизионы Кристи действовали с плавучей базы, пришвартованной к доку в Фримантле, порту Перта, и, не считая экипажей нескольких британских подлодок, город принадлежал нам. Кристи придерживался теории о том, что способ заставить подводников эффективно действовать на войне состоит в том, чтобы устроить им шикарную жизнь, когда они восстанавливают силы, и он не жалел усилий, чтобы убедиться, что мы ни в чем не нуждаемся. Для каждой субмарины, прибывавшей после патрулирования, выделялась пара автомобилей один для рядового и сержантского состава, а другой для офицеров. У матросов была гостиница, которая находилась в их полном распоряжении, у младших офицеров — еще одна, а у командиров — пара бунгало в красивом жилом квартале, известном как Бердвуд.

А девушки были повсюду. У австралийцев был более строгий, чем у нас, взгляд на то, как воевать: все их мужчины ушли в 1939 году и так и не вернулись. В Перте было много, очень много девушек и вдов солдатов, убитых на войне, и очень мало крепких мужчин, за исключением подводников. Автомобилями, предназначенными для подводников, в дневные часы управляли исключительно привлекательные девушки. Красивые девушки были в клубах, магазинах, на улицах — и сплошь и рядом заводились романы. Не знаю, как много подводников, которыми командовал адмирал Кристи, женились на австралийках, но их число, мне кажется, было внушительным.

Гром недовольства начал раздаваться из Северной Африки, когда австралийские солдаты узнали о размахе этого мирного вторжения. Некоторые предприимчивые журналисты выступили с

серией взятых у женщин Перта интервью, в фокусе внимания которых был один некорректный вопрос: "Почему вы предпочитаете американцев австралийцам?" Женщины отвечали для прессы, что американцы гораздо более вежливы, что они встают, когда женщина входит в помещение, что они зажигают ей сигарету и посылают цветы и вообще относятся к ней с прекрасным романтическим чувством. Когда газеты из родного города попали к тем бедным австралийцам, которые так долго обливались потом в пустыне[4], эффект, произведенный ими, можно легко себе представить. Отношение к американцам, и особенно к подводникам, которое возникло у западноавстралийских военнослужащих, воевавших за морем, было прескверным. Я, например, склонен был уважать его и тогда, и позднее. Помню, вскоре после войны в Соединенных Штатах я ехал в поезде и был в военно-морской форме и в пассажирском вагоне с баром случайно повстречал четырех австралийцев. Из дальнейшей беседы выяснилось, что все четверо были из Перта. По знакам отличия они распознали во мне подводника. Через какое-то время один из них спросил меня с деланным безразличием, не доводилось ли мне бывать в Перте. Остальные заметно напряглись в ожидании моего ответа. Я посмотрел им всем в глаза и отрицательно покачал головой. — Нет, — сказал я с сожалением, — я никогда не был в Перте.

* * *

Известие о том, что поступил приказ о моем новом назначении, пришло даже скорее, чем я ожидал, фактически до того, как мы сошли на берег в Фримантле. Когда мы отшвартовались у «Юриэйл», нашей плавучей базы подводных лодок, адмирал Кристи поднялся на борт и пожал всем руку, а переговорив немного с Уорсом, он посмотрел на меня.

— Грайдер, — сказал он, — вам предстоит принять командование лодкой «Флэшер».

"Флэшер" была тогда самой быстроходной подводной лодкой, действовавшей в море у Перта, и мой восторг был сравним лишь с моими опасениями по поводу того, смогу ли я сдерживать ее прыть. Мой старый приятель по Мемфису Рубин Уитикер сделал из нее великолепную боевую машину. С января на ее боевом счету оказалось не менее четырнадцати японских судов от речных канонерок до легких крейсеров, транспорты и несколько грузовых судов огромного водоизмещения. Это был рекорд, который удержался после того, как все заявки были проанализированы и

сравнены с японскими рекордами. Показатели оказались самыми высокими за всю войну. Теперь, после нескольких выходов в море на «Флэшер», Рубин собирался вернуться в Нью-Лондон, чтобы преподавать в школе подводников. Перспектива получить командование над этой прекрасной лодкой от такого великого воителя и друга была более радужной, чем можно было мечтать.

Как перспективный командир, я был определен в Бердвуд и, когда достиг пика своей карьеры на флоте, на короткое время оказался в обстановке такой идиллической жизни, которую только мог себе вообразить во время войны. Каждое утро нас будил слуга, который подавал стакан апельсинового сока непозволительная в то время для большинства австралийцев роскошь. Затем следовал шикарный завтрак, состоявший из многочисленных деликатесов в дополнение к великолепному австралийскому пиву в бутылочках на четверть литра — напитку, подаваемому ко всем блюдам и в перерывах между каждой едой. После завтрака был целый день отдыха, не отягощенного никакими заботами.

В квартале Бердвуд обычно размещалось не менее двенадцати капитанов. По утрам мы бездельничали или ездили на пикник с друзьями из числа гражданских лиц — несколько супружеских пар старшего возраста и несколько молодых женщин обычно всегда были под рукой, для того чтобы скрасить отдых в дневное время, а к вечеру мы устраивали танцы, играли в незатейливые игры или сидели кружком и беседовали. Там я впервые увидел хоуки-поуки. Этот танец был криком моды в Австралии, и всем нам пришлось научиться исполнять хоуки-поуки.

Для человека, собирающегося принять командование, обстановка, которая складывается во время подводного плавания, с одной стороны, возбуждает, а с другой — бросает вызов. Меня окружали моряки, на счету которых имелись великие свершения и которых ожидали еще более великие дела. Герм Косслер с «Кавалльі», только что потопивший один из трех японских авианосцев в полной боеготовности, жил в соседней со мной комнате. Бот Мэдисон с «Минго» был рядом, он только что вернулся из драматической спасательной операции в водах близ острова Борнео. «Минго» спасла шестнадцать летчиков после тринадцатого удара Военно-воздушных сил США в операции «Освобождение» и на обратном пути по ошибке подверглась бомбардировке своими самолетами — участниками этой операции. Боб взял на борт и привез туземное каноэ, которым воспользовался один из тех летчиков, кого он спас. Каноэ предназначалось в качестве сувенира для офицерского клуба в

Фримантле.

Мой старый друг и однокашник Честер Нимиц-младший отбыл в ночь, когда прибыл я. Честер только что ушел с поста командира «Хаддо», на которой он потопил пять японских судов в течение тридцати дней своего прошлого патрулирования. Он уезжал в отпуск в Соединенные Штаты, чтобы вернуться для того, чтобы получить, во многом вопреки своей воле, должность в канцелярии адмирала Кристи. Он оставил у меня свои сумки для гольфа и предупредил, что адмирал был большим любителем игры в гольф.

Фрэнк Хэйлер, Фрэн Гринап и Бен Оукли также собирались покинуть Перт, когда прибыла «Хокбилл». Оукли на «Граулер» был командиром "волчьей стаи", в которую входили также «Хэйк» Хэйлера и «Хардхед» Гринапа. Нам тогда в последний раз довелось увидеть Оукли — «Граулер» вскоре пропала без вести в море, но всего через несколько недель я увижу Фрэна Гринапа в момент, когда он мне очень понадобится.

Они приходили и уходили, пока мы были на отдыхе: Пинки Баер с «Лапон», только что вернувшийся из похода, во время которого им были потоплены два грузовых судна и танкер; Джек Мартин с «Хэммерхед», пустивший ко дну пять судов в течение октября; и еще пять командиров, таких, как Си Остин с «Редфин», Дж. П. Фицпатрик с «Пэдл», Дэйв Белл с «Парго» и Вик Маккри с «Хоу».

И до того, как мы отбыли, прибыли еще два экипажа и принесли с собой одну из самых драматических историй года. Двойная команда прибыла в одной подлодке. Дэйв Макклинток с «Дартер» и Айк Клэггет с «Дэйс» вышли в море в одной команде под началом Макклинтока, чтобы действовать между северо-восточным Борнео и районом, не без причины прозванным "опасные мели" у острова Палаван. Они направлялись в самое ядро Второго императорского флота, который двигался к Палавану, чтобы противодействовать высадке войск Мак-Артура на острове Лейт. «Дэйс» потопила японский тяжелый крейсер «Майя». "Дартер" взорвала японский адмиральский флагманский корабль и тяжелый крейсер «Атаго», нанесла повреждения другому тяжелому крейсеру, а потом села на мель в рискованной попытке сблизиться для нанесения смертельного удара на мелководье. Клэггет направил свою лодку к беспомощной «Дартер» и спас всех подводников, которые теперь должны были быть отправлены в Штаты в качестве экипажа, получающего новую подлодку.

С такими, как эти, людьми, которые прибывали и убывали на моих глазах, я чувствовал радость, как отражение их славы, и

меня охватывало сомнение в том, смогу ли когда-либо сражаться с таким же, как у них, боевым духом, когда выйду командиром лодки в море. Одно дело — быть старшим помощником, и совершенно другое — подняться на ступеньку выше, когда придется принимать окончательное решение. Я часто ложился спать с сумбуром в голове, анализируя свои возможности.

Моряки рассказывали истории и более веселые, подобно версии Фрэна Гринапа о том, как он нашел Банки Бакутиса. Банки был авиатором, старым другом Гринапа и участвовал в нанесении удара с воздуха, атаковав с бреющего полета японский линейный корабль. Когда он пролетал, орудия эскорта с дальней стороны накрыли его, и он совершил посадку в море Сулу за много миль от суши. Банки был мужественным человеком. Он не запаниковал, выбросил на воду свой маленький одноместный спасательный плот и плавал на нем два или три дня. Однажды ночью «Хардхед» случайно проходила мимо по пути на базу. Была темная ночь, и офицер на палубе засомневался, когда сигнальщик-наблюдатель сообщил ему, что они проследовали мимо маленькой лодки. Оператор радара тоже засек ее, и они подошли к плотику Банки. К этому времени Фрэн был на мостике. На плоту не было никого видно, но они сделали еще один подход и на этот раз позвали:

— Есть ли тут кто-нибудь?

Банки прокричал в ответ:

— Я американский летчик! Давайте сюда и возьмите меня.

Фрэн был поражен, услышав неожиданно знакомый голос, и взглянул еще раз.

— Банки! — проревел он. — Что это ты здесь делаешь?

И Банки с выражением большого радушия откликнулся:

— Здорово, Фрэнсис!

Они подобрали его и на следующий день утром переправили на «Энглер» Фрэнка Хесса для отправки обратно в Перт. Гринапа заинтересовало, почему Банки не окликнул его в первый раз, когда они проходили мимо. Оказалось, тот плыл себе в неприятельских водах океана и безмятежно спал, похрапывая.

Был там и австралийский диверсант, известный под именем Дикий Билл Дженкинс. Это был одинокий волк на войне. Подлодки брали его на Борнео или на другой занятый противником остров и высаживали на берег, и он оставался там на два или три месяца, вступая в контакт с повстанцами и производя сумятицу в тылу противника настолько, насколько позволяли его возможности, потом по радио договаривался о встрече. Подлодка подбирала его в назначенном месте и доставляла обратно в Перт для подготовки к новому рейду. Он

говорил о своих подвигах таким же тоном констатации факта, как домохозяйка обсуждает свой поход в бакалейную лавку.

Адмирал пригласил меня на обед и спросил, не хотел бы я сыграть партию в гольф. Я никогда не был хорошим игроком в гольф, но в нынешнем состоянии радостного оживления меня ничто не могло остановить. Я поспешил обратно в Бердвуд за клюшками, которые мне одолжил Честер, и вернулся за адмиралом. Как оказалось, хорошо, что он не судил о достоинствах своих командиров подлодки по тому, как они играют в гольф. Он играл превосходно, а я ужасно плохо. Площадка для гольфа была сооружена на склоне горы, и в своих старых армейских ботинках я не смог даже взобраться по проходам, не соскальзывая назад. Я набрал около 175 очков и полагал, мне очень повезло, что, несмотря на это, мои обещанные документы на командование «Флэшер» были получены без проблем.

В течение нескольких следующих дней, в то время как Рубин Уитикер ожидал официального освобождения от обязанностей командира, он и я часто засиживались за беседой у огня в нашем коттедже в Бердвуде, и он вкратце рассказал мне о «Флэшер» и ее офицерах. Затем в последний день октября я сменил его, посадил на самолет, вылетающий домой, и отправился на борт «Флэшер», чтобы постараться привыкнуть к обращению «командир». Все, что мне удавалось сделать, — так это изображать глупую усмешку на лице каждый раз, когда я слышал это слово.

Моим старшим помощником был Фил Гленнон, основательный и умелый парень, который влюбился в очаровательную австралийскую девушку и надеялся жениться на ней по возвращении из следующего выхода в море. Снэп Коффин был инженером и третьим помощником. За ними следовали Том Бек, Маккэнтс, Кико Харрисов, Джим Хэмлин и наш единственный лейтенант Эдди Эткинсон. Все они по крайней мере один раз выходили на патрулирование на «Флэшер», и Рубин очень мне их хвалил. И когда мы стали тепло приветствовать друг друга, я был в восторге, обнаружив, что нахожу с ними взаимопонимание.

Странно было осознавать, как это наверняка делает каждый новый командир подлодки, что эти люди вообще-то поначалу слегка робели передо мной, точно так же, как Роджер Пейн и я и все остальные немного робели перед Машем Мортоном, когда он впервые ступил на «Уаху». В конце концов, я был для них загадкой, и их безопасность, так же как эффективность их действий, зависела от меня. Я сделал преднамеренную попытку в последовавшие дни проведения боевой подготовки быть

легкомысленным во всем, что делал, и проявлять неуверенность в чрезвычайных ситуациях. Однажды, когда мы разворачивались на Суон-Ривер в Фримантле, я нарочно позволил «Флэшер» почти проскользнуть назад в противоминную сеть, рассчитав по времени команду "Полный вперед на две трети" таким образом, чтобы вырваться примерно на ярд, прежде чем гребной винт запутается в сети. Это предполагало продемонстрировать огромную роль такого качества, как хладнокровие, но Фил сказал мне позднее, что это не на шутку встревожило офицеров.

Мы узнали друг друга поближе за те шесть дней, во время которых проводили тренировочные упражнения и сделали пару выстрелов учебными торпедами. 15 ноября «Флэшер» вышла в свой пятый поход, и я впервые оказался перед лицом чрезвычайной ответственности в качестве ее командира.

Каждый, кто когда-нибудь брал на себя командование каким-либо судном, должен был пережить такой же период адаптации, который мне выпало пережить на «Флэшер». В любой другой ситуации на войне, в которой оказывался, я знал, что рядом со мной был человек, который принимал окончательное решение и брал на себя главную ответственность. Я уже привык к тому, что звал командира в любой чрезвычайной ситуации. Теперь наступил момент, когда звать мне стало некого, более того, звать будут меня. Это было восхитительно — стоять на мостике, смотреть на «Флэшер» и знать, что она вся моя, но одновременно тревожило чувство одиночества и беспокойства.

Нам предстояло отправляться в путь в компании с «Бекуной» и «Хокбилл» на раннем этапе патрулирования. На «Хокбилл» с Уорсом Скэнлэндом был капитан 3-го ранга Е.Х. Брайант, командир нашей "волчьей стаи", которому предстояло принимать главные решения, касающиеся наших передвижений, до тех пор, пока мы действуем в «стае», но, когда кто-нибудь из нас найдет добычу, сражение будет вести самостоятельно.

В первую неделю, когда мы шли из Перта вверх, к западному побережью Австралии, вокруг мыса Норт-Уэст-Кейп и до Дарвина, не произошло никаких событий. Мы упражнялись в одной команде с «Хокбилл» в прокладке маршрутов, в сближении в надводном и подводном положениях и тестировании нового электронного оборудования. Меня поразило открытие, что у командира так мало работы, и в определенном отношении для меня это было плохо, так как оставляло слишком много времени для самоанализа. Я поймал себя на мысли, что беспокоюсь о том, как бы не простудиться, ведь это повлияет на мою боевитость. Я беспокоился по поводу того, что много ем, но заметил, что не могу заснуть, если не съем перед этим горсть арахиса и конфету.

Если я хорошо засыпал, то беспокоился о том, что не сразу проснусь в случае чрезвычайной ситуации; если же спал плохо, беспокоился, что не высплюсь и не буду бодр. Стремясь отвлечься от мыслей о себе, я развернул соревнование по игре в крибидж на все время патрулирования с Филом Гленноном и работал над планами относительно того, как опередить «Хокбилл» в наших учениях.

Однажды после полудня, совершая сближение в подводном положении на своей старой лодке, нам удалось подкрасться и всплыть на дистанции, удобной для торпедной атаки, и я направил Уорсу насмешливое послание: "Бах! Ты покойник!" Он ответил следующим: "Этого может быть достаточно для того, чтобы потопить новичка". Было трудно осознать, что эти детские игры — всего лишь краткий перерыв перед реальным боем. Мне приходилось все время напоминать самому себе, что впереди нас ждут не игры, что глубинные бомбы несут смертельную опасность. Однако, подобно толстовскому герою, поймал себя на мысли о том, что никто на самом деле не захочет убить такого прекрасного человека, как я.

Страна, мимо которой мы шли, была одной из самых изолированных и заброшенных в мире, а сам город Дарвин, куда мы прибыли, оказался отдаленным населенным пунктом, со всех сторон окруженным пустыней и джунглями, все еще сохранявшим шрамы японских бомбовых атак начала войны. Несколько нефтяных барж притулились среди затонувших судов, все еще загромождавших гавань, и с помощью двух других судов мы пришвартовались, чтобы дозаправиться, и сошли на берег. Уорс, Хэнк и я составили компанию, чтобы выпить пива. Мой главный старшина-рулевой и два помощника трюмного машиниста пошли навестить брата рулевого, который остановился в Дарвине, а когда пришло время отправляться в путь, они все еще не вернулись.

Я всегда гордился своей пунктуальностью, и отсрочка в самом начале моего первого похода в качестве командира привела меня в бешенство. Я бы оставил их в Дарвине, но они были хорошими людьми, опытными подводниками и незаменимыми членами команды. Поэтому мы ждали и волновались еще двадцать минут, пока они наконец не объявились. Они остались без средства передвижения, так как автобус, на котором они думали вернуться обратно, не ходил. Все еще чувствуя себя не в своей тарелке при виде экипажа своей прежней лодки «Хокбилл», стоявшей у причала, в то время как мы задерживались с отплытием, я отчитал их за задержку и обещал оставить на лодке, когда мы вернемся в Перт. К тому времени,

когда мы вернулись из этого похода, я, конечно, уже давно забыл об этом проступке, но в тот день в Дарвине воспринял опоздание как зловещее предзнаменование. Мы отбывали так, будто встали не с той ноги. Не пойдет ли и дальше все кувырком?

Теперь мы шли, не предполагая в дальнейшем делать никаких остановок. Миновали Малайскую гряду островов, Макасарский пролив и море Сулу и вышли в Южно-Китайское море, через проход у Филиппин на нашу промежуточную базу. Что касается встречи с противником, это было путешествие без происшествий, скуку развеивали лишь случайные самолеты, гребные суда и миражи. Но миражи могут доставлять много неприятностей. Поверхность воды в море Сулу настолько гладкая и неподвижная, что похожа на оконное стекло, и от этого возникают поразительные эффекты. Бревно, плывущее в воде, иногда различимо за двенадцать — пятнадцать миль, и наблюдатель может поклясться, что видит корабль. Радар его не засекает, по иллюзия зачастую настолько убедительна, что нам остается только стискивать зубы и плыть навстречу, пока он не покажется на горизонте и мы его не распознаем.

Через три дня пути после выхода из Дарвина мы столкнулись с реальной неприятностью механического свойства — оказалось неисправным вычислительное устройство расчетов торпедной атаки. Мы устраняли неполадки почти два дня, в то время как у меня крепла уверенность в том, что все в этом патрулировании идет не так, как надо. Наконец стало ясно, что мы не отремонтируем его без необходимых запасных частей.

Не слишком надеясь на успех, я направил донесение с просьбой о помощи от какой-нибудь следующей на юг подлодки. Перт ответил почти сразу, направляя меня на встречу с подлодкой «Хардхед» моего однокашника Фрэна Гринапа примерно за сто миль на север от того места, где мы находились. Примерно в час следующего дня «Флэшер» и «Хардхед» сошлись борт к борту, Фрэн передал мне необходимые детали, и мы были готовы двигаться дальше. Мы получили запчасти, когда не прошло и пяти часов после нашей просьбы о помощи, и за две тысячи миль от ближайшего дружественного нам порта — лучшее обслуживание, как я отмечал в своем рапорте, чем можно было бы ожидать даже на плавучей базе.

На позиции в восточной части Южно-Китайского моря три подлодки нашей «стаи» расположились на расстоянии примерно двадцать миль друг от друга. Потянулись бесконечные часы несения позиционной и дозорной службы. Поначалу все шло спокойно, и я вновь поймал себя на том, что анализирую, не подвержен ли колебаниям мой боевой дух. Один день я был

нервным, как кот, и совершенно лишенным уверенности в себе; на следующий день чувствовал в себе силы задать трепку всему японскому флоту. Я решил более строго придерживаться режима сна, есть не так беспорядочно и даже следить за тем, что читаю. Я тогда запоем читал книгу Ли «Лейтенанты», но не пренебрегал и более легкой литературой, и нетрудно было обнаружить, что великое творение Дугласа Саутхолла Фримана не было обделено вниманием. Читая об этих людях, проявивших бесстрашие в другой войне, утешая себя тем обстоятельством, что они тоже не были застрахованы от ошибок и все же выходили победителями из трудного положения, я стал чувствовать большую уверенность в себе. В положении командира человек может найти огромное утешение в осознании того, что просчеты не являются исключением во время войны; что, наоборот, большинство действий производится на основании принятия во внимание ряда ошибок, неожиданных факторов и непредвиденных обстоятельств.

Поистине непредвиденным было обстоятельство, ввергшее нас в первую схватку, — мы сбились с курса.

В течение нескольких дней, когда мы с все возрастающим напряжением вели поиск противника, небо было затянуто облаками. Видимость оставалась настолько плохой, что мы были не в состоянии точно определить свое местонахождение. Но 4 декабря рассвет выдался ясным и ярким. В утренних сумерках я поднялся на мостик с Филом Гленноном и увидел, как он старается получше разглядеть звезды; затем, когда он спустился вниз, чтобы произвести обсервацию, я пошел в кают-компанию выпить кофе.

Фил возвратился через несколько минут и выглядел довольным.

— Я сделал точную обсервацию сегодня утром, командир, — сказал он. — Мы находимся примерно на пятнадцать миль западнее того места, где должны были быть.

Теперь можно с облегчением вздохнуть уже только оттого, что мы знаем, где находимся. Несколько миль способны совершенно все изменить, когда вы действуете в связке.

— Отлично, — сказал я. — Нанеси координаты корабля на карту и дай мне знать, когда мы вернемся на позицию.

Фил кивнул и склонился над планшетом, а я поднимал очередную чашку кофе, когда вошел вестовой и протянул мне донесение из радиорубки.

Оно было от Уорса Скэнлэнда на «Хокбилл», и внутренний голос подсказал мне, что это важная новость. Вот оно, подумал я. После Кико Харрисона я почувствовал, как волосы встают дыбом у меня на голове.

Кико вскрыл маленький черный ящик и начал дешифровку. Первым словом было «Контакт».

Уорс обнаружил конвой, большой конвой. Он сообщил свой курс, скорость движения и добавил с характерным для него сарказмом: "Ты займешься эскортом, а я — более легкой поживой". Но когда мы сопоставляли местонахождение конвоя с нашим собственным, Фил и я посмотрели друг на друга и усмехнулись. Благодаря нашей позиции в пятнадцати милях от базы мы оказывались прямо перед конвоем. При некоторой удаче по крайней мере кое-что из этой «поживы» — крупные суда — будет нашим.

Я соскочил со своего места в кают-компании и бросился в боевую рубку. Фил был позади меня. Пока бежал, я ощущал, как меняется атмосфера в лодке. Моряки «Флэшер» чувствовали: что-то должно произойти, и, даже не получая команды, стали спокойно расходиться по своим боевым постам.

Том Маккэнтс занялся управлением. Через люк я дал ему указания повернуть «Флэшер» таким образом, чтобы мы были обращены к конвою, и поднял перископ на всю длину.

И вот они появились. Я сразу же различил мачты японских судов, направлявшихся к нам.

С его позиции на мостике Тому они видны не были, и Фил сообщил новость наверх через люк, в то время как я стоял в боевой рубке, где было спокойно, ощущая прилив крови к лицу и зная, что испытание, о котором я мечтал, которому хотел подвергнуться и по поводу которого испытывал беспокойство с самых первых дней обучения в Военно-морской академии, наступило наконец для меня. Настал день, когда мне предстояло командовать в боевой обстановке. Как мне при этом действовать?

Через мгновение я повернул «Флэшер» и вел ее параллельно конвою достаточно долго для того, чтобы сверить его курс и скорость и дать взглянуть Филу. Уорс определил его безукоризненно. Фил спустился вниз, чтобы дать ему знать, что мы вошли в контакт и атакуем, а я некоторое время оставался в рубке с ощущением полного одиночества и смотрел в перископ на мачты неприятельских судов.

— Ладно, — сказал я наконец. — Направь ее на них.

— Слушаюсь, сэр, — откликнулся Том с мостика. — Лево на борт.

Мы развернулись на 180 градусов.

— Погружай лодку, Том.

Он ударил по кнопке тревоги, и трое сигнальщиков скатились в люк, когда мы начали спокойное погружение. Том последовал за ними и захлопнул за собой люк, а старшина-рулевой схватил

штурвал люка, чтобы наглухо его задраить.

Том испытующе посмотрел на меня, когда спускался по трапу. Он не видел конвоя, но в общем-то знал, что было впереди, и я читал на его лице тот же вопрос, что и на лицах других моряков, пока мы выходили на боевые позиции: как-то поведет себя этот парень во время своей первой атаки?

Фил вернулся в боевую рубку, снял прибор "есть — был" с крюка и повесил на шею, почти сразу же начиная устанавливать на нем курсы и скорости. Том пошел назад к портику в углу кормовой части и начал опускать рычажки включения вычислительного устройства расчетов торпедной атаки (ВУРТА). Когда смолк звон «кланг-кланг-кланг» сигнала боевой тревоги, скрип механизмов ВУРТА разнесся по боевой рубке.

Эдди Эткинсон, наш помощник торпедиста, подошел и посмотрел на меня так же, как Том, когда шел назад, чтобы приготовить ВУРТА. В ответ я окинул его ничего не выражающим взглядом, чувствуя, что мое лицо неподвижно и напряжено. Двое рулевых подошли, чтобы помогать одерживать лодку на боевом курсе и контролировать ее ход при помощи лага; долговязая фигура Кико Харрисона взметнулась вверх по трапу — он пошел на корму, встав возле Эдди и Тома в качестве своего рода помощника по общим вопросам. Мне было слышно, как внизу, в центральном посту, Снэп Коффин спокойно разговаривал с одним из своих рулевых-горизонтальщиков.

Всего на мгновение, пока мы дифферентовали лодку на перископной глубине, я оглянулся на этих людей, с которыми был знаком еще так мало, но которые были мне близки. Мне казалось, что я знаю о них все, что у них за семьи, сколько у них детей, каковы их надежды и устремления, и, когда думал об этом, вновь говорил себе: "Как одиноко мне сейчас". Подсознательно я все еще искал человека, который будет отдавать главные команды. Но на сей раз этим человеком был я, и лица окружавших меня людей возвращали ответственность тому, у кого она должна быть таким бесповоротным и ужасным образом.

Один из рулевых взялся за лебедку, которой поднимается и опускается перископ. Я выкинул большие пальцы рук вверх, перископ заскользил вверх, и я посмотрел в него.

Погода ухудшилась. На море опустились дождевые шквальные облака. Во всяком случае, у меня не было надежды рассмотреть цели, потому что они все еще были в нескольких милях, но дождевые шквалы беспокоили меня. Если они не рассеются, то мы окажемся в трудном положении.

Слабое «пинг-пинг» — послышались позывные гидролокатора. Пока я слушал, звук стал громче. Работал

гидроакустический пеленгатор противника.

По крайней мере на протяжении того времени, когда вокруг нас дождь, нам придется действовать вслепую, получая сигналы от ВУРТА, выдававшего данные о дистанции по взятому курсу и скорости целей, которые мы ввели в него после нашего последнего наблюдения перед погружением. И пока мы шли по морям сквозь пелену дождя, слыша, как звук японского сонара становился все громче, у меня появилось чувство разочарования. Это будет скомканная атака. У меня не хватало терпения продолжать действовать в таких условиях. Почему мой первый бой должен быть таким?

В перископ не было видно ничего, кроме дождя. Я оставил его и сделал два шага назад взглянуть на показания ВУРТА и обсудить их с Филом и Томом.

— Дайте шумопеленг на противника.

— Один винт, пеленг ноль один пять, относительный, командир.

— Насколько это верно, Том?

— Все правильно, командир. Он мог пойти зигзагом влево.

— Хорошо. Следи за ним.

Это была игра в угадайку. Мы не знали даже, что это были за цели; во всяком случае, не могли их все обнаруживать по ВУРТА и не могли определить по звуку, слышим ли мы главную цель или одну из них.

Я вернулся, чтобы еще раз попробовать взглянуть в перископ. Опять дождь. В раздражении я крикнул через люк Снэпу Коффину, находящемуся в центральном посту:

— Подними мой перископ еще на три фута выше, Снэп!

— Слушаюсь, сэр.

Перископ выдвинулся выше, но это ничего не дало.

— Бесполезно. Верни его обратно вниз. Игра в прятки — односторонняя игра, как мы надеялись, — продолжалась.

— Все еще ни зги не видать. Каков пеленг?

— Шум винтов на высокой скорости, относительный пеленг ноль один ноль, сэр.

— На что, по-вашему, похож их шум?

— Скорость высокая, капитан, вероятно, миноносец.

— Проклятье! Куда он направляется? Почему не прекращается дождь?

Том Маккэнтс суетился у ВУРТА.

— Расстояние, согласно полученным данным, две тысячи пятьсот ярдов, командир.

Мы теперь сближались, подходили на опасно близкое расстояние. Через гидролокатор нам был слышен шум винтов, а

шум сонара стал оглушительным. Они нас засекли, думал я; они знают, что мы здесь, и они идут за нами. Почти как безумный я крутил перископ. Ничего, кроме тяжелой непроницаемой завесы дождя во всех направлениях.

— Если мы его скоро не запеленгуем, он нас достанет.

Никто не отвечал. На секунду, разозленный молчанием, я решил оторваться от перископа, схватил Фила и подтолкнул его к нему со словами:

— Ладно, взгляни ты. Думаешь, что я делаю это не так, как надо? Попробуй сам!

А затем неожиданно появился серый силуэт, смутно вырисовывающийся в дождевом шквале, — действительно миноносец, и очень близко.

— Вот он! Дайте пеленг!

— Ноль один пять, относительный! — Голос Фила был точно наэлектризован.

— Дайте дистанцию!

— Две сто.

— Готово! — Голос Тома звучал столь же возбужденно, как и у Фила.

— Это эсминец, — сказал я им. — Курсовой угол 30 градусов правого борта.

— Готово! — И Том занес данные в ВУРТА. Теперь все для меня изменилось. То мгновение, когда я увидел серые очертания в пелене дождя, стало для меня как первый удар по мячу в футбольном матче. Страх, заторможенность, чувство неуверенности, которые сдерживали меня, исчезли. Это была цель, это было то, противодействовать чему меня готовили, и я реагировал на нее почти автоматически, так же как каждый из нас.

— Опустить перископ… Право на борт! Нет времени думать, что он будет над нами, если мы не попадем в него, нет времени интересоваться, где находятся остальные суда конвоя. Не остается ничего другого, как развернуть корабль так, чтобы мы могли относительно прямо навести торпеды и опередить его с выстрелом.

— Есть взять руль право на борт!

Я смотрел на спину рулевого, в то время как он поворачивал руль, потом взглянул на индикатор поворота руля и отметил, как ужасно медленно «Флэшер» поворачивает вправо. Нам нужен был более быстрый поворот.

— Стоп, право руля. Лево руля, полный вперед.

Лодка начала поворачивать быстрее, издавая шум, который мог услышать противник. Но это был наш последний шанс на

хороший выстрел.

Я на мгновение отступил назад, чтобы посмотреть, какой ответ на задачу выдает ВУРТА, где одна маленькая шкала отражала данные на неприятельский корабль, а другая показывала, каким образом «Флэшер» поворачивала, пытаясь выйти на пересечение курса этого корабля. Мы поворачивали недостаточно быстро, чтобы завершить поворот вовремя.

— Ладно, — неожиданно сказал я. — Будем стрелять на повороте.

Если вы стреляете под большим углом и дистанция потеряна, то промахнетесь. Все, на что я мог надеяться, — это то, что мы определили дистанцию до него настолько точно, что при выстреле, в то время как «Флэшер» все еще поворачивает в воде, по крайней мере одна из торпед попадет.

— Приготовиться взять окончательный пеленг… Поднять перископ.

— Пеленг на цель ноль два семь, относительный. — Когда рулевой поднял перископ, Фил взялся за его рукоятки сзади и установил его прицельную линию по относительному пеленгу. Я прильнул к нему глазом, и передо мной оказалась цель.

— Товсь.

Голос Эдди Эткинсона прозвучал хрипло в установившейся тишине:

— Первый готов.

— Первый, пли! — выкрикнул команду, в которую вложил весь пыл, и опасение, и надежду одного из самых важных моментов в своей жизни.

— Второй, пли… Третий, пли… Четвертый, пли! — Мой голос перерос в гортанный звук, который несколько испугал меня самого.

В тот момент, когда вышла четвертая торпеда, я повернул перископ и обнаружил проблему.

— Дайте пеленг! На нас идет эскортный корабль… Дайте пеленг! Там еще один.

Удар!

Первая торпеда попала в миноносец, и, даже когда я поворачивал перископ, чтобы посмотреть, чувство восторга, какого я никогда еще не испытывал, охватило меня. Ей-богу, теперь я заслужил звание командира, независимо от того, как развиваются события. Если мы так никогда и не выполним чего-нибудь еще, даже если никто из нас никогда не увидит следующего дня, мы оправдаем нашу боевую учебу, стоимость нашей лодки и то, что пожертвуем своими жизнями. Субмарина на миноносец — это достойный обмен.

Удар!

Вторая торпеда попала, в то время как я поймал миноносец в перископ. Я увидел его ватерлинию в то время, как он буквально вылез из воды. Все судно содрогалось. Я знал, что оно обречено.

Я продолжал поворачивать перископ. Дождь стих, видимость улучшилась, и, когда я напряженно всматривался, новая волна возбуждения вдруг охватила меня. Прямо по направлению к нашей корме на четверть румба с левого борта находился танкер, который мне показался самым огромным танкером в мире.

— Цель! Вижу танкер!

— Пеленг два один семь.

— Есть.

— Курсовой угол тридцать левого борта.

— Есть.

— Возьми скорость в двенадцать узлов, Том.

— Есть, сэр. Готово.

— Кажется, довольно далеко. Я бы сказал — около двух тысяч пятисот ярдов.

— Полагаю, что так, капитан.

— Боевая готовность.

Все произошло молниеносно. Я на минуту оторвался от перископа и испытующе посмотрел на Фила:

— Думаешь, нам следует стрелять, Фил? Было бы здорово, но диспозиция хуже некуда.

Она была никудышной, потому что при двух сторожевиках, идущих к нам на всех парах, не оставалось времени ни на что. В результате разворота прямо на залп по миноносцу корма нашей лодки оказалась на одной линии с танкером, что благоприятствовало выстрелу, но единственный мгновенный взгляд на него был недостаточен для того, чтобы произвести точный расчет к атаке. Нам пришлось бы стрелять по приблизительным расчетам и уходить на глубину в спешке. Более того, танкер почти наверняка стал бы поворачивать, увидев, что его атаковали.

— Давайте попытаемся, командир.

— Хорошо. Кормовые, товсь.

— Есть кормовые.

Я знал, даже не оглядываясь, что ладонь Эдди Эткинсона лежит на рычаге управления огнем.

— Приготовиться…

Я осторожно навел крестик перископа на срединную часть танкера.

— Седьмой, пли. Подними мне выше, Снэп!

Внизу, в центральном посту, Снэп отчаянно боролся с

дифферентом с того момента, как мы сделали четыре быстрых выстрела по миноносцу. При всех маневрированиях и теперь еще при выпущенной из кормового аппарата торпеде, перископ у него сразу же ушел под воду.

— Есть, сэр. Прибавляю скорости.

— Полный вперед на две трети. — Корабли эскорта были уже слишком близко для того, чтобы я успел взглянуть еще раз. — Ладно, дать залп из четырех торпед.

— Есть, сэр.

Торпеда из восьмого аппарата вышла в режиме автоматически производимого залпа, и перископ вновь вырвался на поверхность.

— Проконтролировать залп! — приказал я. — Он отворачивает.

Танкер неуклюже менял курс влево. При недостаточно точном расчете и лишь приблизительном определении дистанции до него и его скорости с самого начала было бы глупо тратить новые торпеды.

— Дайте пеленг! Сторожевики идут почти прямо на нас. Заполнить быструю! Глубокое погружение. Приборы и механизмы в режим атаки глубинными бомбами.

В тот же момент, как я произнес эти слова, рулевой дотянулся до выключателя и отключил электрический вентилятор в боевой рубке, а я вновь подумал, каким абсурдным может показаться этот факт подводных будней отключение электромотора мощностью в одну восьмую лошадиной силы, чтобы его не было слышно эскортным кораблям. Внизу, на глубине, нам было слышно, как лязгали рычаги, когда рулевой-горизонтальщик переходил с электрического на ручной привод носовых и кормовых рулей, и как вдруг стихли электродвигатели системы регенерации воздуха. Перестали гудеть электродвигатели системы освещения, когда мы переключились на аварийное освещение. Был отключен даже электропривод рулей управления, и рулевой плавно перешел на ручное управление. Гребные винты все еще работали, обеспечивая две трети максимальной скорости во время нашего погружения, потому что корабли эскорта видели наш перископ, и какое-то время ради скорости стоило не обращать внимания на шум винтов.

А затем, когда наш моральный дух начинал падать, пока ждали взрыва первой глубинной бомбы, мы услышали через корпус лодки отдаленный грохот и через шесть секунд еще один.

— Никогда бы не подумал! — Фил перевел дух. — Мы попали в него!

Мы в изумлении посмотрели друг на друга. По всем правилам те торпеды не могли попасть, но было ясно, что они попали.

— Знаете что? Мы, должно быть, неправильно определили его скорость, а поворот замедлил его ход как раз настолько, чтобы компенсировать ошибку!

Я подумал о некоторых ошибках, которые во время Гражданской войны помогли одерживать победы.

— Фил, — сказал я, — скажу тебе, в чем тут дело. Просто бывают такие дни, когда человек ни разу не совершает ошибки.

Затем последовала первая атака глубинными бомбами, сопровождающаяся сотрясающим все грохотом, и мы замедлили ход на самой малой скорости. Если мы выдержим эту атаку, то наша задача будет состоять в том, чтобы ускользнуть, в надежде, что слухачи-акустики кораблей эскорта потеряют нас.

Мы теперь обливались потом, поскольку жар от дизелей и электромоторов начал заполнять лодку. Том Маккэнтс снял рубашку с молчаливой экстравагантностью. Еще пара моряков из команды управления огнем последовали его примеру. Через корпус нам стал слышен все усиливающийся шум винтов сторожевика, когда он приближался на обратном пути.

— Если он сбросит бомбы сейчас, — прошептал Фил, — они лягут совсем близко.

Как будто вторя его словам, раздался слышимый через гидролокатор всплеск от глубинных бомб, ударявших о воду. Мы с трепетом ждали, представляя себе, как глубинные бомбы погружаются и падают на нас, готовые взорваться на глубине, и нам оставалось лишь надеяться, что не на той, где мы находились.

Глубинная бомбежка не была длительной, но бомбы падали очень близко. Нас спасла только большая глубина; на сторожевике не думали, что мы на такой глубине, и соответственно метали свои бомбы. Охваченные возбуждением, мы уходили на юг, и постепенно звук разрывов глубинных бомб становился все слабее.

Осматриваясь в момент спокойного размышления, я думал о том, что чувствую перемену в отношении моряков ко мне. Мы теперь вместе побывали в атаке, и с этого времени, к добру или к худу, они теперь уже не были стеной настороженного ожидания, которая стояла между нами раньше. Мы все стали одной командой.

— Лучше перезарядить сейчас.

Даже если вы производите шум, перезарядка торпедных аппаратов изнурительная работа. Если вы делаете это, когда над

вами противник, это просто пытка. Две торпеды весом две тысячи фунтов нужно было загнать в аппараты с огромной осторожностью, после того как из труб торпедных аппаратов была до последней капли откачана вода, а задние крышки открыты. Но в своем приподнятом настроении моряки «Флэшер» могли сделать что угодно, и сделать как надо.

Мы уничтожили миноносец и по меньшей мере повредили танкер, так что была причина праздновать. Но даже при том, что я испытывал радостное возбуждение от этого, смутное чувство беспокойства таилось в глубине моего сознания. Нам пришлось возвращаться. Был танкер, который следовало выследить и прикончить, он все еще оставался на плаву, и, несомненно, были другие суда, которых мы еще не видели. Но очередная атака означала еще одну глубинную бомбежку, а я ее смертельно боялся. Нам уже необыкновенно повезло, что подбили танкер, повезло, что избежали тех глубинных бомб, которые были сброшены прямо на нас, мне чертовски не хотелось испытывать судьбу.

Но это нужно было сделать. Я велел Снэпу опять поднять нас из глубины и, в то время как мы все еще изощрялись, чтобы сделать ход бесшумным, повернулся к Филу:

— Давай вернем экипаж по своим боевым постам.

Он передал команду по лодке, и, пока парни расходились по местам, а я повернулся к перископу и ждал, ладони моих рук стали немного влажными от слов Снэпа.

— Перископная глубина.

— О'кей, Снэп. Подними перископ.

Труба пошла вверх, перископ вышел на поверхность. Я огляделся:

— Проклятье. Все еще идет дождь. Невозможно видеть далеко… Цель! Мы попали в нее! Фил, взгляни на это!

На некотором расстоянии огромные клубы черного дыма поднимались от подбитого танкера. Мы тогда и не мечтали о таких взрывах. Мы действительно в него попали. Фил посмотрел и удовлетворенно вздохнул:

— Он готов, капитан. Он уже больше не сможет плыть. — Фил небрежно повернул перископ вокруг. — Да, здесь еще один миноносец!

Я прильнул к перископу. Никаких сомнений, это был миноносец, почти такой же, как тот, что затонул.

— Дайте пеленг на цель!

— Ноль два ноль.

— Курсовой угол девяносто правого борта. Скорость нулевая.

— Скорость нулевая? — Том Маккэнтс не мог этому

поверить. — Что же он делает, командир?

— Я не знаю. Он не может быть тем самым миноносцем, который мы торпедировали. У того должна быть пробоина в борту.

— Но почему же он дрейфует? — недоумевал Фил.

Я пытался разгадать эту загадку. У миноносца был мощный прожектор, и он посылал какие-то сигналы, а наше гидролокационное оборудование улавливало громкий пронзительный звук. Может, нас заманивают в ловушку?

— Это выше моего понимания. Он, должно быть, слушает.

Чем больше я так думал, тем больше мне нравилась эта идея. Предположим, что это неопытный командир, нервничающий от того урона, который мы нанесли, и отчаянно пытающийся запеленговать нас. Может быть, он решил, что стоит рискнуть и лечь в дрейф с тем, чтобы лучше нас прослушивать? Это было бы большой глупостью, но действительно, ему было легче нас услышать, когда его собственные гребные винты остановлены.

Но не было времени обсуждать его мотивацию, так как я знал, что по крайней мере один из более легких кораблей эскорта находится поблизости. Почему бы не начать атаку и не попытаться потопить миноносец? Если мы сможем приблизиться на дистанцию залпа, ничто нам не помешает выпустить в него две торпеды. Затем мы могли бы выстрелить еще двумя по подбитому танкеру, поскольку нам не хотелось дать возможность неприятелю отбуксировать его отсюда.

— Что вы думаете об этой позиции, командир? — спросил Фил с обеспокоенным выражением лица.

— Нечего тут думать. Если этот приятель хочет оставаться на месте и позволить нам выстрелить в него, то наша работа в том и состоит, чтобы удовлетворить его желание.

Он усмехнулся:

— Слушаюсь, сэр.

Мы начали сближение очень осмотрительно и осторожно. Если он действительно замышляет что-то, о чем мы не догадываемся, осторожность не помешает.

— Пеленг на цель. Еще один корабль охранения по курсу с левого борта, идущий в нашем направлении. Опустить перископ… Не думаю, что он нас видел.

Снова налетел дождь, создавая настолько плохую видимость, что мои надежды возросли. Несомненно, никто не заметит наш перископ в такой воде. И все же я был обеспокоен тем, что услышал. Не только звук сонара противника громко звенел у нас в ушах, но и свистящий звук гребного винта раздавался повсюду вокруг нас.

Я снова попробовал взглянуть и дал сигнал боевой тревоги.

Прожектор миноносца был направлен прямо на перископ «Флэшер». Значит, мы где-то допустили грубый просчет. Он нас засек и указывал на нас одному из кораблей охранения. Я начал давать рулевому сигнал опускать перископ. Но прежде чем успел выбросить вниз большие пальцы рук, что-то странное в этом ослепительном свете заставило меня посмотреть снова и издать лихорадочный вздох облегчения.

Прожектор мигал прерывисто. Он никому на нас не указывал; он передавал шифрованное донесение кому-то безотносительно к нам, и наш перископ просто оказался на его пути. И хотя на мгновение мне привиделось, что его донесение читалось как "Прощай, Джордж", я понимал, что он нас не видел.

— Давай с этим разделаемся. — Я вздохнул. — Опустить перископ. Открыть передние крышки.

По телефону отрепетовали команду, а я удостоверился, что индикаторы боевой рубки показали, что все шесть передних крышек торпедных аппаратов открыты.

— Хорошо, приготовиться к окончательным расчетам.

— Готово.

— Поднять перископ. Дайте пеленг на цель! Цель все еще была в дрейфе, но дрейфовала таким образом, что теперь была почти перед танкером. И лишь корма полыхающего танкера виднелась из-под нависшей над ней кормой миноносца. А к нашему левому крамболу быстро приближался ближайший сторожевик.

— Будем атаковать. Начнем с миноносца, а затем атакуем танкер. Приготовиться.

— Есть.

Я тщательно взял прицел на носовую часть миноносца.

— Первый, пли.

Лодка вздрогнула, и я повернул перископ и навел его на кормовую часть цели.

— Второй, пли.

Теперь я повернул его обратно к эскортному кораблю; он был почти над нами. И опять назад вдоль палубы миноносца к его корме, чтобы взять в фокус танкер на заднем плане.

— Третий, пли! — И затем, не меняя пеленга, потому что я не видел никакой части танкера, на которую можно было бы взять прицел: — Пятый, пли!.. Пускай его ко дну!

Воздух из уравнительной цистерны с шумом вырвался в лодку, и мы начали погружаться. Перископ едва успел уйти под воду, когда сторожевик ринулся в свою первую атаку.

Бум!

— Первая торпеда попала в миноносец, командир. — Фил смотрел на секундомер.

Бум!

— Это вторая. Он готов, командир.

Брови Фила подскочили вверх от удивления.

— Боже мой, и третья попала в миноносец! Я кивнул. Судя по времени, это миноносец. Я не поторопился с упреждением при выстреле, что могло привести к промаху.

Бум!

— Командир, — сказал Фил с дрожью в голосе, — этот миноносец, должно быть, разбит вдребезги.

Мы не попали по танкеру, но это подождет. Четыре торпеды угодили в миноносец, в то время как и одной достаточно для такого дела!

Потом мы пошли на глубину, спасаясь от глубинной бомбежки. На этот раз она не была такой жестокой и продолжительной. Несколько бомб взорвались достаточно близко для того, чтобы вдребезги разлетелись электрические лампочки и лодка всколыхнулась, но ясно было, что эскортные корабли не особенно старались, потеряв двух миноносцев охранения конвоя. В то время как мы уходили на юго-запад, экипаж «Флэшер» был в диком восторге.

На этот раз можно было спокойно давать команду вернуться на перископную глубину. Я обшарил через перископ весь горизонт. Распавшийся на части миноносец ушел ко дну. Танкер все еще оставался на месте, и на нем полыхал сильный пожар. Все оставшиеся от конвоя корабли эскорта, чьи мачты мы видели рано утром, были на порядочном расстоянии вдали.

Мои ноги сделались ватными, но поведение претерпело изменения от сдержанности и ликования к ужасному самомнению. Во время нашей первой атаки мы потопили два смертоносных вражеских миноносца и нанесли серьезные повреждения танкеру. Все, что оставалось, — это покончить с ним, и ничто не могло удержать нас от этого.

Не оставалось других целей для выстрела, кроме легких эскортных кораблей, которые не стоили того, чтобы беспокоиться. Поэтому мы неспешно крались на глубине, перезаряжая аппараты, отдыхая и празднуя победу, пока они не ушли. Когда мы снова вернулись на перископную глубину, чтобы еще раз осмотреться, увидели «Бекуну». Эта встреча была нашим первым контактом с одной из своих подлодок с того момента, как донесение с «Хокбилл» стало отправным для атаки, которая продолжалась весь день. Мы всплыли, я обменялся краткими посланиями с Хэнком Старром на «Бекуне», и обе подлодки

осторожно проследовали в направлении огромных клубов дыма над гибнущим танкером. Мы обнаружили, что он в одиночестве, и Хэнк пошел своим курсом, а я направил донесение капитану Брайанту, командиру нашей "волчьей стаи", что собираюсь остаться и потопить танкер после наступления темноты.

Через пару часов мы были готовы. Двигаясь осторожно, чтобы убедиться в том, что не попадаем в ловушку, мы почти вплотную подошли к танкеру.

Это судно водоизмещением в десять тысяч тонн представляло собой жалкое зрелище — уже очень низко погрузилось в воду на ровном киле, все его мачты были объяты огнем, а из грузовых отсеков с нефтью вовсю валил густой черный дым. Мы обогнули его несколько раз, не находя признаков жизни.

Вдруг у меня возникла идея, и я повернулся к Джиму Хэмлину, нашему офицеру связи:

— Джим, я хочу сделать фильм, который будет самым величайшим по популярности хроникальным фильмом военного времени. Неси камеру.

Мой план состоял в том, чтобы запустить кинокамеру как раз перед тем, как мы выпустим по танкеру торпеду, и держать ее наведенной на цель во время всех последующих фейерверков. Джим усмехнулся, взял кинокамеру и показал мне, как ею пользоваться.

Я решил, что мы произведем выстрел с кормы с тем, чтобы сохранить наши торпеды в носовых аппаратах, сблизимся до дистанции примерно восемьсот ярдов и выстроим все в лучшем виде, так чтобы эпицентр взрыва был посередине кадра, а пламя вырывалось, создавая самое эффектное зрелище.

Наконец все было готово. Я запустил камеру.

— Товсь… Пли!

Камера отлетела в сторону и упала, торпеда поразила цель, а все на мостике «Флэшер» корчились от смеха над моим провалом в качестве кинооператора, потому что торпеда, вместо того чтобы зажечь адское пламя, совсем погасила огонь. Танкер тонул в полной темноте.

Но это происшествие не удручило меня надолго. Я отправился спать в ту ночь, в то время как мы шли обратно к исходной позиции несения дозора с таким чувством благодарности и гордости, каких я не испытывал с тех пор, как юношеская футбольная команда подготовительной школы в Мемфисе открыла счет, когда я вел мяч.

Недоставало только одного. Я хотел, чтобы Энн была со мной.

Глава 12
Удача

С последовавшего воскресенья чтение Библии в кают-компании стало, по общему согласию, неотъемлемой частью наших еженедельных будней. Виноваты в этом старая шутка и благочестивость моряков.

На нашей субмарине не было священника. На некоторых подлодках командиры регулярно устраивали молебны, но большинство командиров, и я в их числе, не имели соответствующей квалификации. Если бы не вестовой по имени Пейдж, на «Флэшер» никогда бы не соблюдались официальные обряды священной субботы.

Все началось за два воскресенья до нашей атаки на конвой. Эдди Эткинсону, нашему интенданту, доставалось от нас, когда пища подавалась не вовремя, а обед в этот вечер был к тому же особенно пресным.

— Эдди, — сказал я, — эти обеды напоминают мне стих из Библии. Это Послание к евреям, 13: 8, как я полагаю.

Он не знал, радоваться ему или нет.

— А что это за стих, командир?

— Ну нет, я тебе не скажу. Для тебя будет полезно поискать самому.

Эдди высунулся из-за двери и сказал Пейджу:

— Ты можешь мне найти Библию?

— Да, сэр!

Он вернулся через минуту, и один только взгляд на него заставил меня почувствовать себя сильно посрамленным.

Пейдж был человеком набожным, и, когда он мне улыбнулся, было ясно, о чем он думал: был воскресный вечер, и новый командир «Флэшер» отдал распоряжение, чтобы Библию принесли для молебна.

— Спасибо, Пейдж. Этого достаточно.

Я хотел подождать, пока он уйдет, прежде чем Эдди найдет и прочитает стих, который я процитировал: "Иисус Христос в то же воскресенье, как и сегодня, как и во веки веков".

В следующее воскресенье вечером, после того как мы собрались в кают-компании на вечернюю трапезу, появился Пейдж. В руках у него была Библия, и он протянул ее Филу Гленнону.

— Я знал, что она вам понадобится, сэр, — сказал он.

Мы с Филом переглянулись. Я слегка кивнул, и Фил

поблагодарил Пейджа, открыл Библию на псалмах и прочитал несколько стихов своим потрясенным коллегам-офицерам.

Через пару дней я забыл об этом, но в следующее воскресенье, первое после нашей атаки, Пейдж появился вновь.

— Есть многое, за что можно воздать хвалу Господу за истекшую неделю, командир, — сказал он.

После того как он ушел, мы поговорили об этом и решили, что Пейдж прав. Нам за многое следовало отблагодарить Господа. После этого ни одно воскресенье у нас не проходило без чтения Священного Писания при всем благоговейном внимании, какого только мог пожелать Пейдж.

* * *

После нападения на конвой мы переместились в новый район, и с каждым днем становилось все очевиднее, что в этих водах не предвидится никакой добычи. За исключением нескольких самолетов и японского плавучего госпиталя, который, конечно, был для нас за границами дозволенного, целыми днями нам не попадалось больше ничего. Фил был раздражен больше всех нас. Он очень надеялся на то, что все торпеды будут израсходованы к тому времени, как мы вернемся в Перт и он улетит к своей любимой к Рождеству. Поэтому, когда 13 декабря принес мне новый приказ, он улыбался с надеждой. Мы должны были покинуть "волчью стаю" и проследовать на позицию перед входом в бухту Манилы. У нашего командования была причина полагать, что некоторые крупные суда собираются выходить из бухты, и нужен был кто-то, кто мог бы сообщать, когда это будет происходить.

Мы были рады любой перемене, но у меня было двойственное чувство по поводу этого конкретного случая. Бухта Манилы — очень большое водное пространство, настолько большое, что для того, чтобы держать ее под наблюдением, одной подводной лодки недостаточно. Если мы будем входить в нее в подводном положении, суда могут свободно проследовать через вход в бухту, а мы их не увидим. Кроме того, что она усиленно охраняется, в ряде мест там мелководье и предполагаются минные заграждения. Мысль о том, что «Флэшер» придется выполнять возложенную на нее задачу в таких условиях, напомнила мне о бумажных блокадах, о которых я читал в истории флота, когда ничто, кроме не подкрепленного ничем листа бумаги или условного знака, не могло заставить судно находиться в пределах или за пределами того или иного района.

Но нам было предписано занять новый район, куда мы отбыли. Мы шли на полной скорости всю ту ночь и на следующее утро прибыли на позицию к северу от острова Лубанг, к юго-западу от входа в бухту. Планировалось, что наши военно-воздушные силы нанесут в это утро удар с воздуха, и нам хотелось прибыть вовремя, чтобы стать свидетелями этого. Никто из нас никогда не видел авиаударов, а мне было особенно интересно, потому что я почти не сомневался, что мой двоюродный брат Фред Джекобе будет пилотировать один из самолетов.

В то утро, подходя к Филиппинам, мы увидели жуткую картину. В воздухе было полно самолетов, которые, как мы знали, были нашими. Казалось, их были тысячи, они с ревом проносились над Манилой и заливом Субик-Бэй и сбрасывали бомбы в то время, как от земли вырывались и вспыхивали огни выстрелов японских зенитных орудий.

Мы столпились на мостике, чтобы посмотреть. Было так приятно видеть, что у наших вооруженных сил такая мощь и они задают такую основательную трепку противнику, что у нас даже пропало чувство собственной уязвимости. К тому времени, как воздушная атака достигла своего пика, нас было хорошо видно сухопутным войскам в заливе.

— Ты только посмотри! — воскликнул Фил. — Видишь этот взрыв? Мы их и впрямь взяли в оборот!

— Да, — сказал Том Берк. — Дружище, только так и следует воевать — в окружении своей авиации. Это здорово.

Но нам так воевать не пришлось — то ли у них кончилось топливо, потом были другие причины, но самолеты очень скоро улетели и оставили нас одних в окружении противника. Голос сигнальщика отрезвил нас:

— Самолет, летящий низко и прямо по курсу… направляется сюда.

Фил обернулся:

— Э, да это же японец!

И это был он. Его бомбовый отсек был открыт, и он шел на нас. Поэтому мы пошли на погружение, несколько в шоке от того, что, хотя наши самолеты и устроили им светопреставление, в данный момент «Флэшер» от них было мало проку.

Нам все еще нужно было доложить адмиралу Кристи о своем выходе на позицию. Через некоторое время, несколько удрученные тем, что наше присутствие в этом логове японцев обнаружено, и вынужденные в одиночку выживать у такого крупного и важного порта, как манильский, мы всплыли и направили донесение, что осуществляли свою "малоэффективную

блокаду" в соответствии с приказом. Сомневаюсь, что оно доставило адмиралу особую радость.

Мы несли позиционный дозор в подводном положении весь остаток дня и всплыли на поверхность ночью, чтобы лучше осмотреться, но японские самолеты не оставляли нас в покое. Поначалу мы подшучивали над этим, полагая, что самолеты вышли на нас случайно. Но вскоре это стало меньше походить на шутку. Каждый раз, когда мы всплывали, кто-то нас преследовал, и через некоторое время это превратилось в нервотрепку. Ночь была временем, когда мы рассчитывали зарядить свои батареи, но самолеты делали это невозможным.

Когда мы всплыли в четвертый или пятый раз вскоре после полуночи и нам пришлось удирать от патрульного катера в ту же минуту, как только мы появились на поверхности, нам было уже не до смеха. Он вышел к нам из бухты, и мы решили попытаться уйти от него, но он оказался быстроходнее, и дистанция все время сокращалась, когда посыльный принес мне новый приказ от адмирала. Нам предписывалось уйти из этого района немедленно и проследовать на другую позицию ведения разведывательных действий, еще дальше на север.

Никогда еще приказ не выполнялся так быстро. Мы радикально поменяли курс в направлении от суши. Сторожевики не последовали за нами в глубокие воды.

К утру мы были достаточно далеко от Манилы. После двух бессонных ночей я завалился на койку и проспал до середины дня.

Тем временем ужасная драма происходила в одном из районов Южно-Китайского моря с моим другом Джонни Гайдом, командиром «Бергол», и его лодкой.

Мы перехватили его искаженно звучавшее послание адмиралу Кристи, в котором он сообщал, что «Бергол» торпедировала японский тяжелый крейсер, который раскололся пополам, и пострадала от попадания снаряда, выпущенного легким крейсером сопровождения. Снаряд разворотил ее торпедопогрузочный люк и три квадратных фута корпуса.

Это означало, что «Бергол», одна в неприятельских водах, была не способна к погружению. Мы озабоченно ожидали около радиорубки, чтобы узнать, что скажет адмирал.

Джонни было дано указание следовать в определенное место и встретиться с другой субмариной, которая должна была взять на борт экипаж «Бергол» и уничтожить ее в случае необходимости. Это, конечно, был лучший ответ, который только мог быть дан, но для «Бергол» настали черные дни. Ее местонахождение должно было быть известно, по крайней мере в

общих чертах, легкому крейсеру, который повредил ее, и любой пролетающий мимо самолет или проплывающий мимо корабль мог ее обнаружить, в то время как она тащится по поверхности, неспособная к погружению.

Прошли дни, прежде чем поступили хорошие новости: подбитую лодку точно по плану встретила подлодка «Энглер», на которую перешла большая часть экипажа «Бергол», а сама она, эскортируемая, направилась в Фримантл. Это путешествие было одним из самых примечательных за время войны — две подводные лодки, одна из них поврежденная, прошли прямиком через Южно-Китайское море, Яванское море, мимо Сингапура и гряды островов в Малаккском проливе, и их даже не заметили. Это дало нам основание еще больше гордиться службой в подводном флоте. «Бергол» была отремонтирована и через месяц вернулась в строй.

Мы провели не принесший каких-либо боевых успехов день, иначе говоря, два патрулирования с членами нашей старой "волчьей стаи", затем были отозваны, чтобы получить еще одно задание. Пришло сообщение о японских военных кораблях в бухте Камрань, близ Сайгона на побережье Индокитая, и «Флэшер» с «Бекуной» в компании с «Дэйс» и «Пэдл» были направлены провести наблюдение.

Пять наших лодок пошли в новый район, образуя разведывательную полосу под прямыми углами к побережью, и приступили к поиску добычи.

Акватория бухты Камрань не идеальна для подводных лодок. Мы действовали на глубине от двадцати до пятидесяти морских саженей, что не вполне достаточно для ощущения безопасности, так как самое большое чувство безопасности у подводника появляется тогда, когда он знает, что может уйти на большую глубину в случае атаки глубинными бомбами. Но если бы мы могли найти цели для атаки, пусть даже в неглубоких водах, они стоили того, чтобы пойти на риск.

Теперь мы знали, что не сможем вернуться в Перт вовремя, чтобы Фил и Дороти могли устроить свадьбу на Рождество, так как мы еще не израсходовали свои торпеды, и полученный приказ предписывал нести позиционную службу до 26 декабря. Двадцать первого, после двух дней без контакта с противником, я попросил разрешения выйти из группы и направиться к острову Хон-Дой, пункту, расположенному немного дальше вверх по побережью, который показался мне более удачным местом, чем тот район, в котором мы находились на перехвате конвоев. Разрешение было предоставлено, и мы двинулись.

Я переживал спад — усталый, желающий направиться

обратно в Перт и нервничающий в связи с выходом на малБ1е глубины. Когда мы прибыли на новую позицию, у меня просто не было настроения вести боевые действия. И вдруг подвернулась удачная возможность.

Примерно в девять часов утра вниз поступил сигнал, что замечен патрульный катер. Я поднялся в боевую рубку, где на вахте был Том Берк.

— Вон он, командир. Подходит с юга.

Я посмотрел в перископ. Маленький катер в паре миль от нас шел в нашем направлении.

Было бы совсем несложно уйти ниже перископной глубины и позволить ему пройти мимо, веря в то, что он не знает о нашем присутствии, но мне эта идея не нравилась. Мы находились близко к берегу, в водах едва достаточной глубины для того, чтобы чувствовать себя спокойно. В такой ситуации патрульный катер мог стать смертельно опасным противником для подлодки. Я сказал себе, что не мешает перебраться на более глубокое место, прежде чем он подойдет, а затем можно вернуться обратно.

— Давай отойдем, Том, и дадим ему пройти мимо.

— Слушаюсь, сэр… Взять курс ноль девять ноль.

Патрульный катер шел медленно. Ему понадобилось чрезвычайно много времени для того, чтобы пройти мимо, и, прежде чем мы успели вернуться, было слишком поздно. Я сидел в кают-компании, когда спустился вестовой:

— Командир, обнаружен конвой противника. Том смотрел в перископ, когда я поднялся по трапу.

— Похоже, большой конвой, командир, довольно далеко, у побережья.

Я посмотрел и сжал зубы. Четыре больших вражеских танкера направлялись к берегу в строю, с тремя подпрыгивающими на неспокойной волне эскортными кораблями вдоль их траверза с правого борта и с эсминцем, прикрывающим тыл. Будь мы у них с левого борта, где и должны были находиться, они стали бы для нас великолепной целью. Но я ушел с этой позиции, чтобы пропустить патрульный катер, а теперь было слишком поздно возвращаться.

— Давай попробуем их накрыть, — сказал я автоматически, зная, что мы не сможем этого сделать.

Мы ушли на девяносто футов под воду и начали сближение, тем временем группа управления огнем собралась и моряки «Флэшер» разошлись по боевым постам.

— Подними лодку до перископной глубины.

Направление пеленга менялось в северном направлении.

Развивая скорость в бурном море, конвой проходил мимо нас.

— Это миноносец. Взгляни на него, Фил. Он посмотрел:

— Командир, пожалуй, мы можем попасть в миноносец.

— Верно. Но мало шансов с такого расстояния и при такой волне. И если мы выстрелим, то не будет шанса достать конвой.

Но чертовски хороший шанс, добавил я про себя, получить добрую порцию глубинных бомб. Фил кивнул:

— К черту миноносец, если нам нужен конвой, сэр.

Мы сделали еще одну долгую, трудную попытку выйти на него, но это было безнадежно. Я стоял у перископа, ругая себя за отсутствие боевитости и никуда не годное решение, в то время как росло абсолютное осознание того, что первоклассная цель, какую я могу больше и не встретить, прошла мимо меня, потому что я поддался минутной слабости.

Постепенно до меня стало доходить и кое-что еще. Всю оставшуюся жизнь я буду ненавидеть себя как труса, если сейчас не всплыву и не сделаю круг, чтобы реабилитировать себя. И когда я подумал об этом в таком свете, решение не показалось слишком трудным. Мне не нравилась перспектива всплывать в таком неспокойном и усиленно патрулируемом море, но альтернатива была еще хуже.

Я подождал несколько минут, пока последний из огромных танкеров не исчезнет за горизонтом.

— Сохранять боевую позицию… Держать наготове группу управления огнем… Приготовиться к всплытию.

— Есть, сэр.

— Приготовить четыре дизеля на винт. Будем бороздить море, используя все мощности.

Команда докатилась до кормы, и ответ пришел из электромеханического поста:

— Есть четыре главных двигателя.

— Очень хорошо. Всплываем.

Прозвучал сигнал всплытия, и корабль устремился к поверхности. Сразу же на нем началась сильная качка в бурном море. Сигнальщики-наблюдатели, вахтенный офицер и я взобрались на мостик, с которого стекала вода.

— Открыть главный впускной… Полный вперед.

Когда лодка набрала скорость, нос начал зарываться в воду и подниматься на крутых волнах, накатывавшихся с севера. Эта неприветливая картина соответствовала моему настроению. Я чувствовал себя на закате своей карьеры, поносил себя всеми известными бранными словами. Я был и неудачник, и трус, меня вообще не следовало брать на флот. Казалась невероятной мысль, что кто-то доверил мне командование.

* * *

Круговой маневр зависит от скорости. Идея состоит в том, чтобы всплыть незаметно для противника, развить самую большую скорость, на которую способна лодка, править по курсу так, чтобы кончики мачт были в виду, не раскрывая свое собственное присутствие, и, наконец, обойти конвой с фронта, чтобы можно было подстеречь его. Мерзкая погода или нет, мы должны двигаться быстро.

Водных процедур в бурном море было не избежать, так как каждый раз, когда «Флэшер» окуналась, вода потоком перекатывалась через мостик. Вместо того чтобы ставить сигнальщиков наверху у перископа, я оставил их на уровне вахтенного офицера, где они могли держаться за что-нибудь основательное. Один из них был поставлен у рубочного люка, на котором лежала его рука. Как только вахтенный офицер видел приближающийся вал, он кричал: "Закрыть люк!" Люк захлопывался, волна проносилась через мостик, окатывая всех нас, а когда она спадала, сигнальщик открывал люк.

Но идущая по бурному морю подлодка не разовьет большую скорость, а японский конвой двигался быстро. Дело выглядело безнадежным. Я продолжал оставаться на мостике, глотая соленую воду, борясь с ветром, в любой момент ожидая преследования самолета и ругая себя последними словами. Уже на уровне подсознания я пытался думать о сладкозвучной фразе донесения о конвое, чтобы объяснить, почему конвой ушел.

Через пару часов погода начала меняться. Волны стали слабее, ветер стих, и мы пошли мористее. Но против этого преимущества был становившийся все более обидным факт, что мы потеряли из виду конвой. Судя по некоторым сверкам, мы приблизились к его скорости, будучи в подводном положении, и должны были поймать его в зенитный перископ в течение примерно трех часов или даже раньше. Но, несмотря на то что на протяжении всего послеобеденного времени мы шли в подводном положении на максимальной скорости, вглядываясь в морскую даль, мы так и не увидели их. Вероятность того, что они зашли в одну из маленьких бухт вдоль побережья и потеряны для нас окончательно, становилась все очевидней с каждым бесплодным часом.

Пока тянулось время после полудня, я с горьким чувством пошел в кают-компанию, чтобы угрюмо съесть обед, за которым со мной никто не разговаривал. Они, я догадывался, думали обо мне то же самое, что и я временами думал в прошлом, когда старший по званию офицер, казалось, не сумел

продемонстрировать храбрость и боевитость. После обеда я пытался читать, но откладывал книгу и то и дело поднимался на мостик. Каждый раз меня встречало пустынное море, поверхность которого теперь уже была спокойной, как стекло.

Мы были уже далеко от назначенного района и того места, поблизости от которого была другая наша подлодка. Это допускалось в случае преследования, но нельзя было этим злоупотреблять. Я решил прервать преследование, если мы не увидим ничего к часу следующего дня.

Около полуночи я еще раз поднялся в боевую рубку, где Фил был занят нанесением нашего маршрута на карту.

— Никаких их признаков?

— Нет, сэр, пока нет. Боюсь, что они укрылись в бухте на ночь.

Мы с надеждой посмотрели друг на друга в темноте боевой рубки.

— Ладно, давай подождем еще час и тогда уже вернемся на позицию.

— Да, сэр. — Фил согнулся и вернулся к своей штурманской карте.

Час пробил, а с мостика не было никаких сообщений. Мы все пришли к убеждению, что только зря сжигаем топливо на полных оборотах двигателей. Я поднялся в боевую рубку, чтобы сказать Филу, что надо прекратить преследование, и поймал себя на том, что машинально прислушиваюсь к спору между ним и рулевым.

— Нет, этого не может быть, — говорил Фил, когда я поднимался по трапу. — Это остров Тортю.

— Но, сэр, я наблюдал его пять минут, и пеленг не изменился.

Фил склонился над экраном радара с большим интересом.

— Что это? Какой сейчас пеленг?

— Пеленг три три шесть ровно, сэр. Он такой уже по крайней мере три минуты.

— Ей-богу, ты, наверное, прав.

Неожиданно обретший надежду, я протиснулся между ними, и мы все трое стояли несколько минут, наблюдая за неясной маленькой точкой, мерцающей на экране радара, и сравнивая ее положение с показанием репитера гирокомпаса в отношении этой точки.

— Пеленг все еще три три шесть, сэр.

— Ты прав! — Голос Фила прозвучал как торжествующий крик. — Это не Тортю, это что-то, двигающееся на полном ходу! Это конвой, капитан!

Чувство облегчения, охватившее меня, было огромным. Я

чувствовал себя как приговоренный к смерти заключенный, который был помилован по пути к электрическому стулу. На этот раз я сказал себе ликующе, что либо нанесу урон этому конвою, либо умру, пытаясь это сделать. На этот раз никто не посмеет сказать или даже подумать, что из-за колебаний Грайдера упущена благоприятная возможность.

— Передай группе слежения приказ занять свои позиции.

— Слушаюсь, сэр.

Несколько спешных звонков по телефону созвали офицеров «Флэшер» в боевую рубку. Были разобраны карандаши, ВУРТА приведена в действие, и мы начали первые предварительные маневрирования в чрезвычайно важной задаче выведения лодки на курс противника.

Скоро стало совершенно ясно, что это и впрямь была наша сбежавшая прошлым утром цель — конвой из четырех огромных, великолепных и необычайно быстроходных танкеров с несколькими кораблями эскорта. Теперь я был на мостике, всматривался в темноту через наши лучшие бинокли и постепенно смог различить пятна, из которых вырисовались очертания судов. Фил, внимательно изучавший в боевой рубке показания радара, передавал наверх каждую порцию информации, которую ему удавалось добыть.

— Они очень близко к берегу, командир. Слишком близко для удобной атаки.

— Сколько эскортных кораблей, Фил?

— Трудно точно определить, командир. По меньшей мере один эсминец и несколько более легких кораблей. Судя по поведению эсминца, у него есть радар.

Нудная работа продолжалась. Мы должны были выйти на одну линию с конвоем и занять положение по правому борту конвоя носовой части лодки, и только так мы могли проникнуть через заслон из эскортных кораблей и выйти в атаку. Когда мы находились в семи милях от правого борта по курсу головного танкера, мы сбавили обороты двигателей и осторожно повернули к нему.

— Где эсминец, Фил?

— Примерно на траверзе третьего танкера, капитан. Если он останется там, мы сможем пройти внутрь конвоя.

— Хорошо, тогда начали. Полный вперед, обычный. Всем на лодке занять боевые посты.

Последний приказ был не нужен. К настоящему моменту каждый из моряков, чувствуя появление благоприятной возможности для атаки, уже давно занял свой пост, надел наушники телефонов, взялся за рычаги, сделал то, что требуется,

чтобы быть готовым, когда «Флэшер» встретится с противником.

— Командир, эсминец, вероятно, обнаружил нас, подходит.

— О'кей, Фил. Я его уже вижу. Он на траверзе второго судна… Похоже, он рвется вперед довольно резво… Немного отворачивает к нам… Стоп моторы.

Учитывая действия эсминца, было бы глупо лезть на рожон, потому что было такое впечатление, что он либо знал, где мы находились, либо об этом подозревал.

— Право на борт.

Мы повернули на курс, несколько отличный от того, на котором был конвой, и немного развернулись, внимательно следя за эсминцем, который, вместо того чтобы продолжать двигаться в нашем направлении, стоял на траверзе главной цели. Каждое его движение указывало на то, что ему было известно об угрозе его драгоценному конвою.

— Фил, мы отойдем назад и попытаемся подойти с правой раковины.

— О'кей, командир. Похоже, удачное решение. Гребные винты замерли, и мы дрейфовали, позволяя конвою подтянуться до позиции, при которой мы оказывались на траверзе четвертого судна.

— Полный вперед, по норме.

Лодка взяла скорость в четырнадцать узлов, чтобы держаться на одной линии с этим резвым конвоем.

— Возьми влево по курсу триста. Фил, не упускай из виду этот эсминец.

Сигнальщик правого борта прокричал нам сверху предостережение:

— Командир, эсминец продвигается по направлению к корме!

Я приложил к глазам бинокль и увидел, что он повернул к нам и, казалось, вклинивался между нами и конвоем. Он охранял этот правый борт, как волкодав.

— Может быть, это просто формальный маневр. Давай продолжим сближение.

— Дистанция до эсминца пять тысяч ярдов, пеленг постоянный.

Из боевой рубки прозвучало сообщение от оператора радара:

— Дистанция до эсминца: четыре, семь, пять, ноль.

Я посмотрел снова. Было очевидно, что эсминец опять почувствовал наше присутствие и решил вмешаться.

— Черт с ним, Фил. Давай поднимемся снова, попытаемся подойти с носа и на этот раз сблизимся, независимо от того, что он делает.

— Слушаюсь, командир. — В голосе Фила чувствовалась тень

сомнения. Если эсминец знает, где мы находимся, то никогда не пройдем мимо него. Но если мы его торпедируем первыми, то другие эскортные корабли сразу же нападут на нас, а конвой, вероятно, уйдет.

Долгая неторопливая работа по опережению конвоя, при преимуществе в скорости всего в четыре узла, была произведена снова. И когда мы вновь оказались на позиции у правого борта с носа, возникла та же ситуация, как и до этого.

— Командир, эсминец взял направление на нас. Пеленг постоянный, дистанция сокращается.

Я вновь посмотрел на него в бинокль. Следует ли нам рискнуть и атаковать ведущий танкер, полагая, что эсминец лишь случайно опять пошел на нас, или же нам следует снова попытаться атаковать с другой четверти румба? Но мы уже пытались это сделать, и нам не повезло. Конвой держался у береговой линии, и мы все время были отрезаны от его левого борта. А я сохранял непоколебимую уверенность в том, что мы пойдем на сближение и выйдем в атаку на этот конвой. Ничего иного не оставалось.

— Самый полный вперед… Какой курс у конвоя, Фил?

— Курс конвоя ноль ноль восемь, командир.

— Хорошо, перейди на курс ноль ноль восемь. Фил, мы пересечем курс конвоя, проберемся к береговой линии и будем ждать там.

— Там мелководье, командир.

— Мы сумеем это использовать. Не думаю, что эсминец последует нам наперерез. Он, должно быть, использует свой радар, а эти японские радары всегда отказывают, когда цель скрыта за сушей.

— Хорошо, сэр. Мы попробуем. — Фил был настроен скептически.

Теперь, когда мы составили реальный план, напряженное возбуждение охватило мостик и боевую рубку. Я его чувствовал, и настрой был позитивным. Мы на четыре, пять, восемь и, наконец, десять миль опередили конвой. Затем, не опасаясь быть замеченными, проделали маневр, пересекая его курс.

— Лево руля по норме.

— Есть лево руля по норме, сэр.

— Идем влево по курсу три два пять.

Лодка повернула и была удержана на новом курсе, выставляя напоказ маленький силуэт стремительно идущему вперед конвою, но достаточно далеко опередив его.

— Что делает эсминец, Фил?

— Он подтянулся и теперь прямо перед конвоем, командир.

Такое впечатление, что он, как и мы, пересекает его курс.

У меня упало сердце. Нам все равно придется атаковать, но мы окажемся в ужасно невыгодном положении, прижатые к берегу на недостаточной для погружения глубине и малом пространстве для маневра.

— Следи за ним внимательно, Фил. Мы будем атаковать независимо от того, что он делает.

— Слушаюсь, сэр.

Фил и каждый член команды был со мной в решимости, независимо от того, что он предпримет, накрыть этот привлекательный для атаки конвой, который мы так долго преследовали.

— Стоп моторы. — Команда полетела к корме, и приглушенный рокот дизельных моторов сразу стих. — Переключиться на электродвигатели.

— Есть, сэр. Есть переключение по сигналу на электродвигатели.

Ответ прозвучал в переговорном устройстве из энергетического отсека.

А потом мы ждали. За нами был враждебный берег, малая глубина под килем, а впереди нас — конвой во главе с эсминцем, все еще, по-видимому, не решившим, что предпринять: пересечь курс или оттянуться назад к морю.

Маленький остров лежал примерно в миле от побережья, а напротив него на берегу был расположен маяк. На наших картах был обозначен проход для судов между мысом и островом, хотя на маяке было темно все время, пока мы находились в пределах его видимости. На небе месяц проглядывал сквозь длинную гряду облаков. Мы дрейфовали в тишине, прерываемой лишь спокойным жужжанием радара, когда он поворачивался и пытался пронзить своим оком черноту темной ночи.

Я прильнул глазами к окулярам бинокля и посмотрел не прямо на горизонт, а немного выше его и смог различить нашу приближающуюся добычу.

— Фил, я разглядел их с мостика. Джим, посмотри через ДПЦ.

Стоявший вместе со мной на мостике Джим Хэмлин отложил бинокль и прильнул глазами к массивным окулярам датчика пеленга на цель, который передает данные вниз группе управления огнем в боевой рубке.

Прошла долгая минута, прежде чем он заговорил:

— Я запеленговал их, командир. Засек первое большое судно. Не вижу эскорта.

— Хорошо, Джим. Фил, у тебя есть на радаре эсминец?

— Да, сэр. Он все еще впереди. Он может направляться сюда.

В тот же миг, к нашему ужасу, зажегся свет маяка. Он был вне нашего левого траверза, поэтому силуэт лодки не вырисовывался от его света, но такое зрелище нервировало. Враг был повсюду вокруг нас в темноте — на суше и на море. И не означал ли этот свет, что водное пространство вокруг мыса, где мы находились, было заминировано? Не был ли сам маяк предназначен для того, чтобы указать путь конвою в минном поле, на которое мы можем наскочить в любую минуту?

Сам эсминец стал теперь смутно виден — маленькое пятно прямо впереди громады первого танкера.

— Фил, что он делает?

— Он все еще там, командир. Нет, погодите, он поворачивает.

Я перевел дыхание. Куда он повернет?

— Дистанция до эсминца шесть, два, три, пять. — Было слышно, как докладывал оператор радара. — Дистанция до эсминца шесть, два, семь… Дистанция шесть, два, семь, пять.

Я облегченно вздохнул. Эсминец направлялся назад к правому флангу конвоя. Он не пересекал его курс.

Теперь уже Джим Хэмлин передавал выверенные данные по пеленгу в группу управления огнем. Конвой прекратил свой зигзагообразный маневр у прохода между островом и маяком, и, когда подошло время действовать, условия были великолепными, почти классическими: ночная атака в надводном положении, отсутствие эскортных кораблей с нашей стороны, цель не идет зигзагом и, благодаря долгому преследованию, абсолютно идеальный расчет курса и скорости цели.

— Открыть передние крышки аппаратов. — Я отдал эту команду шепотом, не в состоянии отделаться от ощущения, что, если мы так четко видим цели впереди нас, они, конечно, тоже должны видеть нас, даже несмотря на то, что острый нос нашей лодки смотрел прямо на них, а силуэт сливался с сушей позади нас. — Фил, выстрелим тремя торпедами по идущему впереди судну… Потом Джим повернет на второй, и мы выпустим три другие торпеды по нему… Затем повернем направо и сделаем четыре выстрела из кормовых аппаратов по третьему судну.

Это означало проигнорировать четвертый танкер, но танкеры были такие большие, что по меньшей мере три торпеды требовалось на каждый, чтобы обеспечить успех.

— Есть, сэр. — Голос Фила становился все возбужденней.

Восходящая луна постепенно выползала из гряды облаков, закрывавших ее. Она была прямо за нами, так что в этот заключительный момент наш силуэт вырисовывался для судов конвоя в ее тусклом свете. Но мысль о том, что нас могут увидеть,

теперь меня не особенно беспокоила. Не было места для физической слабости и власти эмоций, а было только осознание того, что мы призваны предпринять атаку и предпримем ее, что бы ни произошло. Судьба на нашей стороне, в противном случае мы бы никогда так далеко не забрались.

Массивные суда напирали, казалось почти нависая над нами. Когда дистанция сократилась до тысячи пятисот ярдов, я переговорил с Джимом:

— Задержись на средней части идущей впереди цели. Мы готовы к выстрелу. — Затем сказал Филу: — Хорошо. Давай залп, когда будешь готов.

Фил и группа управления огнем рассчитают время стрельбы, подготовят залп и сделают всю оставшуюся работу. Я ждал с чувством странного умиротворения того, что сейчас произойдет.

— Первый, пли. — Голос Фила приглушенно раздавался над люком. — Второй, пли… Третий, пли.

Джим Хэмлин навел ДПЦ на второе судно.

— Пеленг… на цель.

— Хорошо, Фил, приготовиться… приготовиться… ладно, можешь давать залп.

— Четвертый, пли… Пятый, пли… Шестой, пли.

В то время как он отдавал команды, мы услышали удар по первому судну и увидели вспышку, когда взорвалась торпеда.

Время молчания прошло.

— Полный вперед!

Мы использовали всю мощь своих двигателей.

— Право на борт!

"Флэшер" начала разворачиваться кормой. Мы почти завершили разворот, когда услышали щелчок… Бу-ум! И второй танкер получил торпедный удар, который вызвал ужасающий взрыв.

Я открыл рот от изумления. Никогда в жизни не видел подобного огня: танкер водоизмещением в десять тысяч тонн с грузом нефти, которая вспыхивала даже выброшенная в воздух от удара торпеды. Почти в тот же момент первый танкер оказался объят пламенем.

В ярком зареве пожара мы выглядели как актеры на сцене. Эскортные корабли, деревья на берегу, даже заклепки на судах как будто испускали снопы света вокруг нас. А посреди сцены была «Флэшер», с палубой, залитой таким ярким светом, что он почти ослеплял. Джим Хэмлип, как благоразумный человек, схватил свой бинокль и направился к люку, полагая, что и мы в спешке последуем за ним.

Но я наслаждался триумфом, который для меня был более

личностным, чем какой-либо другой, испытанный мной в сражениях. Что бы ни произошло, никто теперь не мог обвинить меня в трусости. Я избавил себя от бремени вины, свалившейся на мои плечи, которое я ощущал весь день. В этот момент мне было наплевать, пойдет «Флэшер» ко дну или нет. Я схватил Джима, когда он направлялся к люку, точно так же, как когда-то Маш Мортон схватил меня, и потащил его обратно. И в этом ослепительном свете мы, тщательно прицелившись, дали залп из четырех торпед по третьему танкеру, а затем почти бесстрастно запустили двигатели и взяли курс на юг.

Мы отправились не раньше, чем взорвался третий танкер. Когда пламя трех горящих судов пошло по воде, четвертый танкер, пока целый, но отчаянно дававший задний ход своим машинам, по инерции шел вдоль побережья на третий. Был ли он благополучно отведен назад или нет, мы так никогда не узнали.

Примерно в миле от них эскортные корабли выглядели как игрушки на залитой красным светом воде. Эсминец, который постепенно отходил назад вдоль правого фланга конвоя, пока не оказался почти на траверзе четвертого танкера ко времени атаки, теперь стоял в стороне на расстоянии двух миль от нашего левого борта по носу и почти на траверзе.

Теперь он развернулся и, так же как и мы, взял курс на юг. Его действия сразу же привели к разногласиям между Филом и мной.

— Фил, этот эсминец совсем близко. Он готовит носовое орудие к бою.

— Да, сэр. Командир, разве мы не можем взять влево? Мы на очень опасном мелководье.

— Ради бога, нет, Фил, нам нельзя влево. Нам нужно уйти от эсминца.

— Да, сэр, но мы можем сесть на мель.

— Не важно, нам нельзя поворачивать к этому чертову эсминцу. Он теперь уже снял чехлы с нового орудия. Разве мы не могли бы совсем немного подать вправо?

— Нет, командир. Здесь слишком мелко. Нам нужно идти влево.

Пока мы шли вдоль чужого берега, все вокруг приобрело сверхъестественный вид, больше похожий на сон, чем на реальность. Создавалось впечатление, что эсминец как будто привязан к нам — не приближается, не опережает и не отстает, скользит по красной воде в каком-то недоступном пониманию феерическом движении. У меня не было сомнения в том, что он нас видел, и каждое мгновение я ожидал, что он повернет к нам или даст по нас бортовой залп.

Я отправил сигнальщиков вниз и стоял с рукой на сигнале экстренного погружения, готовый погружаться даже на этом мелководье, если он повернет к нам.

Но странные события продолжались, и наш молчаливый компаньон даже не двинулся, чтобы приблизиться. Мы целых две мили шли курсом на юг со скоростью около восемнадцати узлов, в то время как Фил все время просил разрешения повернуть налево, а я настаивал на том, что нам повезет, если нам не придется поворачивать направо.

Затем эсминец повернул и ушел прочь. Он взял лево руля, развернулся и вернулся к горящему конвою.

Я так и не смог объяснить его действия. Возможно, его возвращение было ответом на просьбу о помощи четвертого танкера, но почему он раньше не повернул к нам, почему так и не открыл огонь, я не понял. Может быть, он совсем нас не видел, хотя это кажется почти невероятным. Может быть, капитан думал, что вблизи конвоя была еще одна подлодка, и повернул, чтобы ее отыскать.

Какова бы ни была причина, но он повернул прочь, и наше чувство облегчения было неописуемым. Наконец мы могли убраться от несущих угрозу берегов.

— Ладно, Фил. Он повернул влево. Дам тебе повернуть на пять градусов.

А затем, пока эсминец удалялся все больше и больше, а мы уверовали, что он и в самом деле ушел навсегда, взяли курс в открытое море, туда, где под нами была желанная глубина. Моряки по нескольку человек поднимались наверх, чтобы полюбоваться на зрелище позади нас. Даже на расстоянии в четыре мили это было незабываемое зрелище — адский огонь на романтическом тропическом берегу.

Было почти сладостным удовольствием чувствовать все больше саженей глубины под собой. Мы достаточно долго оставались на поверхности, для того чтобы немного зарядить аккумуляторные батареи, а когда стало совсем светло и после того, как я направил адмиралу донесение о том, что, надеюсь, показал себя с лучшей стороны во время ночного приключения, велел Снэпу погрузить лодку до двухсот футов и взять курс на Перт. На «Флэшер» бодрствовали не более четырех-пяти человек. Мы собрались в кают-компании и некоторое время вспоминали ночную атаку, прежде чем лечь спать.

Я встал не ранее четырех часов второй половины дня 22 декабря. Поздно вечером мы получили послание от адмирала Кристи: "Великолепно. Рождественский подарок. Грайдер, поздравляю вас всех. Возвращайтесь домой. Рубин может

гордиться своим старым кораблем".

Мы не узнаем об этом до тех пор, пока не будут получены все данные после войны, но «Флэшер» к тому времени уже уничтожила больше тоннажа вражеских танкеров в одном-единственном боевом походе, чем любая другая субмарина на Тихом океане.

Глава 13
"Зачистка"

Мы пересекли экватор к западу от Борнео в день Рождества и отметили это, расстреливая плавающие мины, сорванные штормом. Разбуженный по такому поводу, я сонно размышлял о странности того, что благодаря потоплению шести японских судов на «Флэшер» установилась атмосфера всеобщей радости и доброжелательности, даже миролюбия. После полудня Фил организовал торжественный ужин. Весь экипаж собрался у кормовых батарей, чтобы спеть рождественские песни, а сам Фил выступил в роли Санта-Клауса, раздавая всем подарки. Самый толстый моряк на борту получил корсет, самому большому обжоре дали маленькое корыто, Маккэнтс получил парик, чтобы прикрыть свою лысину, а Тому Беку досталась пара ботинок. Мне дали бейсболку с козырьком в фут длиной, что вызвало насмешки других членов экипажа, которые, видя меня не снимающим бейсболки, рассматривали это как умеренную степень эксцентричности. В тот вечер квартет «Флэшер» собрался у микрофонов общей системы оповещения с фонариками и песенниками в руках и исполнял песни. На мгновение я почувствовал, что вновь обрел дух Рождества, но даже мои умные рассуждения о парадоксах некоторое время назад в этот день не смогли изничтожить нехристианскую гордость за наш недавний триумф. Часть моего сознания напомнила мне, что временами в прошлом мне недоставало скромности и что всегда происходило нечто, чтобы восполнить этот пробел.

На этот раз это была проблема физического и психологического свойства, проблема прохождения через Малайскую гряду островов.

От побережья Индокитая мы проследовали через Южно-Китайское море вниз к Яванскому морю. Там лежала эта гряда, цепь островов, тянущаяся с востока до Малайского полуострова, между нами и относительно безопасными водами Индийского океана. Мы возвращались другим путем, отличным от того, которым шли туда, а ключ проблемы был в проливе Ломбок.

Пролив отделял остров Бали от острова Ломбок, оба они были в руках врага. Я проходил через него лишь однажды, на «Хокбилл». В то время мы сделали это без происшествий, но были многочисленные доклады о трудностях, с которыми субмарины встречались в этом заливе, и во мне неотступно росло убеждение, что нам придется заплатить в проливе Ломбок за легкость, с

которой нам удалось уйти после грандиозной атаки.

Мы пересекли пролив Каримата возле Борнео в рождественскую ночь и вошли в Яванское море. Еще через два дня, приближаясь к острову Ломбок, я решил срезать путь к западу от маленькой группки островов под названием острова Кангеан. Это сократило нам путь примерно на сто миль, и мы оказались в непосредственной близости от блестевшего на солнце тропического острова под названием Гоа-Гоа, с прилепившимися к нему многочисленными рыбацкими парусными лодками.

В боях легко становишься суеверным. Я вспомнил, как мы передавали блок сигарет экипажу парусной лодки в начале патрулирования и это принесло нам удачу. Почему бы не попытаться сделать это на счастье на обратном пути? Мы догнали один из парусников у Гоа-Гоа и передали сигареты и несколько буханок хлеба. Первая буханка не попала в лодку, и один из туземцев прыгнул за ней в воду, его зубы сверкали в широкой улыбке, когда он нырял, а я помахал ему рукой и устремил взгляд в направлении пролива Ломбок.

При всех своих дурных предчувствиях я держался самоуверенно. Когда ближе к вечеру мы заметили самолет, летевший в направлении пролива из Сурабаи, я выждал до последней минуты, прежде чем опуститься до перископной глубины. В ту же минуту, как только самолет пропал из вида, мы снова были на поверхности и шли в направлении залива, настолько нам не хватало терпения дожидаться темноты.

В ширину пролив Ломбок достигает десяти — двенадцати миль, и в мирное время, я уверен, он выглядит гигантским. Но единственный раз за всю войну чувство клаустрофобии появилось у меня, когда мы входили в этот пролив. Он казался ужасно узким, когда я подумал о береговой артиллерийской батарее противника на острове Бали. Но мы вошли в него, и примерно на закате оператор радара сообщил о контакте на расстоянии в пять миль, несколько ближе к корме по траверзу с правого борта. Мы увидели направляющийся к нам патрульный катер.

Я совсем не хотел идти на вынужденное погружение, и менее всего в проливе Ломбок, поэтому отвернул и запустил четыре дизеля в попытке оторваться от него. Некоторое время он постоянно сокращал расстояние, пока не оказался на дистанции примерно в три тысячи ярдов, но я все еще не погружался. Я был полон решимости этой же ночью пройти пролив, зная, что, если сейчас мы отложим это, вторая попытка будет вдвое труднее.

Он мог бы воспрепятствовать нашему движению, если бы изменил курс так, чтобы оказаться между нами и проливом, однако продолжал следовать за нами по прямой. Наконец мы

прибавили скорости и стали отрываться, с ускорением примерно один фут в минуту. Мы произвели свое последнее изменение курса и шли посередине пролива с патрульным катером за кормой, когда опустилась ночь. Тогда катер открыл по нас огонь.

Поначалу я отказывался это признать.

— Он стреляет, командир, — сказал мне вахтенный офицер Том Бек с нотками озабоченности в голосе.

Я отрицательно и с надеждой покачал головой.

— Нет, — сказал я, — он подает сигнал.

Мне очень хотелось так думать, а через минуту пришлось признать правоту Тома. У катера на носу, как оказалось, была 20-миллиметровая пушка, и снаряды начали падать вокруг нас, за кормой впереди нас и справа и слева по борту.

И все же я не хотел нырять. В проливе было множество других сторожевых кораблей, и если бы мы сбавили скорость, то оказались бы в затруднительном положении. Я решил, что самый лучший выход попытать счастья с этим противником — продолжать идти полным ходом в Индийский океан. Я отправил Тома и сигнальщиков вниз и остался на мостике один.

И там, наверху, в темноте, я пошел на долго откладываемый вынужденный шаг. Никто на «Флэшер» не знал, что со мной произошло в несколько следующих минут.

Мы заранее разработали план на случай ситуации, и внизу, в боевой рубке, все думали, что я приводил его в исполнение. Это был достаточно хороший план: мы приготовили бидон, наполненный порохом и пропитанными маслом тряпками с фитилем. Идея состояла в том, чтобы поджечь его в случае атаки патрульного катера и выбросить за борт. Он взорвется и вспыхнет, а противник подумает, что это мы, и будет его расстреливать, в то время как мы весело продолжим свой путь.

Бидон стоял позади меня на мостике, но, когда снаряды стали падать ближе к «Флэшер», у меня пропал всякий энтузиазм к тому, чтобы зажечь даже спичку на мостике. Это дало бы слишком хороший ориентир на цель. Вместо этого я выбросил бидон за борт и стал думать, какую часть своего тела мне не так жалко подставить под удар.

На мостике всегда было несколько выдерживающих большое давление контейнеров для хранения боезапаса для нашего автоматического малокалиберного орудия. Они были округлые, около восемнадцати дюймов в диаметре и хороши для того, чтобы за ними спрятаться, за исключением одного недостатка. Я обнаружил, что могу укрыть за контейнером примерно одну треть своего туловища.

Слишком мало написано о проблеме того, что выставлять,

если у вас вообще есть что выставлять. Она может быть весьма мучительной.

Сначала я согнулся, спрятав голову и плечи за контейнер, думая предохранить свои верхние уязвимые части тела. Просвистел снаряд, моя нижняя часть дернулась, и ужасная мысль пришла мне в голову.

— Боже мой! — пробормотал я. — Если меня в конечном счете заденут, это будет ужасно! Что я скажу?

Я нервно повернулся, сел на корточки и высунул голову.

Но кому нужны нетронутые ягодицы, если будет снесена голова?

Я размышлял над этим вопросом со все большим беспокойством и наконец сделал отчаянный шаг, о котором прежде не признавался никому. Обстрел стал наиболее интенсивным, и был период, когда подлодка США «Флэшер», это славное победоносное оружие военного флота Дяди Сэма, шла курсом на юг через Ломбокский пролив со скоростью девятнадцать узлов, с пустым мостиком, если не считать командира, у которого виднелась лишь одна верхняя часть головы. Я разрешил проблему, убрав нижнюю часть тела в люк.

Я подвергался этому наказанию все время, пока патрульный катер не остался далеко позади, и лишь тогда возвратился на свой пост и как ни в чем не бывало позвал Тома Бека, чтобы сказать ему, что теперь он может подняться не опасаясь. Он подошел, и мы радовались вместе, пока не посмотрели вперед и не увидели второй патрульный катер, приближающийся к нам с юга.

На этот раз и в самом деле не оставалось ничего другого, как уходить под воду. Мы погрузились, и я сказал себе, что теперь, 22 декабря, мы должны выдержать глубинную бомбежку, которую заработали, но не получили.

Он прошел прямо над нами и продолжил путь дальше, так и не сбросив глубинную бомбу. Вероятно, он нас так и не заметил. И что еще лучше, когда мы ушли под воду, совершенно сбили с толку первый патрульный катер. Через полчаса мы уже вновь были на поверхности, двигаясь на юг и ликуя.

Оставалось еще миновать береговые батареи на острове Бали, на южном конце пролива. Теперь моя самонадеянность улетучилась. По мере того как мы приближались, я становился все напряженнее. Мы подтянулись как можно ближе к острову Ломбок и осторожно шли вдоль него, задержав дыхание, и в тот самый момент, когда я подумал, что для них самое подходящее время, чтобы открыть огонь, в небе над Бали сверкнула молния, и я чуть не свалился за борт от неожиданности.

Для меня в тот вечер это был последний знак судьбы, который состоял в том, что меня прикрыла вспышка молнии.

Батареи так и не открыли огонь, и через несколько минут на «Флэшер» началась качка, и она стала зарываться в воду, когда окунулась в высокие, славные и удивительно безопасные волны Индийского океана.

Теперь мы могли расслабиться и подшутить над Снэпом Коффином. Снэп был инженером, на берегу бегал по общественным делам, но был очень серьезным офицером на борту корабля. Учитывая установившуюся традицию, согласно которой на меня были возложены штурманские обязанности при возвращении домой «Уаху» во время третьего патрулирования, Снэпу поручили быть штурманом на оставшееся время пути.

У нас оставалось топлива на опасном пределе, о чем ему, как инженеру, было прекрасно известно. Это требовало точной обсервации, а у Снэпа было очень мало опыта в этом деле. В течение первых двух дней он проявлял беспокойство, пока к нему не стала возвращаться самоуверенность, тогда офицеры и другие члены экипажа «Флэшер» сговорились против него и чуть ли не подорвали его моральный дух.

Мы были в добрых шестистах милях от ближайшей суши и шли курсом на залив Эксмут к пункту на северо-западе Австралии, где должны были дозаправиться. Однажды мы сидели в кают-компании, когда вошел Снэп со своим дневным докладом для меня.

Он обозначил мне наше местоположение, а я поблагодарил его и спросил, уверен ли он в своей правоте.

— Да, сэр, я уверен, — сказал он. — Это наше точное местоположение. Я сделал утром отличную обсервацию и проложил линию системы координат от положения утреннего солнца, а теперь определил обсервационное место судна в полдень. Я знаю точно, где мы находимся.

Просто сердце кровью обливалось при виде его самоуверенной гордости, ввиду того что его ожидало впереди.

— Отлично, Снэп. Как у нас с топливом?

— Ну, нам надо будет заправиться. Мы сможем это сделать только в заливе Эксмут.

А потом, как раз в самый подходящий момент, вошел вестовой.

— Сэр, палубный офицер докладывает, что в перископ они видят землю.

Я смотрел на Снэпа и молча ждал ответа.

— Нет, сэр! — воскликнул он горячо. — Это не может быть земля!

— Вероятно, это мираж, — сказал я непринужденно. — Давай пойдем взглянем.

Я встал и медленно направился в боевую рубку. Снэпу до смерти хотелось попасть туда первым, но ему пришлось пропустить меня вперед. В боевую рубку я первым прошел вверх через люк и направился к перископу. Мы были на поверхности, но перископ давал нам гораздо лучшее поле зрения, чем с мостика.

Поднимаясь по лестнице, мы слышали, как рулевой говорил:

— Приготовиться… дайте пеленг… — и выкрикивал пеленг.

Другой рулевой озабоченно записывал его.

— Дай посмотрю, — сказал я и примерно в течение минуты стоял у перископа.

— Ей-богу, ты прав, — сказал я наконец. — Это земля, Фил, посмотри-ка.

Старпом подошел к перископу.

— Дайте мне посмотреть, — попросил Снэп со все возрастающим беспокойством в голосе.

— Нет, погоди минутку, Снэп, — сказал Фил. — Командир, это поразительно. Похоже на что-то вроде здания на побережье. Посмотри туда!

Я посмотрел и согласился, а затем сообщил, что видны дома, и передал перископ Филу, который тоже увидел дома. Отчаянные просьбы Снэпа взглянуть становились просто душераздирающими.

— Снэп, — спросил Фил строго, — что это может быть за место?

— Этого не может быть! — воскликнул он. — Это мираж!

— Ладно, — сказал я, — до тех пор, пока мы не выясним, где находимся, нам лучше погрузиться. Снэп, как полагаешь, не следует ли нам произвести замер глубины лотом?

— Разогреть эхолот! — трагически простонал Снэп. — Произвести замер глубины!

Голос из боевой рубки прозвучал как приговор:

— Три сажени.

— Командир! — позвал сигнальщик с мостика. — Мы уже отсюда видим землю!

Бедный Снэп бросился через люк наверх, в шоке оглядел огромные морские просторы вокруг. Только благодаря железной дисциплине на флоте он никого не убил голыми руками.

* * *

Мы чуть было не использовали нашу последнюю торпеду в

нескольких милях от залива Эксмут.

Радар показал контакт с судном, о котором нам не докладывали. Яркая луна только всходила, и на горизонте мы видели неясное пятно. Мы начали его преследовать и послали донесение в Перт, запрашивая, есть ли в этом районе какие-нибудь наши суда. Тут же был получен отрицательный ответ.

Наконец мы вышли на позицию, где судно должно было оказаться между нами и луной. Это была подводная лодка. В Перте, вне всякого сомнения, знали, если бы какая-либо из наших субмарин находилась в этом районе. Я подумывал о том, чтобы открыть по ней огонь, но решил прежде разведать получше, поэтому сделал разворот и пересек ее курс таким образом, что она оказалась между нами и луной. На этот раз мы были ближе. Она походила на британскую подлодку.

Я достал маленькую сигнально-опознавательную лампу, велел открыть крышку торпедного аппарата и подключил ее к ВУРТА, с тем чтобы мы были готовы по команде дать залп. Затем я дал ему сигнал-запрос на опознавание.

Ничего не произошло. Я знал, что был правомочен открывать огонь, но как-то не мог решиться на это. Я сделал еще один круг, вновь вышел на боевую позицию и на этот раз включил переносной прожектор, луч которого был виден ночью на многие мили. И опять никакого ответа.

Снова мы сделали круг. На этот раз использовали свой трехдюймовый прожектор, бросая им вызов. И на этот раз смогли ясно различить, что это была британская субмарина. На мостике — ни души. Лодка шла с величайшей беспечностью, не отвечая, не ныряя под воду и не меняя курса. По сей день ее экипажу и в голову не приходило, насколько близок он был к тому, чтобы быть торпедированным.

* * *

Мы пополнили запасы горючего в заливе Эксмут, а через несколько дней снова были в Перте, где на первом плане в перечне дел была женитьба Фила Гленнона.

Его невестой была красивая девушка из хорошей семьи в Перте. Он встречался с ней раньше в оставшееся время перед двумя или тремя выходами в море, когда он и Том Маккэнтс ходили охотиться на кенгуру. Дорри вместе с другими членами семьи тоже охотилась на кенгуру, но она оказалась рядом с Филом, и оба они проявили в этом деле большое усердие.

В соответствии с традицией после бракосочетания они

устраивали банкет, а не обычный прием. В таких случаях отец невесты, как принято, встает и берет слово, а отвечает в ответ ему отец жениха. Фил попросил меня выступить в этой роли.

Это была чудесная свадьба. Все мы так долго находились вдали от дома, что смотрели на все происходящее со слезами на глазах, скорее как школьницы, чем как военные моряки. Ну а потом было застолье.

Отец невесты, когда настал его черед, поднялся и сказал много приятного и кое-что в шутливом тоне. Потом он сел, и все посмотрели на меня.

У меня имелась в запасе прекрасная шутливая байка, которая, как мне казалось, была к месту. Это был рассказ о мальчике, который решил, что его любимая черепаха умерла. Чтобы успокоить его, отец пообещал устроить ей очень пышные похороны, но, когда они к ним приступили, вдруг обнаружили, что черепаха еще жива, и мальчик сказал: "Пап, давай убьем ее". Так что я поднялся, полный уверенности в себе, и начал свой длинный рассказ, представлявший собой тщательно продуманную версию этой истории, и при первой подходящей паузе посмотрел на Фила, чтобы узнать, нравится ли она ему.

Он повернулся, побледнев как мел, руки его тряслись.

Сбитый с толку, я посмотрел на других офицеров «Флэшер». На лице каждого из них отразилось некоторое замешательство, смущение или даже откровенный ужас.

Сильно потрясенный, я скомкал оставшуюся часть повествования, а когда оно подошло к концу, офицеры «Флэшер», включая жениха, разразились на весь банкетный зал оглушительным смехом. Я ничего не понимал, пока они мне не объяснили причины, вызвавшей их хохот. Они подумали, что по этому в высшей степени благопристойному случаю я собирался рассказать какую-нибудь не вполне приличную историю. Когда оказалось, что история безобидна, они были слишком рады для того, чтобы обращать внимание на то, смешная она или нет.

В то время как Фил и Дорри собирались на свой медовый месяц, все остальные моряки с «Флэшер» наслаждались незабываемым отдыхом в Перте, а я познакомился со своим новым боссом. 30 декабря контр-адмирал Джеймс Файф-младший сменил адмирала Кристи на посту командующего подводным флотом юго-западной части Тихого океана. Это был блестящий офицер, всей душой преданный своему делу на посту командующего и с душой подводника. В то время как число японских военных кораблей продолжало уменьшаться, ему предстояло возглавить операции по «зачистке» акватории. У него не оставалось сомнений в том, что в его штаб-квартире в будущие

дни работа будет идти с неослабеваемым усердием.

"Флэшер" отправилась в свое шестое боевое патрулирование 27 января 1945 года. Фил был с нами, большая фотография Дорри висела над его койкой, но Снэп Коффин задержался, чтобы вставить зубы. Эдди Эткинсон, в мрачном настроении от недавней вести о смерти брата в боевой операции в Индии, занял место Снэпа в качестве инженера-механика и офицера погружения, а Боб Харнер, молодой выпускник школы подводников, занял место Эдди в качестве интенданта и помощника офицера-торпедиста.

При всей срочности дел адмирала Файфа, когда мы отправлялись в этот раз, наши взоры были откровенно устремлены на Мэри-Айленд. Мы знали, что в конце этого похода мы придем в Пёрл-Харбор и, следовательно, на судоремонтный завод для производства ремонта, что потребует по меньшей мере два с половиной месяца. И все мы получим тридцатидневный отпуск. Это была чудесная перспектива, в то же время это действовало деморализующе. Я знал, что, как только мы выйдем в атаку, внутренний голос будет мне нашептывать: "Будь осторожен, когда все это кончится, ты отправишься домой".

Я все больше привыкал к одиночеству командира. Как бы ни мало было подразделение, командир стоит несколько особняком от других офицеров. Независимо от того, насколько они были хорошими или насколько дружелюбен капитан, всегда существует напоминание о различии в ответственности, когда они говорят: "Есть, сэр", или в том, как они произносят «командир». Так и должно быть, но иногда оставляет у человека некоторое чувство опустошенности.

Ничегонеделание это подчеркивает. Большая часть времени на подлодке в походе проходит без событий, и для командира, освобожденного от каждодневной рутины, время течет медленно. Я оторвался от своих занятий, чтобы пообщаться с Филом и пригласить его сыграть в крибидж, чтобы отвлечь его от дум о Дорри. Но даже у Фила было больше обязанностей, чем у меня, и скука усилилась, в то время как мы шли в район патрулирования.

Дни для меня стали проходить как по шаблону. После того как мы миновали пролив Ломбок — на этот раз без приключений — и были уже в неприятельских водах, я оставлял распоряжение на ночь в вахтенном журнале, чтобы меня вызвали в пять тридцать, примерно за полчаса до дневного погружения. Вахтенный офицер вызывал меня утром, я поднимался и сонно карабкался на мостик, чтобы оглядеться и поговорить, и, наконец, когда доклады все еще продолжали поступать, он рапортовал:

— Все в норме, мы готовы к погружению.

Я направлялся вниз к люку со словами:

— Хорошо, погружайте лодку, — чувствуя себя немного бесполезным, в то время как он давал сигнал к погружению.

Затем я шел в кают-компанию, чтобы съесть завтрак и попытаться расписать свой день по порядку. Если день был действительно спокойным, я шел спать. Спать было спокойнее, когда мы находились в подводном положении, потому что была полная безопасность, и с хорошим вахтенным офицером у перископа я знал, что нас не ждут сюрпризы. Через пару часов сна я вставал, немного читал, беспокоился по поводу своей склонности есть слишком много конфет и орешков, писал Энн и искал случая сыграть в крибидж. Иногда я отдавал распоряжения о проведении тренировочных занятий. Но большинство моряков «Флэшер» были теперь уже такими опытными, что в этом вряд ли была особая необходимость.

Я часто проходил по лодке, разговаривал с людьми, немного шутил с ними, пытаясь поддерживать у них "чувство лодки". Я читал книги Ли «Лейтенант» и "Адмирал океанских просторов" и слушал Пятую сонату Бетховена на высококачественном граммофоне. Существует миф о том, что подводники регулярно делают ритмическую гимнастику, чтобы поддерживать форму в походе, но я уверен, что любой офицер, который попытался бы заставить ввести в обиход ритмическую гимнастику на субмарине, был бы высмеян всеми на лодке. Конечно же я никогда не пытался этого делать.

В офицерском жилом отсеке было четыре каюты и койка, которую можно было разложить в кают-компании. У нас было девять офицеров — по двое на каюту, а бедному Эдди Эткинсону приходилось делить каюту со мной. Помещения на лодке ничтожно малы, и очевидно, что в том, чтобы делить каюту с командиром, нет никакого преимущества.

Дневное время — самое бедная событиями часть суток. С наступлением темноты вахтенный офицер докладывал вниз, что мы готовимся к всплытию, и лодка как будто оживала. Звучал сигнал к всплытию, высокое давление нагнеталось в главные балластные цистерны, и с сигналом ревуна корабль начинал подниматься на поверхность. Когда глубиномер показывал, что самый верх люка боевой рубки поднимается из воды, он открывался. Тогда я поднимался на мостик, потому что это был момент, когда могла произойти всякая неожиданность.

В течение дня давление внутри погруженной лодки поднимается на два-три дюйма ртутного столба выше атмосферного из-за небольших утечек воздуха из баллонов. При открытом люке приходится отступать назад, потому что воздух

под давлением внутри подлодки вырывается с такой силой, что может сбить человека с ног. Таким образом, сначала вырывается поток воздуха при открытии люка, а спустя мгновение слышится звук шагов вахтенного офицера и сигнальщиков, поднимающихся по трапу. Затем с более важным видом следую я. Запускаются двигатели и вытяжной вентилятор, чтобы выдуть остатки воздуха из цистерн главного балласта, и один или два электромотора ставятся на подзарядку аккумуляторной батареей, в то время как мы медленно идем в режиме патрулирования, используя мощь остальных дизелей, следя за всем, что нам встречается на пути.

Довольно странно всегда наступает период, когда всему экипажу приходится привыкать к свежему воздуху. Когда он поступает первый раз, пахнет ужасно. В течение многих часов мы привыкли к воздуху, пропитанному запахами кухни и другими запахами, и свежий воздух в первые минуты кажется почти тошнотворным.

После того как мы всплываем, чувствуется, что атмосфера в лодке становится все более праздничной. Я сижу в кают-компании со свободными от вахты офицерами. Мы разговариваем, играем в карты, немного слушаем музыку по радио. И каждый раз, когда меняется курс, погода или что-то обнаруживается, ко мне подходит вестовой, чтобы сообщить об этом. После пассивного состояния в течение дня это вызывает облегчение.

Еда всегда доставляла удовольствие, потому что питание на подводной лодке во время войны было превосходным, и только из-за пресыщения вкусными блюдами мы придирались к Эдди Эткинсону по поводу еды, подаваемой во время предыдущего похода. У нас были сравнительно большого объема холодильные камеры, в которых хранились самые лучшие продукты, если только патрулирование не затягивалось на более длительный срок, чем предполагалось. В этом случае свежезамороженное мясо могло кончиться и порции стать более скромными, но все же большими, чем у гражданского населения в Штатах. Мы каждую ночь выпекали свой хлеб, и одной из самых приятных привилегий командира было то, что он около пяти часов утра мог пойти назад в отсек, где пекарь вынимал из печи горячий хлеб. А на борту у нас была и чудо-машина для приготовления мороженого, которое сверху украшалось свежезамороженной земляникой или специально приготовленными взбитыми сливками.

Ближе всего мы подошли к кризису с продуктами на «Флэшер», когда однажды, после того как пробыли в море в течение месяца, у нас не осталось взбитых сливок. Несмотря на это, мы оставались строго на позиции и ели землянику просто

так.

Кажется странным, что, когда, делясь воспоминаниями об этой жизни, слышишь, как люди сетуют по поводу ее лишений и ужасов подводного плавания. "Но быть замурованным там внизу под водой все время и никогда не знать, где находишься!" — говорят они. Ну, мы почти всегда знали, где находимся, и бывали на поверхности чаще, чем под водой, и я еще не встречал ни одного подводника, страдающего какими-либо фобиями или комплексами в результате пребывания в ограниченном пространстве.

Подводники проводили гораздо большую часть времени на койках, чем большинство моряков надводных кораблей. Для подлодки это было одним из видов величайшей роскоши. Работа могла быть длительной и опасной, когда подводники были на боевых позициях, но в дни и недели будничного патрулирования они могли выполнять свои повседневные обязанности, стоять на вахте, и все-таки у них оставалось много времени для сна и развлечений. Они играли в карты в старшинской кают-компании, которая была аналогом офицерской. Всегда можно было попить кофе, места там хватало для шести человек, которые размещались за четырьмя столами, а приходить разрешалось в любое время суток.

Спокойными ночами любой желающий подняться на мостик, подышать свежим воздухом мог это сделать. И все, что ему нужно было сделать, — это подняться в боевую рубку, высунуть голову из люка и сказать: "Разрешите подняться на мостик, сэр?" Вахтенный офицер разрешит: «Поднимайся». Но очень немногие это делали. Они предпочитали оставаться внизу. Помимо тех, кто нес вахту на мостике, на «Флэшер» были люди, которые ни разу не видели неба с того времени, как вышли в море, и до момента, когда вернулись в порт.

У нас был краткий период возбуждения в начале этого шестого патрулирования, когда мы присоединились к нескольким другим субмаринам в поиске японских линейных кораблей, о которых было известно, что они совершали переход от Сайгона до Японской империи, но мы их так и не увидели. «Флэшер» шла в одной команде с «Бешо» в "волчьей стае" из двух подлодок под моим командованием, и после бесплодной охоты в составе временной оперативной группы мы патрулировали близ острова Хайнань. 21 февраля мы обнаружили свои первые цели. Они были до смешного малы.

Когда мы впервые увидели их в дымке ближе к концу второй половины дня, они выглядели как два эскортных миноносца, но после двух часов маневрирований, с тем чтобы подойти поближе

и рассмотреть получше, они оказались двумя "морскими грузовиками" — деревянными грузовыми судами. Теперь, в конце войны, японцам отчаянно недоставало судов, и они использовали деревянные суда на дизельных моторах для перевозки небольших грузов, обычно не более пятидесяти тонн. Они перевозили небольшое количество людей и масло в бочках.

И все-таки после всех этих бесплодных недель мы решили, что на них стоило потратить наши торпеды. Скоро будет достаточно лунного света для орудийной атаки, а я хотел дать и Хоуку Симпсону с «Бешо» возможность действовать. Поэтому мы дали им пройти, всплыли, чтобы последовать за ними, и послали донесение Хоуку.

Вскоре после семи часов вечера в ту ночь мы засекли обе цели, но к тому времени пошел дождь, и видимость была слишком слабой для хорошей атаки из орудий. На «Бешо» выразили намерение выстрелить двумя торпедами по "морским грузовикам", и я дал Хоуку «добро». Мы шли вслед, в то время как он шел на сближение с целью. Это была отличная работа, и в течение часа он дал залп, уничтожив одну из целей, по промазав по второй. Он предложил атаковать другую из пушки, и мы сократили дистанцию, чтобы понаблюдать. Но что-то не заладилось с палубным орудием «Бешо». Мы взяли работу на себя и продолжали стрелять из наших четырехдюймовых орудий до тех пор, пока цель не перевернулась. Киль высовывался из воды, в то время как мы шарили между обломков, а люди облепили киль. Им было далеко до дома, а вода была холодной. Я взял мегафон и прокричал в него на своем лучшем японском языке, знания которого были почерпнуты мной из разговорника:

— Давайте на борт, мы не причиним вам вреда!

Они только смотрели на нас, вытаращив глаза.

Мы начали отходить, когда заметили двух человек, цеплявшихся за нос лодки и пытавшихся вскарабкаться на борт. Я послал двух наших матросов на палубу, чтобы взять их на борт в качестве пленных.

Нашими «пленными», которых загнали вниз, постригли, переодели и приковали цепью к стойкам, оказались напуганные подростки. Я решил их допросить, поэтому надел рубашку цвета хаки и некоторые знаки различия, сел во главе стола в кают-компании. Их привели ко мне. Это был допрос как в комической опере, оба они тряслись от страха, в то время как я старался выглядеть строго, когда произносил слова из англо-японского словаря. Наконец они успокоились настолько, что один из них признал, что может немного говорить по-английски, и после этого дело пошло легче. Они были китайцами, которых насильно

заставили вступить в японский военно-морской флот в Гонконге, и были счастливы выйти из него. Такова была их история, и я был вдвойне склонен ей верить, когда осмотрел бумажник, найденный среди их одежды. В нем была фотография казавшегося знакомым человека восточной наружности, и сначала мы подумали, что это, должно быть, был японский кронпринц. Но, приглядевшись, мы узнали его, это был парень, который играл в кино роль сына Чарли Чэна.

В последующие дни между нами и нашими пленниками установились прекрасные отношения. Мы называли их Винг и Вонг и поместили одного в носовом, а другого в кормовом торпедном отсеке. Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так работал. У них эти помещения блистали чистотой. Экипаж их полюбил, им дарили безделушки и кое-что из одежды. Каждый из них получил армейские ботинки, и их гордости не было предела. Они их не снимали, даже когда ложились спать.

Четыре дня спустя «Бешо» доложила о контакте с маленьким торговым судном, эскортируемым патрульным катером типа «чидори». Мы пересекли курс цели и приготовились к тому, что Хоук будет атаковать. Но цель сделала противолодочный зигзаг вскоре после того, как тот нырнул, и по мере того, как он продолжал на всех парах удирать, стало очевидно, что атака Хоука провалилась. «Флэшер» вышла на боевую позицию.

Мы опустились до перископной глубины — полная луна исключала атаку в надводном положении — и наблюдали, как «чидори» проходит мимо. Затем появились смутные очертания грузового судна, и мы повернули влево для выстрела из кормовых аппаратов, рассчитывая дать залп из трех торпед.

Мы прикинули, что дистанция была порядка девятисот ярдов, и выстрелили тремя торпедами. Прошла минута, и не было слышно никакого звука: первая торпеда, должно быть, прошла мимо. Прошла еще одна минута, и — ничего. В мрачном настроении я начал разворачиваться для залпа из носовых аппаратов, чувствуя, что теперь было мало шансов попасть в него.

Затем, по прошествии двух минут и двадцати секунд, первая торпеда ударила в него, а затем вторая и третья.

Это была просто фантастика. Мы ошиблись по меньшей мере на триста ярдов, нам не удалось сделать торпедный залп, и все-таки мы поразили эту маленькую цель. Грузовое судно просто исчезло, не оставляя после себя ничего, кроме небольшого пятна на воде, «чидори», пыхтя, несколько минут крутился вокруг, а затем дал деру оттуда, а я позвал Боба Харнера, нашего нового офицера, в свой угол боевой рубки.

— Слушай, Боб.

— Да, сэр?

— Боб, так легко бывает не всегда.

Это была его первая атака.

Всего лишь маленькое грузовое судно, и мы атаковали его только потому, что ему удалось оторваться от «Бешо», и потопили мы его по непостижимой случайности. Однако существовала некоторая разница между успешным патрулированием и учебным заходом на цель. Этот успех принес еще одну звезду славы в копилку заслуг экипажа и повысил его моральный дух, соответственно важности этой победы. А после того, как закончилась война и Совместной аттестационной комиссией по армии и флоту были подведены итоги боевых действий подводных лодок, она приобрела еще большее значение. Незначительный тоннаж этого грузового судна, всего в восемьсот пятьдесят тонн, обеспечил «Флэшер» рекорд по тоннажу потопленных судов в течение всей войны, превысивший отметку в сто тысяч тонн, и позволил нашей лодке достичь самого высокого показателя среди всех субмарин. Без учета этого последнего грузового судна самый большой тоннаж потопленных судов, в 99 901 тонну, был на счету у «Рэшер», что выводило ее на высшую ступень пьедестала. Последний успех также довел общее количество потопленных нами судов до двадцати одного, что ставило нас на четвертое место после «Таутог», "Тэнг" Дика О'Кейна и «Силверсайд». Как хорошо известно каждому ветерану-подводнику, все эти статистические данные не имеют такой большой ценности, как реальные события, во время которых совершались эти дела, по я был горд и чувствовал удовлетворение оттого, что было закреплено блестящее достижение «Флэшер» в первых четырех патрулированиях под командованием Рубина Уитикера.

* * *

В конце февраля, когда наше патрулирование приближалось к концу и моряки проявляли все большее нетерпение в желании взять курс на Пёрл, я совершил ужасную ошибку. Направил адмиралу Файфу донесение, сообщая ему, что нам придется покинуть район на пару дней раньше, если мы не сможем заправиться в Субик-Бэй. В ответе он мне заявил, что это прекрасная идея: мы могли бы дозаправиться в Субик и продолжить плавание еще две недели, прежде чем возвратимся в Пёрл. Я собственными руками "перерезал себе горло".

К тому времени наши войска взяли Лусон, и сам адмирал

Файф был в заливе на борту субмарины. Единственным удовольствием от пятидневной стоянки в Субик-Бэй был вылет в Палаван, где я мог некоторое время побыть в компании летчиков из группировки ВВС армии США, пилотировавших бомбардировщики, летавшие через Южно-Китайское море до Индокитая. Это была хорошая возможность посмотреть, как живут ребята из других родов войск. И после всех сказок, которые я слышал о шикарной жизни в военно-воздушных силах, было полной неожиданностью обнаружить, что эти люди вели суровый образ жизни. Они жили в джунглях в палатках, совершая вылеты почти каждый день, пересекая все Южно-Китайское море, которое отделяло их от целей. Я был там наблюдателем, потому что к тому времени подводные лодки и самолеты взаимодействовали более тесно, чем когда-либо, обмениваясь информацией и оказывая друг другу всемерную поддержку. Однажды один из летчиков взял меня на борт самолета, чтобы пролететь над Манилой и посмотреть на произведенные там разрушения. При нашей войне под водой мы не видели каких-то сухопутных признаков ведения боевых действий. Это было жуткое зрелище.

Мы отбыли из Субик-Бэй в составе "волчьей стаи" из восьми субмарин. Война вошла в новую фазу, когда японцы стали терпеть поражения одно за другим, как на суше, так и на море. Теперь они уже почти полностью лишились флота, но все еще пытались доставлять продовольствие из Сингапура в империю мимо Малайского полуострова на любых пригодных к плаванию судах. В районе Сайгона было некоторое количество военных кораблей, и наша боевая группа подлодок патрулировала вблизи побережья к северу от этого порта, высматривая все, что только могло нам повстречаться.

Мы оставались в надводном положении днем и ночью и заметили лишь несколько малых судов и чувствовали себя самоуверенно, так, будто мы были хозяевами океана. Гифф Клеменсон на «Скипджек», мой старый товарищ по «Скипджек», командовал в следующем от моего квадрата патрулирования подлодкой. Просто в качестве меры, отвлекающей от однообразия последних двух-трех месяцев, он направил мне в один прекрасный день послание: "Бросаю тебе вызов в игре в бейсбол на берегу. Пиво за тобой".

В воздухе было полно наших самолетов, и в некоторых случаях мы для них играли роль диспетчеров, передавая донесения, помогая им находить друг друга и болтая с ними.

Это длилось бесконечно долго и было малопродуктивно, и мы испытали невероятно огромное облегчение, когда наконец получили приказ проследовать в Пёрл мимо острова Сайпан. Но

оставалась неразрешенной одна проблема дисциплинарного характера, которая возникла в начале патрулирования и становилась все более серьезной. Я выбрал вечер, когда мы проходили через пролив Баши, к северу от Филиппин, чтобы установить порядок.

Так случилось, что все офицеры и большинство матросов на «Флэшер» пристрастились к шоколадному мороженому, которое я терпеть не мог, хотя был в не меньшем восторге от всех прочих его сортов. Каждый раз, когда нам подавали мороженое, а это бывало очень часто, оно было шоколадным. Каждый раз я поворачивался к Бобу Харнеру, нашему новому интенданту, и говорил:

— Боб, не хотелось бы использовать свое служебное положение на этом корабле, но, знаешь ли, я не люблю шоколадное мороженое.

Брови Боба ползли вверх, и у него был вид человека с уязвленным самолюбием.

— Честное слово, командир, я велел им сегодня приготовить ванильное.

Затем я стискивал зубы, все сочувственно улыбались и продолжали есть свое шоколадное мороженое.

Вечером, когда мы проходили через пролив Баши, как обычно, было подано шоколадное мороженое, я повернулся к Пейджу и сказал:

— Пойди возьми на моем столе тот конверт с официальным распоряжением.

Когда он с ним вернулся, я вскрыл конверт.

— Господа, это приказ по кораблю номер 3987Б. Старший помощник его зачитает.

На лицах всех присутствующих отразилось некоторое недоумение; они не понимали, шучу я или нет. Фил вскрыл конверт и зачитал:

— "Приказ по кораблю номер 3987Б. Настоящим утверждаю: количество порций шоколадного мороженого по отношению к другим видам мороженого, подаваемого на борту военного корабля США «Флэшер», не должно выходить за рамки соотношения одно к трем. Подписано собственноручно мной и скреплено печатью 30 марта 1945 года. Дж. У. Грайдер, командир".

Это подействовало. С тех пор разнообразие сортов мороженого, подаваемого на «Флэшер», радовало глаз. Но каждый раз, когда было все, что угодно, кроме шоколадного мороженого, офицеры в кают-компании качали головами и с неудовольствием ворчали по поводу "указа пролива Баши".

Мы остановились у острова Сайпан на один день для дозаправки и отбыли в компании с четырьмя другими подлодками. Мы строго придерживались боевого порядка, при дистанции в тысячу ярдов друг от друга, и, только стемнело в тот вечер, когда мы вышли, вдруг прогремел ужасный взрыв возле одной из субмарин. Я полагаю, это сбросил бомбы самолет, возвращавшийся с боевого задания, но на каждой из подлодок решили, что это была рыскавшая поблизости японская субмарина. Мы бросились в разные стороны, как ватага цыплят, и взяли старт в гонках к Пёрл-Харбору.

"Флэшер", и я говорю это с гордостью, пришла первой.

Глава 14
На базу

Теперь на моем счету было девять боевых патрулирований на четырех различных подлодках, а к тому времени, когда «Флэшер» пришла несколько недель спустя в Сан-Франциско, я был совершенно разбит. Мои нервы были расшатаны, у меня более, чем когда бы то ни было, были нарушены сон и режим питания, и я начал на длительные периоды времени впадать в апатию, более деморализующую, чем просто усталость. Сан-Франциско и «мама» Чжун помогли привести меня в норму.

"Флэшер" вошла в Хантерс-Пойнт, военно-морское сооружение в Сан-Франциско, для производства ремонта, а наши жены ждали встречи с нами. Энн к тому времени перебралась в Пало-Верде, и мы с ней и Билли провели чудный месяц отпуска там до моего возвращения в Хантерс-Пойнт, где мы оставались примерно три месяца, пока на «Флэшер» продолжались работы. Мы жили в сборном доме из гофрированного железа, который теперь, пожалуй, выглядел бы для меня маленьким и пустым, но в то время это был просто рай на земле. И когда мы были там, мы встретили «маму».

Маргарет Чжун была поразительным человеком. Американская гражданка китайского происхождения, одна из самых приятных женщин, каких я когда-либо встречал. Даже еще до начала войны она «приютила» нескольких летчиков, которые должны были присоединиться к голландцам в Индонезии. Они обратились к ней за помощью по поводу кожных заболеваний, но вскоре она всех их поселила у себя в доме.

Один из них однажды сказал:

— Послушай, «мама», хотел бы я, чтобы ты была нашей матерью.

— Я не могу быть вашей матерью, потому что не замужем, — сказала ему "мама", — но вы все можете стать моими белокурыми постояльцами.

Это было началом того, что стало значительным вкладом в усилия, которые прилагались в Сан-Франциско в помощь участникам войны. После того как Соединенные Штаты вступили в войну, «постояльцы» вступили в ряды наших вооруженных сил, и время от времени они возвращались в Сан-Франциско вместе со своими друзьями, чтобы встретиться с «мамой». У нее был просторный дом на Масоник-стрит, сердце большое, как мир, и масса друзей. Она принимала этих ребят и кормила их; они

приводили с собой своих друзей; и уже стало традицией, что каждым воскресным вечером «мама» открывала дом для белокурых «постояльцев». Она «усыновляла» их и давала им маленькие символы, указывавшие на то, что они принадлежат к ее семье. Однажды вечером один летчик совершил ошибку, взяв с собой подводника, который уговорил «маму» распространить свою привязанность и на подводный флот. К тому времени, как я попал в Хантерс-Пойнт, уже стало традицией, что «мама» опекает подводников.

В ее доме могли находиться до ста гостей по вечерам в воскресенье. Друзья из гражданских лиц во всем Сан-Франциско помогали ей. Эти «киви» (служащие нелетного состава), как она их называла, делали все, начиная от внесения своей доли средств на оплату всех мероприятий до сервировки стола. «Мама» знала, как привлечь полезных людей на свои вечеринки. Когда я в первый раз пришел в ее дом, там пела Лили Понс, адмирал Нимиц раскладывал еду, а Гарольд Стассен[5] был одним из его помощников. Она называла подводников "золотые дельфины". У меня до сих пор есть членская карточка ее «клуба», и мы все еще тут и там слышим разговоры о «маме».

Как-то она взяла с собой Энн, меня и еще нескольких своих друзей-"киви", чтобы провести вечер в одном заведении города. Это выглядело так, как словно рядом находился президент Соединенных Штатов. Она подъехала к ночному клубу, остановилась посреди улицы и вышла из машины, велев кому-то присмотреть за ней. Если среди публики шло представление, то его останавливали, пока не усаживали «маму» и прибывших с ней. Это был грандиозный вечер.

Но было и "подводное течение", омрачавшее прелесть нашего пребывания в Сан-Франциско. На «Флэшер» было установлено приспособление, предназначенное для того, чтобы мы могли проходить через минные поля. В наше следующее патрулирование мы должны были идти в Японское море, чтобы топить суда у самых берегов Японской империи, и новое оборудование было призвано сделать эту работу менее опасной. С приближением лета 1945 года и когда вести с войны с каждым днем становились все более обнадеживающими, все мы смотрели на это предписание с несколько меньшим энтузиазмом.

Мы вернулись в Пёрл в августе, и наступил период интенсивных тренировок. Каждый день мы выходили в море и практиковались в форсировании учебного минного поля. Каждый вечер мы заходили в сухой док, чтобы спутанные минрепы могли быть срезаны с наших гребных винтов. Это немного нервировало перед боевым походом.

За день или два до того, как мы по плану должны были отправиться к Японской империи, газеты запестрели сообщениями о том, что японцы будто бы собираются капитулировать, а вечером перед самым отплытием новость об этом стала официальным сообщением. В Пёрл-Харборе в ту ночь была суматоха. С каждого корабля в воздух палили пушки, и каждый адмирал на Гавайях слал депеши с требованием прекратить это. Я никогда не сомневался в том, что «Флэшер» устроила самое впечатляющее представление. Мы использовали весь свой запас световых сигнальных ракет, стреляя ими из маленького миномета на мостике. Мы делали по одному выстрелу в секунду. Все они были снабжены парашютиками, и выглядело это красиво: они медленно опускались к воде, и каждая вспыхивала своим цветом. Я пригласил капитан-лейтенантов — ветеранов в кают-компанию и открыл бутылки с бренди из корабельного запаса — то самое бренди, которое когда-то показалось таким противным Роджеру Пейну и мне, — и каждый из нас взял маленькую двухунциевую бутылочку, налил из нее в рюмку и выпил за мир.

Празднование продолжалось три или четыре дня. Помню, что на следующий день вечером я отправился навестить кое-кого из друзей, живших в районе Вайкики в Гонолулу. Там устраивали вечеринку, так что я направился сначала на Гавайи и купил штук пятьдесят бифштексов. С ними я приехал в гости, а там уже были по меньшей мере пятьдесят человек. Нас ждало множество бифштексов, но затем произошло кое-что еще. Мы услышали снаружи шум и вышли взглянуть. По улице шла демонстрация, ее участники несколько смутились при виде нашей веселой компании, и вся процессия скрылась в одном маленьком доме. Это был сумасшедший дом.

Группа подлодок вернулась в Штаты почти сразу же по окончании боевых действий, а через день мы на «Флэшер» стояли сгрудившись на борту, надеясь получить приказ и наблюдая, как отчаливают другие подлодки. По какому-то спонтанному инстинкту, когда первая подлодка вышла из дока на базе субмарин, каждый на борту перебросил головной убор через борт, и после этого на каждой подлодке проделали то же самое. На перископах у всех были вывешены приветственные лозунги, и, когда они пропадали из вида в направлении на восток, мы усмехались друг другу и строили догадки о том, как скоро мы за ними последуем.

Прошла неделя, прежде чем для нас пришел приказ. Нас направляли в Гуам.

Мы просто не могли поверить. Четырем подводным лодкам,

«Флэшер» в их числе, было приказано выполнять какое-то непонятное задание в районе Марианских островов.

Мы отходили с базы с горечью в душе у каждого, от командира до каютного юнги. Не было головных уборов, брошенных в воду, и не развевалось никаких повешенных на перископах транспарантов.

Целый день и полночи мы шли курсом на Гуам. Затем приняли шифрограмму, адресованную офицеру, командующему тактическим подразделением. На «Флэшер» была очень сильная группа шифровальщиков, и они расшифровали послание раньше командующего. Они мгновенно ворвались через люк наверх, чтобы сообщить мне новость:

— Капитан! Нам приказано вернуться назад в Пёрл!

Я бросил взгляд на послание, развернул «Флэшер» и дал команду идти на полной скорости:

— Полный вперед на Пёрл!

С другой подлодки командующий группой заметил, что мы вышли из боевого построения, и дал мне мигающий световой сигнал.

— Куда вы направляетесь? — спрашивал он.

— Узнаете через минуту, — просигналил я в ответ.

На этот раз мы задали тон в возвращении всей группы в Пёрл.

Мы были в Перле всего несколько дней, прежде чем пришли распоряжения проследовать в Нью-Лондон, штат Коннектикут. Наконец-то доблестная «Флэшер» возвращалась на базу.

Путь от Пёрл-Харбора в Панаму — одно из самых длинных морских плаваний, которое только можно предпринять, и мы получили удовольствие от каждого его момента. Погода была прекрасной, солнечной, даже океан казался дружелюбным. Мы, конечно, погружались не единожды. Единственным, кто нам повстречался, был кит.

После двух дней у Панамы мы напали на то, что, должно быть, было "райскими кущами", район очень богатый водорослями и изобиловавший всеми видами рыбы. За время своей флотской карьеры я видел множество морских свинок, но ни разу такого количества, как в тот день. Должно быть, их было тысяч десять, прыгающих повсюду в воде. Тут были стаи тунцов повсюду. И вдруг, когда мы направлялись на юго-восток, увидели двух китов, справа по носу, плывших на северо-восток неизменным курсом и с постоянной скоростью, на дистанции примерно в пять миль.

Я немного изменил курс, просто для того, чтобы приблизиться настолько, чтобы посмотреть на них. Мы

придерживались курса и скорости, и так же поступали они. Наконец, когда мы отклонились в сторону примерно на полмили, я повернулся к вахтенному офицеру.

— Ну, — сказал я, — может быть, нам следует притормозить. Они уже на подходящем расстоянии.

Мы немного замедлили ход и оставались на месте, ожидая, что они издадут звук или повернут, увидев нас. Но они этого не сделали. Наконец мне пришлось скомандовать:

— Срочно полный назад, — и даже при этом мы ударили одного из них носом лодки.

После этого оба ушли под воду. Это был легкий удар, и я не думаю, что мы ранили кита. Мы решили, что оба они дремали, пока не произошло столкновение. Но в дреме или нет, они делали около десяти узлов.

В Панаме нас ожидали новые инструкции. Мы должны были сначала идти в Новый Орлеан. И мы проследовали к Мексиканскому заливу, уверенные в себе, как Господь Бог, чувствуя себя победителями в войне, которым принадлежит Вселенная. Когда мы вошли в устье Миссисипи, нас запросили, нужен ли нам лоцман.

— Что вы, нет, — ответили мы. — Мы сами сможем проплыть по этой реке.

Мы вошли в ее воды ночью, и эта ночь стала настоящим кошмаром. Река была всего на несколько дюймов ниже береговой полосы, мы не видели никаких ориентиров, и никто на борту не знал правил движения по Миссисипи. Каждый раз, когда мимо проходил пароход, мы едва не сталкивались с ним, и один раз нас отделяло всего несколько дюймов от дренажной трубы, которую мы чуть было не разрезали пополам. Наконец после бессонной ночи мы прибыли в Новый Орлеан, где никак не могли найти базовую стоянку. Мы двигались вдоль берега, как автобус с заблудившимися туристами, окликая всех встречных на пирсе, чтобы спросить дорогу, пока, в конце концов, не нашли ее. Некоторое время спустя у одного из офицеров с «Флэшер» было свидание с дочерью речного лоцмана, и когда этот офицер вернулся, то сообщил нам, что наша лодка стала первым на памяти одного поколения кораблем с большой осадкой, который поднялся вверх по реке без лоцмана. Не знаю, верно это или нет, но уверен в одном: я никогда больше не сделаю такой попытки.

"Флэшер" оставалась в Новом Орлеане два или три месяца, совсем без дела, в то время как у Энн и меня были еще одни памятные каникулы, а затем нам было приказано отправиться в Мобил на празднование Дня военно-морского флота. Оттуда мы должны были проследовать в Филадельфию для перевода корабля

на консервацию.

Поскольку в Мобиле нам предстояло участвовать в первом после войны праздновании Дня ВМФ, было бы вполне естественно организовать торжества как следует. Новый офицер Хэнк Драмрайт поступил на «Флэшер» в Хантерс-Пойнт и много раз демонстрировал свои недюжинные способности. Я послал его вперед, чтобы организовать все необходимое и сделать наше участие в празднике незабываемым. Хэнк превзошел самого себя. Как оказалось, в Мобил на этот праздник направлялись крейсер, авианосец и две подводные лодки, но наш «первопроходец» обставил их всех. Мы были первыми на параде, банкеты устраивались в нашу честь, а газеты пестрели сообщениями о «Флэшер». Это откровенно приводило в замешательство, особенно когда меня призвали выступить с речью. Возвращаясь мысленно во времена учебы в Военно-морской академии, я припоминал, что как-то говорил речь по такого рода случаю, для той я взял за основу выступление великого флотоводца прошлого. Но, к несчастью, я выбрал адмирала Фаррагута, героя союзных войск залива Мобил.

Мой друг Сэм Ники приехал из Мемфиса, и я пригласил его на борт «Флэшер», чтобы он составил нам компанию в пути до Ки-Уэст. Это было против правил, но я знал, что никто не будет особо тщательно проверять, и к тому же я хотел поквитаться с Сэмом за разного рода розыгрыши, которые он мне устраивал в прошлом. Однажды он отошел к кормовой части мостика на добрых двадцать пять футов от люка, я подождал, пока он повернется спиной, и дал звуковой сигнал к погружению. Но на самом деле он не был подключен. Сэм был первым, кто нырнул вниз в люк.

От Ки-Уэст мы пошли в Филадельфию, где провели несколько месяцев; там были сняты наши батареи и нас постыдным образом отбуксировали в Нью-Лондон, где «Флэшер» была поставлена на прикол. К тому времени с нами остались лишь немногие из членов экипажа и три офицера. Во время краткой церемонии отправки лодки на консервацию мы стояли и смотрели на ее старый корпус, с которым нам довелось пройти через столько испытаний, и у всех на глаза навертывались слезы. Не было сказано ничего знаменательного; мы просто зачитали приказ и спустили флаг нахождения в строю, а мне вручили ручку и набор карандашей; но это был один из незабываемых моментов в моей жизни. Я только сдавленно пробормотал «спасибо».

* * *

Я был откомандирован обратно в Ки-Уэст, принять командование над военным кораблем США «Кубера», субмариной нового типа. Я снова вернулся в мирное время на службе в военно-морском флоте. А теперь нам нужен был дом побольше, чем прежний, потому что кроме Энн и Билли у нас теперь была Гейл. С самого начала войны Энн развернула длительную кампанию по поиску ребенка, для которого мы могли стать приемными родителями. В то время было очень трудно для тех, кто был на военной службе, усыновить ребенка, но упорство Энн было наконец вознаграждено, и, когда мы были в Филадельфии, прибыла наша прекрасная трехлетняя дочка. Это была огромная радость, и, более того, Энн проторила дорогу для других супружеских пар, где мужья служили в подводном флоте. В последующие годы двадцать пять или тридцать подводников усыновили или удочерили детей через то же агентство, благодаря которому у нас появилась Гейл.

Война прерывает многие нити, связывавшие людей, но две из них были вновь соединены, когда мы прибыли в Ки-Уэст. Человеком, которого я должен был сменить в качестве командира, был Роджер Пейн, мой давний товарищ еще по «Уаху», который теперь уходил, чтобы стать экспертом по ведению атомной войны. А Джек Григгс, также с «Уаху», был теперь моим инженером-механиком.

"Кубера" была под моим командованием примерно год. За это время мы удочерили еще одного ребенка, Салли, и на наших глазах другие наши друзья обзаводились детьми, которых так долго жаждали. Режим работы на базе подводных лодок был идеальным, работа, которую мы выполняли, — интересной, а «Кубера» — прекрасным кораблем. Я немного беспокоился по поводу того, что мне казалось признаком того, что военно-морской флот скатывается к одной из своих прежних ошибок мирного времени — к растущей сверхосторожности, к возвращению к некоторым из отвергнутых будничных распорядков и к бюрократизму, без которых нам было бы лучше, — но полагаю, что такое происходит со всеми ветеранами войны, когда они привыкают к мирным будням. Я был доволен жизнью и своей карьерой на флоте, но, когда однажды вечером «Кубера» встала в док, у меня в груди появилась странная боль, отдававшаяся в руки и в шею. Она была не сильной, но необычной и очень неприятной.

Женщина, которая помогла нам взять приемных детей, была в тот день в Ки-Уэст, и мы устраивали банкет на лужайке для нее и для четырех семей подводников, которые также усыновили или удочерили детей. На эту вечеринку ждали и меня, но я сначала

пошел в медпункт. Молодой врач осмотрел меня, нашел сердечный приступ и посоветовал лечь в больницу.

Однако я отнесся к этому довольно легкомысленно, и я решил, что он излишне дотошен в отношении меня. Вместо этого я пошел на банкет на лужайке, и через некоторое время боль исчезла. Она вернулась в ту же ночь, и на сей раз настолько ощутимой, чтобы заставить меня на следующий день отправиться в больницу. Врач простукал меня, послушал и сказал, что не похоже на то, что у меня сердечный приступ в моем возрасте — мне было тогда тридцать пять, — но не мешает проверить. Человек, который обслуживает электрокардиограф, сейчас в отпуске, сказал он, но вернется через десять дней, и тогда, по его словам, мне не помешает снова прийти к нему на прием. Я вернулся к повседневным делам — всю неделю управлял «Куберой», по выходным играл центровым в команде по софтболу (разновидность бейсбола) и почти забыл о своей боли. Но однажды вспомнил и прогулялся до больницы, чтобы провериться.

Что-то было не так с первой кардиограммой, и они сделали еще одну. Та оказалась еще хуже. Когда врач взглянул на нее, он выглядел обеспокоенным, и впервые я внутренне похолодел от внезапной слабости. Но после третьей пробы оператор вернулся с проявленной пленкой, и на его лице сияла улыбка.

— Эта получилась отлично! — сказал врач. — Она отпечаталась великолепно!

Я улыбнулся ему:

— Слава богу, а то я уже беспокоился.

Он с любопытством взглянул на меня из-за оттиска:

— Ну, похоже на то, что у вас и в самом деле был сердечный приступ. Но сейчас оттиск получился прекрасный.

Врач схватил кардиограмму, посмотрел на нее и сказал, что у меня и в самом деле серьезные проблемы с сердцем. Он прописал мне строгий постельный режим, предупредил, что любое волнение или любая активность могут стать для меня роковыми, предостерег, чтобы я не проявлял беспокойства, и ушел. К утру я дрожал как осиновый лист.

Я провел на больничной койке две или три недели, постепенно обретая чувство перспективы, и наконец спросил врача, когда был самый опасный период. Он сказал, что это было сразу же после приступа. Вспомнив, что у меня был необыкновенно удачный день в роли центрового всего через несколько дней после приступа, я почувствовал настоятельную необходимость задать второй вопрос:

— Кто самый лучший кардиолог в мире?

— Доктор Пол Дадли Уайт, — сразу же сказал он. — В Бостоне.

— Тогда мне нужен отпуск по болезни, — сказал я.

Отпуск мне дали, и я отправил доктору Уайту заказное письмо авиапочтой, в котором сообщал, что еду к нему, и отбыл, прежде чем он успел ответить. Я добирался до Бостона самолетами ВМФ различных рейсов, сделав остановку в Нью-Лондоне, чтобы повидать Честера Нимица-младшего и его жену Джоан. Я подумал, что, может быть, в последний раз увижу их.

Я проковылял в их гостиную, Честер схватил меня за руку, энергично пожал ее и объявил, что мы все идем купаться в честь моего прибытия. Я сказал ему, что не могу. Он порылся в ящике комода и достал для меня плавки.

— Ну, давай, — сказал он, — надень их.

Я надел, полный дурных предчувствий, и робко спустился к воде посмотреть, как плавают Честер и Джоан.

— Давай, давай, не бойся! — крикнул он.

— Честер, у меня только что был сердечный приступ. Боюсь, что, если пойду, это меня убьет.

Он фыркнул.

— Ну, ради бога, прыгай, и узнаешь.

Наверное, это было началом моего выздоровления. Я прыгнул в воду, и, так как это меня не убило, я стал думать, что, возможно, в конце концов поправлюсь.

Доктор Уайт сделал больше, чтобы убедить меня. Он заставил меня подниматься с ним по лестнице и проходить целый лестничный марш, предприятие, которое при моем образе мыслей было сродни покорению горы Эверест, а он заверил меня, что, если бы у меня был приступ не легкой формы, я, скорее всего, умер бы прежде, чем добрался до Бостона.

Я стал расспрашивать доктора, что мне можно делать. Играть в гольф? Да. В теннис? Конечно. В гандбол? Определенно. Кататься на лыжах? Прекрасно, очень полезно. Я стал называть каждый вид спорта, который мне приходил в голову. Когда я дошел до футбола, он взял меня за руку.

— В вашем возрасте, — сказал он, — вам следует уйти с поля примерно к концу третьей четверти матча.

Я полагаю, что это было своего рода лечение психологическим шоком, и оно оказалось для меня чудодейственным. Это было как отмена жалкого существования. Я не отношусь к типу людей спокойных, склонных к размышлениям и уже был уверен в Ки-Уэст, что меня, судя по всему, ожидает совершенно лишенный активности образ жизни.

Доктор Уайт написал письмо с заключением состоянии моего

здоровья, и с ним я отправился назад в Ки-Уэст и провел пару месяцев в отпуске по болезни, ежедневно плавая в бассейне офицерского клуба, в то время как более молодые военные врачи из состава ВМФ стояли у края и держали друг с другом пари по поводу того, как скоро я всплыву на поверхность брюхом вверх. Затем я подплыл к подъемной доске. Они спросили меня, не хотел бы я вылезти, и я сказал: хотел бы. Имея на счету сердечный приступ, я был убежден, что мои возможности продвижения на флоте будут значительно ограничены.

* * *

В то время как «Флэшер» была в Филадельфии, я случайно встретил старого товарища по Военно-морской академии, который должен был предстать перед военным трибуналом из-за несчастного случая, к которому был причастен его корабль. Мы весьма основательно обсудили юридические аспекты процесса, и, когда впоследствии я узнал, что он завершился принятием именно тех решений, которые я предугадал, — его судили, и он был осужден, но приговор был аннулирован генеральной прокуратурой, — я решил, что юриспруденция интереснейшая область знания. Теперь, ожидая своего увольнения со службы, я вспомнил об этом случае и подумал, не слишком ли поздно для меня стать адвокатом. Тяжело планировать новую карьеру, начиная с самых азов, после того как ряд лет занимался чем-то еще.

Однажды ко мне в гости в Ки-Уэст прибыл один из моих друзей из Мемфиса, Джон Апперсон. Мы говорили о будущем.

— Изучай право и приходи к нам, — говорил Джон. — Я подберу тебе офис с видом на Миссисипи.

И вот Энн с детьми и я переехали в Шарлоттесвилль. Я поступил на юридический факультет университета Вирджинии. Мы вернулись в Мемфис, уже с дипломом юриста, и, когда появился еще один ребенок, Уилсон, я перебрался в офис с видом на реку. Через некоторое время я поступил еще в одну фирму, и вида на реку уже больше не было. Но у трудного в правовом отношении дела или жесткой политической кампании много общего с атакой на конвой. Длительный, мучительный подход к проблеме, искусный маневр для выбора позиции, трудные моменты сомнений и нерешительности и, наконец, мобилизация всех ваших сил на то, чтобы сделать ход, который, в конечном счете, принесет успех или неудачу, — схема одна и та же. Уйдя из подводного флота, я терялся в догадках, найду ли когда-нибудь

подходящую работу, которая сделала бы меня счастливым. Теперь я иногда ловлю себя на том, что думаю о старых добрых днях, когда мог расслабиться и смотреть на вещи проще.

Глава 15
Последние из корсаров

Даже еще до того, как я демобилизовался из военно-морского флота, стали происходить значительные изменения в конструкции подводных лодок и о кардинальных изменениях продолжали говорить. «Кубера» уже была спроектирована с учетом ее полного переоборудования (модернизация подлодок военного времени по программе GAPPY со шноркелем). С ее палубы будут сняты орудия, которые, как показал опыт войны, имели второстепенное значение, а также всякие прочие маловажные надстройки, которые только ограничивали ее скорость. Ее надстройка и боевая рубка станут обтекаемыми, и будет установлен шноркель, приспособление, разработанное в Германии в конце войны. Это устройство дает подлодкам с дизельным двигателем возможность «дышать», не поднимаясь на поверхность. Труба, нависающая над мостиком, позволяет засасывать воздух с поверхности, в то время как подводная лодка находится на перископной глубине. Без шноркеля дизели не могут быть использованы под водой, потому что им требуется воздух, а когда нам нужно запустить дизели, чтобы подзарядить батареи, приходится всплывать. Со шноркелем субмарина может неделями не подниматься выше перископной глубины.

Но это было только началом. К тому времени, когда я уже взял отпуск в Ки-Уэст, разрабатывалась конструкция первой в мире подлодки в истинном смысле этого слова: теперь это уже не была лодка, плавающая по поверхности и погружающаяся лишь на ограниченные периоды времени, а корабль, который мог находиться под водой неопределенно долгое время. Наступление века атома сделало возможной постройку силовой установки, не требующей воздуха, и постройка подводной лодки «Наутилус» с ядерным двигателем вскоре сделала реальностью мечту о подводной лодке фантаста Жюля Верна. Этот корабль способен покрывать двадцать тысяч лье или больше без дозаправки и может проходить под полярной шапкой льдов или обогнуть земной шар, не всплывая на поверхность. Это новый тип "боевой рыбки", которая, как вскоре стали говорить подводники, поднималась на поверхность только раз в четыре года для смены экипажа.

Поколению, чей взгляд чаще обращался в небо, чем к морю, трудно осознать ошеломляющие достижения, которые были воплощены в конструкцию подлодок всего за несколько лет.

Собственно говоря, в качестве эффективного боевого средства на вооружении военно-морского флота подводная лодка является феноменом двадцатого столетия. Она была применена еще во время Войны за независимость (англо-американская война), когда одноместный автономный подводный аппарат «Тэтл» совершил неудавшуюся попытку потопить британский военный корабль, стоявший на якоре близ острова Гавернорс у Нью-Йорка в 1777 году. Но пока изобретатели продолжали годами работать над новыми типами подлодок, в большинстве стран мира фактически игнорировали их потенциальные возможности, и крупнейшие морские державы, по существу, принимали их в штыки, видя в подлодке разновидность боевого корабля, который годится лишь для более слабых стран. Француз Роберт Фулхон не мог заручиться поддержкой для своего «Наутилуса» ни в своей стране, ни за рубежом. Только во время Гражданской войны в США подводная лодка ручного привода конфедерации «Ханли» потопила малый корвет военно-морских сил США «Хаузатоник» близ Чарлстона, а сама в ходе этой операции пропала без вести со всеми девятью членами экипажа. Это был первый случай уничтожения субмариной судна противника. Флот Соединенных Штатов не нуждался в том, чтобы иметь на вооружении подводную лодку, до 1900 года, и подвиг «Хантли» не был повторен вплоть до Первой мировой войны.

Теперь чуть ли не в мгновение ока подводная лодка стала тем, чем она должна быть по определению. Ее потенциальные возможности в качестве носителя установок для запуска управляемых ракет признаны колоссальными; еще в 1947 году была выпущена ракета с палубы подводной лодки близ Пойнт-Могу в Калифорнии. Торпеды с новыми и невероятными качествами, такие, как торпеды с гидроакустической системой самонаведения и торпеды с заданной траекторией движения, умножили эффективность подводной лодки в качестве оружия для борьбы с надводными кораблями. Подводные лодки все чаще используются для переброски войск, в качестве нефтеналивных судов, минных заградителей и кораблей радиолокационного дозора. Новые боевые подводные лодки, построенные со времени войны, — в том числе тезки «Уаху» и «Тэнг» — могут двигаться быстрее под водой, чем на поверхности, что сделало ситуацию диаметрально противоположной по отношению к той, при которой так трудно давались сближения с находящимися на большом расстоянии конвоями во время войны. «Скипджек», первая подлодка, на которой мне довелось служить, была новейшей и самой лучшей на флоте в то время, когда я на нее поступил, менее чем за два года до Пёрл-Харбора, сегодня уже

устарела. Все более частые разговоры о том, что в будущем весь флот станет подводным, когда даже линкоры и авианосцы уйдут под воду для большей безопасности или скрытности маневра, возможно и скорее всего, несбыточные мечты. Но несомненно одно: подводные лодки доказали свое право на все возрастающую роль в планах военно-морского строительства.

Для подводника в высшей степени обнадеживающим является подтверждение того, что лодка не подведет, и вера в это свойственна всем подводникам; наконец, демонстрация того, что подлодка не есть некое диковинное чудище, которым ее когда-то считали, а одно из боевых средств на главном направлении развития военно-морских сил. Но для романтика есть доля сожаления в таких семимильных шагах развития, точно так же, как, должно быть, оно было присуще асам Первой мировой войны, на чьих глазах аэроплан преобразовался в такую громадину, в которой индивидуальность пилота потеряна.

Мы были корсарами в тихоокеанской войне, и, полагаю, последними из корсаров. Какое-то время мы несли на себе покров старых корсаров прошлого поколения. Нам посчастливилось последний раз вкусить то, что можно назвать своеобразием индивидуальности в современной войне. Война на протяжении веков всегда была злом, но до тех пор, пока отдельное подразделение было не затеряно в массе группировок, эскадронов, флотов и армейских корпусов, было что-то, что позволяло выносить ее, возможность увидеть конфликт в индивидуальном преломлении, шанс ухватиться за нить романтики в море ненависти. Когда вы думаете о себе как об одиноком волке, рыщущем по морям, выслеживая врага и завязывая с ним бой один на один, это доступно пониманию, это в масштабах личности, а не чего-то невероятно колоссального; при этом остается элемент здравого смысла.

Такое чувство было у кавалеристов во время Гражданской войны, когда каждый в отдельности в чем-то играл весомую роль. "Боевые птицы", в числе которых был и мой отец, чувствовали это во время Первой мировой войны. А у нас на службе в подводном флоте было такое чувство в те суровые годы на Тихом океане. Но субмарины будущего будут слишком огромны, будут играть слишком важную роль, слишком крепко привязаны к выполнению общестратегической задачи, для того чтобы быть корсарами. В виде неатомной подлодки они стали почти анахронизмом, оружием девятнадцатого столетия, получившим дальнейшее развитие и, таким образом, привнесшим и в двадцатый век в последний раз качество, делавшее войну выносимой для тех поколений. В мире ядерной физики вряд ли какой-то новый

элемент романтики на суше, на море или в воздухе смягчит войны будущего.

Мы были последними из корсаров. Убеждение в этом укрепилось во мне с тех последних месяцев, проведенных на Тихом океане, и оно оставляет смешанные чувства: благодарность и некоторую гордость и во многом ностальгию, а когда я смотрю на своих сыновей и думаю о будущем — холодное чувство дурного предзнаменования.

notes

Примечания

1

1 Ютландское сражение – крупнейшее морское сражение всех времен и народов.

2

2 «Мицубиси – 97»– двухмоторный средний японский бомбардировщик.

3

3 То есть лодка потеряла устойчивость и (временно) управление.

4

4 Речь идет о боях в Ливийской пустыне в 1940 – 1943 гг.

5

5 Гарольд Стассен – деятель республиканской партии. (Примеч. ред.)